

Гаўдзін

**ПРОЕКТ
ЦЕРБЕР**

АЛЕКС ДЕЛАКРУЗ

Алекс Делакруз
Райдзин. Проект Цербер
Серия «Варлорд», книга 11

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70360978

Аннотация

Удивительно знакомый и в то же время чужой мир. Мир, где не было Второй мировой, и где в 2027 году высокотехнологичные армии и владеющие магией аристократы трех сверхдержав спорят за мировое господство.

Там ему было тридцать, здесь нет и семнадцати. Там он был совсем один, здесь сразу же появилась та, кто считает его братом. А еще есть много тех, кто считает что ему лучше "неожиданно умереть". И теперь идти вперед чтобы выжить, побеждать и возвышаться – единственный его возможный путь, начинающийся на восточных рубежах Империи.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	46
Глава 4	68
Глава 5	92
Глава 6	105
Глава 7	121
Глава 8	138
Глава 9	166
Глава 10	207
Глава 11	238
Глава 12	255
Глава 13	291
Глава 14	315

Алекс Делакруз

Райдзин. Проект Цербер

Глава 1

Солнце сквозь густые облака не проглядывало, но белый песок пляжа и лазурная вода не теряли яркости красок. На берегу безлюдно, шезлонги пустые. Неудивительно – далеко впереди, ближе к стыку неба и океана на горизонте, среди густых фиолетовых туч периодически мелькают молнии.

Гроза идет. Но на пляже пока тихо, спокойно. Все как я люблю.

Прилетел только вчера и кажется, что впереди целая вечность отдыха. Но наслаждался я каждым мгновением на полную катушку – как будто чувствовал, что жить мне остается меньше минуты.

Допив пиво, блаженно выдохнул и выбросил маленькую бутылку в урну перед входом на пляж. Сто лет пива не пил, уже забывать начал, какое оно на вкус. С хлопком сдернул пробку с предусмотрительно захваченной второй бутылки, сделал большой глоток.

– Пара пива с утра – шаг в неизвестность, – раздался вдруг хриплый голос.

Резко повернулся. Надо же, совсем рядом на шезлонге

развалился человек. Буквально растекся, как медуза. При-
смотрелся – знакомый. Имени не знаю, вернее не помню, но
помню, что дядька из Норильска. Одним рейсом сюда лете-
ли, он через проход сидел, перекинулись парой слов, спаса-
ясь от скуки десятичасового перелета.

Выглядит мой недавний попутчик здесь чужеродно – кожа
белая-белая, как молоко; полагаю, еще пару дней, и дядька
станет красным как рак.

– Три часа дня, – пальцем постучал я по часам на руке.

– Уже? – удивился дядька, озадаченно приподнимаясь
и почесывая затылок. – А, ну ладно тогда. Я ведь когда
проснулся, тогда и утро. А проснулся я недавно... – начал
он лениво оправдываться.

Хмыкнув и отсалютовав ему бутылкой пива, я прошел к
воде. Сбросив по пути шлепанцы, встал на линии прибоя,
глядя, как белая пена набегающей волны покрывает ступни.
Сделал большой глоток, зажмурился, поднял голову и рас-
ставил руки широко в стороны.

В отпуск я прилетел безработным. Долгий период в жиз-
ни закончился, и закончилось как-то все сразу – контракт,
карьера, семья. Смысл жизни тоже где-то потерялся. Хоро-
шо хоть деньги остались. Повинуясь импульсу, зашел в пер-
вое попавшееся туристическое агентство и уже на следую-
щий день улетел в Москву, для пересадки на самолет до оке-
ана. Вот отлежусь здесь и буду думать, как жить дальше. Мне
ведь тридцать лет уже, пора бы и подумать, кем буду, когда

вырасту...

Улыбнувшись, с такими мыслями открыл глаза и посмотрел в фиолетовое небо. В этот самый момент молния и ударила. Прямо в меня, прямо в голову – я ее прекрасно видел и даже рассмотреть успел в остановившемся мгновении.

Успел еще удивиться, что толстый и яркий жгут с угловатыми разветвлениями не желтого, а непривычного фиолетового, даже лилового оттенка. Потом по позвоночнику прострелило разрядом боли и перед взором упала темнота. Чувствительность пропала полностью, при этом сознание никуда не ушло, я продолжал осознавать себя.

Это что, оно так и случается?

Секунды шли, а я – в полной тьме, так и стоял в фантомной памяти исчезнувшего тела, ощущая себя с раскинутыми в стороны руками. Непроглядная тьма вокруг постепенно раскрасилась скудными красками. Я как будто оказался в бескрайнем космосе – и уже летел куда-то сквозь превратившиеся в линии звезды, постепенно сливающиеся сначала в серую, а после снова в непроглядно темную муть.

Прекратился мой полет в большом и необъятном «ничего», в котором я завис.

«Вы приехали», – прозвучал в голове голос навигатора воспоминанием. Через несколько секунд... или часов? – темнота разошлась, а перед взором появилось однородное серое, потом белесое марево. В ушах родился глухой шум, который постепенно стихал, и сквозь него вдруг пробился

спокойный мужской баритон.

– Спокойнее, спокойнее... – Мари, не дергай ты так, ты же не лошадь арканишь... Спокойнее я сказал! – спокойный и уверенный баритон вдруг сорвался на взвизгнувший крик, сразу после которого рядом со мной сверкнула молния.

Вспышка оказалась настолько яркой, что всю тьму у меня перед глазами разогнало. Но я по-прежнему ничего толком не видел – в глазах все расплывалось, в ушах звенело.

– Кур-р-рва мать, ты же всех нас чуть не убила, Мари!

Говоривший незнакомец, судя по звукам его голоса, стоял прямо за моей спиной.

– Это не я! Это все он! – раздался в ответ девичий выкрик с нотками истерики откуда-то сбоку-спереди.

– Мари! Реципиент в ритуале не участвует, сейчас это просто организм, которым управляешь именно ты! Нет-нет, без резких движений пока, просто держи контур, я страхую.

– Хорошо, мастер, – голос совсем юный, дрожит от испуга и напряжения.

Белесое мглистое марево перед глазами постепенно истончалось. Понемногу – совсем понемногу, возвращалась четкость зрения. Тела по-прежнему не чувствую, но судя по тому, что вижу, голова у меня сейчас запрокинута далеко назад, взгляд направлен вертикально вверх.

Я как обгащенный веществами человеческий организм сейчас стою, похоже.

Так, стоп. А я – это кто?

Ответа в памяти не нашлось. Молнию помню, пляж помню, перелет помню – даже дядьку из Норильска, с которым в самолете через проход летели, помню. Домодедово помню, вокзал Восточный тоже помню. Мир окружающий помню досконально: Москва – столица нашей Родины, Лондон из зе кэпитал оф Грейт Британ, вот до мелочей все. А вот кто я такой – вообще ничего.

Абсолютная пустота, словно стертая ластиком часть картинки. Понимание потери личной памяти перекрыло даже осознание моего странного положения здесь и сейчас. Но лишь на пару мгновений, потому что «...ты нас всех чуть не убил» все же заставило серьезно насторожиться.

Муть перед глазами постепенно расходилась – перед взором приобрело четкость ярко синее небо, расчерченное белыми перистыми облаками. Это не предгрозовое небо, на которое смотрел совсем недавно на берегу южного океана.

Вокруг родные березки – листва на ветерке едва трепещет, шелестит. Небо над собой уже хорошо вижу, зеленую листву тоже вижу. И все, больше ничего не вижу – словно на большой скорости туннельный эффект поймал: по краям взгляда фиолетово-лиловые всполохи. Не понять, где нахожусь и кто стоит рядом.

Можно было бы подумать, что я ловлю галлюцинации, но этому мешает быющее в висках эхо недавней вспышки боли. Приложило меня молнией все же очень прилично – второй молнией, которая сверкнула уже здесь, а не на пляже.

И надо же, вместе с болью уже понемногу чувствую тело. Как будто не свое, как будто обезболивающим обкололи, которое только-только отходить начинает. Зато ясность мыслей полная, мозг на полную работает. Но несмотря на полную ясность мыслей я совершенно не понимаю, что здесь вообще происходит и что это за голоса вокруг.

Перед глазами постепенно все начало темнеть. Еще одна итерация света и тьмы? – подумал было я, снова погружаясь в беспомощность. Посмотрели и хватит, снова в полет к звездам? Сознание гасло, мысли потекли вяло.

– Софи?! – окрик раздался глухо, словно сквозь вату.

– Да, мастер? – раздался звонкий девичий голос.

Спокойный, сосредоточенный – в отличии от визгливого и противного голоса Мари, которая чуть было все здесь не сломала.

– Софи, отпусти реципиента, он же забыл как дышать!

– Ой, простите, мастер.

Тело вдруг рывком выпрямилось и сильный вдох – мой сильный вдох, раздался очень громко. Я его прочувствовал целиком и полностью, вместе с возвращающейся чувствительностью ощутив невероятную сладость воздуха.

Похоже, мое «тело» действительно до этого момента не дышало: я ощутил, как бурно поднимается грудь. И именно в этот момент ощущения словно синхронизировались. Ко мне вдруг полностью вернулась чувствительность, я вновь ощущал себя целиком и полностью, как человек. Правда, как за-

кованный в кандалы и полностью обездвиженный человек. Неведомый «мастер» между тем заговорил снова, с успокаивающими интонациями:

– Все-все-все, Мари, я все починил, можно начинать снова. Давай только не как в первый раз.

– Мастер, да это не я, это реципиент бракованный! – ответила вдруг Мари с нотками истерики.

А ведь «реципиент бракованный» – это же она про меня.

– Мари, успокойся. Отставить истерику!

– Мастер, я...

– Мари! Реципиент абсолютно нормален, не говори ерунду.

В голосе невидимого мастера послышалось сдерживаемое раздражение. Похоже, эта Мари не очень-то обучаема. И ладно бы это было только ее проблемой – это ведь я, «реципиент бракованный», должен принять в ее второй попытке непосредственное участие.

Так.

Люди не перемещаются безоглядно с океанского пляжа в березовую рощу на место странного ритуала. «Ты же нас всех чуть не убила!», – снова вспомнилась фраза невидимого мастера. Похоже, первого участника Мари как раз-таки убила, и теперь – после полета сквозь космические дали, во всем этом дерьме принимаю участие я.

Бредово звучит? Может быть, но других версий происходящего у меня нет. Если не держать в уме, что я выжил после

удара молнии и сейчас в галлюцинациях беспамятыства, или же рассмотреть вариант лишней добавки в пиве, после которой меня и приглушило так. Впрочем, в нереальность происходящего именно сейчас я не верил – чувствительность к телу возвращалась через боль, а такое не приснится.

– Мастер, он какой-то гуттаперчевый, у меня привязка соскакивает постоянно! Это невозможно, я говорю вам, реципиент какой-то неправильный!

И кстати, почему они меня так называют? Ведь реципиент – это тот, кто что-то получает. Донорские органы или чужую кровь, например. Почему я реципиент, что я должен сейчас получить? Молнию в голову? Так уже...

– Юная леди, соберитесь и успокойтесь! Мы с Софи страхуем, все в порядке, все под контролем...

Я вот засомневался, что все в порядке, оттого что тело мне подконтрольно не полностью, чувства максимально обострились. Может быть, из-за этого я буквально кожей, новым неведомым чутьем ощутил исходящее от невидимого мастера не только глухое, копящееся раздражение, но и испуг.

Очень четко этот его испуг почувствовал – запоздалый страх произошедшего, осознание грозивший беды, приходящее постфактум. Похоже, пугаться обладателю баритона было отчего: неизвестная мне Мари совсем недавно определенно перегнула палку.

Багряные всполохи по краям зрения между тем понемногу рассеивались, и я наконец увидел мутные очертания фи-

гур рядом. Двое, по сторонам слева и справа передо мной. Стоят на некотором удалении, пока вижу только силуэты.

– Так, юные леди, вдохнули-выдохнули, давайте все по новой, – раздался за спиной вернувший уверенность и спокойствие баритон невидимого мастера. – Софи, готова? Молодец, я в тебе не сомневался. Мари, готова? Давай, юная леди, встряхнись! Как с чистого листа. Замыкаю первый контур, внимание...

Силуэты на периферии зрения не сдвинулись ни на йоту. Они стояли в нескольких метрах, вот только я неожиданно ощутил касания как будто невидимых рук. Голова дернулась, руки тоже – я теперь встал ровно как оловянный солдатик. Мной реально управляли, как игрушкой с пульта управления.

– Софи, отпускаешь. Мари, перехватывай. Готова?

– Да, мастер.

– Правая рука, внимание... отпусти. Левая рука, внимание... отпусти. Теперь ноги, внимание...

Я поочередно ощутил, как руки на миг словно оказывались в невесомости, но после их действительно перехватили. Как передают ниточки управления игрушкой в кукольном театре.

Мари реально перехватила контроль над моим телом. Я хорошо ощутил, как эта тупая пи... пигалица, допустим, взяла управление в свои неумелые кривые ручонки. Вместе с осознанием происходящего внутри поднимались злость и

раздражение. Было отчего – меня теперь периодически подергивало как эпилептика.

Похоже, до этого момента меня контролировала обладательница спокойного голоса Софи, а сейчас управление забирала криворукая Мари. В том, что она не только криворукая, но и истеричная тупая капризная дура, я уже совершенно не сомневался.

– Первый контур есть, молодцы. Приступаем ко второму контуру. Софи, готова?

– Да, мастер.

– Мари?

– Да, мастер.

Голос первой девушки звучал уверенно и спокойно. А вот голос Мари, которую я видел пока как размытый силуэт, заметно дрогнул неуверенностью. Не нравится мне это.

– Мари, не нервничай, все в рабочем порядке, – похоже, невидимый мастер тоже заволновался. И, явно подумав, решил все же произнести нечто мотивирующее: – Мари, ты делала это десятки раз на ментальном манекене, сделаешь это и на разумном существе. Ты сможешь, у тебя все получится. Готова?

– Да, мастер, – пискнула Мари.

Мда, до умения мотивирующих речей как у Аль Пачино в фильме «Каждое воскресенье», например, невидимому мастеру шагать как до Китая гусиным шагом. Я никого из них еще даже четко не вижу, но они меня уже бесят – все вместе

и каждый по отдельности.

– Мари, внимание, понемногу отпускаю второй контур, будь готова перехватить.

Сразу после этих слов багряные всполохи по периферии зрения исчезли, вновь проявилась яркость красок окружающего мира, запахи, звуки, ощущение свежего ветерка на лице.

Полностью вернулось восприятие, но не контроль над телом, который по-прежнему удерживала неизвестная мне Мари. Целиком и полностью держала – меня так сковало, что я не мог шевелить даже глазами, смотрел четко прямо.

А сама Мари, кстати, уже не неизвестная – теперь вижу ее, стоит от меня слева. Совсем юная, по голосу правильно показалось, точно не старше восемнадцати. И в странном, учитываемая происходящее, наряде: черный и полурасстегнутый приталенный китель с воротником стойкой, белая блузка, красная юбка чуть выше колен, белые гольфины чуть ниже колен. Очень похоже на форму частной школы или гимназии. Ну да, вот белая эмблема на красном лацкане кармана.

Справа от меня, как понимаю, Софи. Девушка в точь-в-точь такой же форме, да и вообще похожа на удерживающую меня школьницу как сестра-близнец. Только выглядит еще младше.

Но кроме этих двух, была на поляне и еще одна девушка. Полностью обнаженная, она лежала на животе прямо передо мной. Вернее, не лежала, а была кем-то уложена: ноги сведен-

ны вместе, руки раскинуты вбок и вверх, буквой «У». Нагая девушка лежала на идеально круглой каменной плите алтаря – ничем иным это быть не могло. Низкая и массивная каменная плита на фоне изумрудной травы поляны выглядела здесь совершенно чуждой.

Лица жертвы – сомнений в этом никаких нет – не видно, его полностью закрывают рассыпавшиеся серебряные локоны. Причем невероятно густые, словно жидкий металл. Не седые, не белые или крашенные – самое настоящее серебро. Волосы очень длинные – как минимум до бедер, частично прикрывают наготу девушки. Но все равно по подростковой угловатости фигуры можно понять, что жертва передо мной еще совсем юная, как и проводящие ритуал гимназистки.

Не сразу я заметил, что нагая девушка лежит в бледно-начертаных границах рисунка, словно выцарапанного на камне. Руки ее раскинуты по расходящимся в стороны лучам трехконечной звезды. В двух вершинах этой звезды, у ладоней нагой девушки, стоят Мари и Софи. В третьем, нижнем луче, где лежат ее сведенные ноги, стою я. Прямо за моей спиной – невидимый мастер.

Происходящее не нравилось мне все больше и больше. Эмоции уже прошли путь от настороженности до самой настоящей паники – которая накрыла бы меня уже давно, если бы не накатывающие от бессилия гнев, злость и раздражение.

Ритуал здесь происходит явно не очень хороший, как в

фильмах ужасов. Только ритуалы из фильмов ужасов в темных и завешанных паутиной подвалах происходят, а здесь и сейчас – густая зелень, белые березки. Небо яркое, синее, птички весело поют, а рядом со мной две почти обычные школьницы. И что самое страшное – я просто ничего не могу сделать. Мне до сих пор даже глазами не пошевелить – смотрю строго прямо, без малейшего контроля над телом.

– Мари, поставь его на колени, – скомандовал управляющий ритуалом мастер.

Я бы этого мастера сейчас сам поставил, на колени и не только – вновь заметалась в груди не находящая выхода злость. Но я по-прежнему не мог ничего сделать, никак не мог сопротивляться чужой воле – мне оставалось только наблюдать за происходящим.

Мари подняла руки и, не сходя с места, делая плавные пассы, начала действовать. Физически она меня не касалась, но вокруг моих уже расставленных в стороны рук воздух уплотнился. Чуть погода и вовсе проявились светящиеся фиолетово-лиловым энергетические жгуты, обмотавшие запястья словно плети. Самые настоящие веревки, сотканые из светящейся энергии. Более того, глаза Мари теперь светились таким же ярким светом – я подобное раньше только в фантастических фильмах видел.

Жгуты вились вокруг, фиолетово-лиловые всполохи я замечал уже совсем рядом с лицом. Похоже, у меня не только руки, но и шея, грудь, ноги – все тело обвязано этими энер-

гетическими канатами. Цвет которых точь-в-точь повторяет цвет молнии, которая ударила меня совсем недавно на пляже южного океана.

Вот умные люди с пляжа ушли, а я, наоборот, к воде поперся. На язык попросилась знаменитая фраза главы российского МИДа, и я бы сейчас не удержался – если бы мог говорить.

Энергетические жгуты вокруг меня между тем исчезли – но ярким фиолетово-лиловым сиянием загорелись линии трехконечной звезды и идеально ровная окружность по периметру камня алтаря. Миг, и мы все оказались словно под куполом – березы по краю поляны, небо над головой, все оказалось за размытой полупрозрачной пеленой.

Мари, глаза ее так и горели фиолетово-лиловым, продолжала мною управлять. Голову с плечами вдавило как будто под прессом; ноги при этом не гнулись. «Да что она делает, у меня сейчас кости захрустят, а ноги в обратную сторону сложатся! Стой, дура, стой, тварина тупая!» – заметались мысли.

– Стой, стой, ты ему ноги сейчас сломаешь! – среагировал и невидимый мастер. – Мари! У него ноги могут сгибаться или сами, если ты правильно надавишь, или твоей волей – а ты же просто жмешь ему силой на плечи!

В голосе невидимого мастера слышались едва заметные нотки усталости. Сложно тупым что-то объяснять, особенно не по одному разу. А то, что проводящая ритуал Мари не от-

личается умом и сообразительностью, я уже давно догадался. И это подкинуло топлива в огонь бушующей в груди злости.

После окрика невидимого мастера мне по ногам сзади словно дубинкой ударили. Это было жестко – я с размаха рухнул коленями прямо на каменную плиту, частично попав по ступням нагой бесчувственной девушки. То, что она бесчувственная, понятно – от такого удара, будь она в сознании, невозмутимо лежать точно бы не стала.

Или она тоже не контролирует свое тело? Подумал об этом краем сознания – потому что основное восприятие заняла боль от удара коленями в камень. Но мне даже не закричать. Я и смотрю по-прежнему только прямо-вперед, не в силах даже едва шевелить глазами.

Контроль над телом у меня забрали, оставались только мысли и восприятие. И еще накатывающая волнами яростная злость на этих трех странных личностей, которые сейчас управляют моим телом.

Мои руки между тем деревянно поднялись, и раскрытые ладони уперлись в бедра жертвы. Некоторое время я дергался как болванчик и не очень понятно, что вообще со мной происходило. Просто с грацией полена лапал ягодицы бесчувственной девушки, без ума и без фантазии.

– У меня не получается, мастер! Я же говорю, что он тупой!

«Это я тупой?» – накрыло меня очередной волной злости. Неожиданно я услышал, как негромко и пренебрежитель-

но фыркнула стоящая справа Софи. Похоже, она явно была не согласна с оценкой ситуации от Мари.

– Мари, с таким отношением миньона мы не создадим.

– Простите, мастер. Я стараюсь, но говорю, как есть, – без чувства вины ответила Мари, говоря уже с погасшими глазами.

Она, похоже, не понимает, почему к ней вообще предъявляются претензии. Господи, как же хорошо на этом свете дебилам жить.

– Мари! – хлестнуло вдруг окриком мастера.

Похоже, в этот раз он крикнул с какой-то ментальной добавкой – внутри нашего купола аж грохнуло. Я реально вздрогнул всем телом – не сам, а как следствие того, что вздрогнула полностью контролирующая меня сейчас Мари.

– Ты маг-менталист, и в чужом теле ты замещаешь чужую волю своей. Это тонкая работа, это не грубая сила, Мари!

«Замещаешь чужую волю». Вот почему реципиент: цель ритуала – вытеснить мою волю, заменив чужой. Подчинить ментально и сделать слугой, если я правильно понимаю значение прозвучавшего термина «миньон».

Мастер между тем, похоже, потерял контроль над собой. Похоже, скопившееся – возможно, не за один день или даже месяц – глухое раздражение именно сейчас переполнило чашу его терпения и сорвало резьбу. Причем конкретно сорвало – потому что мастер из-за моей спины уже откровенно орал на подопечную, повторяя явно очевидные (для осталь-

ных присутствующих, полагаю) вещи:

– Ты выполняешь простейшую задачу создания миньона! Простейшую, Мари! Взять под контроль тело? Сделано! Подавить разум? Сделано! Отключить эмоции? И это сделано! Тебе просто нужно собрать волю реципиента в одном месте. Намотать ментальной привязкой как сопли на кулак, это же так просто!

Кстати, вот сейчас я – как бы ни было трудно признавать ошибку – понял, что не так уж Мари тупа и безнадежна. Потому что мастер явно ошибался – эмоции у меня точно не подавлены, злость в груди тому подтверждение. Да и насчет подавленного разума тоже спорно, я ведь вполне осознаю происходящее. Абсолютно трезво, во всей полноте картины, не теряя возможности мыслить и анализировать происходящее.

– Я не могу, мастер! Он постоянно ускользает! – повысила голос и Мари.

Она при этом взмахнула руками, на что зеркальным жестом отреагировал и я. Правда без грации, просто подняв руки дергано и неуклюже, как болванчик.

– Кур-р-рва мать, Мари! Не надо дергать его во все стороны!

– Я не дергаю! – защищающимся жестом выставила перед собой руки Мари, а я это зеркально повторил.

Сохраняющая спокойствие девушка Софи справа от меня при этом едва заметно усмехнулась.

– Мари! Почему реципиент у тебя выглядит как слабоум-

ный дурак, который очень хочет женщину, но не знает, что с ней делать? Мари, ему ведь не нужно никаких знаний! Секс как средство размножения и насилие как средство выживания – это базовые навыки разумного человека вот уже сотни тысяч лет! Ба-зо-вы-е!

В этот момент я уже почувствовал, как мне слюной на шею сзади брызгает – орал мастер громко. Похоже, он сейчас отрывался за очень и очень долгое время, когда вынужден был терпеть глупость и капризы Мари.

– Спариваться для продолжения своего рода и убивать для пресечения чужого – два основных инстинкта! Направь ты просто наконец его волю на спаривание, пусть он трахнет эту девку, а потом заставь его ее убить! Концентрация подавленной воли на простейшей базовой задаче, что может быть проще! Просто собери его волю в одном месте, направь ее на жертву! А когда девка умрет, верни ему эмоции и в момент осознания произошедшего он будет беззащитен! Это такой ментальный удар, что выкинуть его волю будет проще, чем конфетку у ребенка отобрать! И все, у тебя есть подчиненный миньон! Это же просто, как два... как дважды два!

По мере того, как орудий и потерявший контроль мастер невольно раскрывал для меня суть происходящего, собравшиеся у меня в груди гнев, злость и раздражение уже превратились в самую настоящую клокочущую ярость. А после осознания того, зачем именно мы здесь с нагой бесчувственной девушкой, вообще перещелкнуло – я уже был готов уби-

вать, голыми руками рвать этих ставящих опыты вивисекторов.

Если бы еще мог.

– Тебе понятно, что надо делать?!

– Да, мастер.

– Что тебе понятно, Мари?! – мастер, у которого заметно посвистывала фляга, все никак не мог успокоиться. – Что тебе надо сейчас сделать?

– Направляю волю реципиента в желание спариться, в процессе переносу фокус на жестокость, формируя жажду убийства, в момент эманаций смерти отпускаю контроль и после, во вспышке момента осознания содеянного, наношу ментальный удар по сознанию и выкидываю чужую волю из тела.

Голос неприятный, с капризными нотками, но говорит абсолютно по делу. Ну да, не такая уж Мари и тупая, похоже. Неумелая – да. Капризная – да. Но не тупая, определенно. Впрочем, меня это открытие совсем не порадовало.

– Мари, давай уже работать, а не устраивать тут...

Что именно тут устраивать, мастер не договорил, все же наконец вернул себе спокойствие. И продолжил совершенно спокойным и холодным тоном:

– Соберитесь, юная леди, иначе я готов отменить ритуал и вашему отцу придется искать новых обладающих искрой реципиента и жертву, а это, как вы знаете, очень непросто. И ваш отец вряд ли будет доволен неудачным результатом.

– Я понимаю, мастер. Но ведь я делаю все как вы учили, и у меня не получается.

Из-за спины послышалось сдержанное рычание. Я думал, что сейчас опять начнется истеричный крик, но нет.

– Софи? Ты можешь помочь сестре?

– Да, мастер.

– Отлично. Начинай ты, Мари, подхватишь. Помните, что закрытую дверь можно открыть тараном, но после этого она придет в негодность. Поэтому гораздо проще просто повернуть ручку и потянуть дверь на себя. Соберитесь, леди, последний раз вас прошу! Вы знаете, что делать, приступайте.

Вновь в воздухе появились энергетические жгуты, захватывая мою шею и запястья. Их сейчас держала Софи, глаза которой так же, как и у Мари, загорелись фиолетово-лиловым свечением. Девушка действовала уверенно – повинаясь ее воле, руки мои поднялись. Я уже не двигался словно деревянный болванчик на шарнирах в руках плохого кукловода, Софи управляла моим телом гораздо более умело. И я сейчас почти как обычный человек наклонился к бесчувственной среброволосой девушке. Снова положил руки на ягодицы и начал их гладить, периодически спускаясь на бедра. Со стороны если кто смотрит – так и не скажешь, что я под внешним управлением.

– Молодец, Софи, молодец. Плавнее только, не держи его так крепко. Отлично, просто отлично! Мари, готова? Перехватывай, мягко...

Меня резко дернуло. Мари взяла управление процессом в свои руки, что я сразу же почувствовал. Но прежней деревянности болванчика не было, что отметил и мастер.

– Уже лучше, молодец. Отпусти, еще, ты же его зажала полностью, как в банку затолкала и давишь сверху... Вот так, отлично, юная леди, отлично.

Я сейчас сидел так, что мне были краем глаза видны лица девушек. Глаза Мари наполнились фиолетово-лиловым сиянием, а глаза Софи – широко открытые, потухли и закатились. Так, что она смотрела на мир белесым взглядом. Похоже, передав управление, она куда-то ушла, в астрал какой-нибудь.

– Молодец, Мари, молодец. Теперь вспоминай, куда надо давить в астральной проекции?

Надо же, как я про астрал в точку просто попал.

– Правильно, все правильно. Вот так, постепенно, без резкости.

В голосе невидимого мастера чувствовалось удовлетворение. Непонятно, почему, вроде никаких изменений не чувствую – так и сижу, механически поглаживая ягодицы девушки-жертвы.

– Плавно и сильно, леди, плавно и сильно... Начинаем.

Теперь стало понятно, чему мастер радуется: я вдруг почувствовал, как меня буквально заполняет плотское желание. При взгляде на упругие ягодицы, которые сейчас уже с силой сжимал, глядя на тонкую талию и рассыпавшиеся

по плечам серебряные волосы бесчувственной девушки, я вдруг почувствовал, как меня бросает в жар. Вытесняя все мысли, меня наполнило даже не желание, а самая настоящая дикая и тупая похоть – я неожиданно зарычал, даже захрипел, как готовый к спариванию бабуин.

Похоже, воздействовали сейчас действительно на мою душу в астрале – искусственно стимулируемая похоть заполняла сознание, отодвигая в сторону даже ярость, благодаря которой до недавнего времени получалось сохранять ясность мыслей. Я чувствовал, как вновь затуманивается взор, как осознание и мысли пробиваются словно сквозь вату – я постепенно терял разум.

– Молодец, молодец, Мари. Продолжай, спокойно, спокойно... Вот так. Еще немного, и ты справишься с этим тупым организмом, – все глуше и глуше доносился из-за спины спокойный голос.

По задумке мастера, полагаю, эта фраза с упоминанием «тупого организма» должна была окончательно успокоить Мари, вселяя в нее уверенность. Но именно эта фраза мне помогла, именно она зацепила и остановила меня на самом краю накатывающего безумия. Негромкий голос мастера и упомянутый «тупой организм» словно подлили жидкого топлива в костер клокочущей в груди злобы и ярости, помогая сорвать сковывающие оковы чужой воли.

Громко закричав – первое самостоятельное действие собственной волей в этом теле – я дернулся в отчаянной попыт-

ке освободиться. И с такой яростью рванулся в стремлении избавиться от невидимых оков, что от усилия у меня кровь из носа хлынула.

Хорошо так хлынула, щедро.

На пару мгновений время словно замедлилось, секунды растягивали воспринимаемую зрением картинку. Я увидел, как крупные капли крови медленно-медленно разлетаются по сторонам, частично падая на светящиеся фиолетово-лиловые линии трехконечной звезды на алтаре.

– Кур-р-рва мать! – раздался за моей спиной испуганный возглас.

Полностью заглушая крик мастера, накрывающий нас купол лопнул. Полупрозрачная пелена с громким хлопком разлетелась на мириады светящихся и тут же истончающихся осколков. Время вернулось к обычному бегу, и раздался второй громкий хлопок, ударивший по ушам; так хлопает кнут в руках опытного пастуха, со звучным щелчком.

Все тело прострелило болью, но одновременно с этим я почувствовал удивительную свободу. Свободу мысли, свободу движений – исчезла искусственно нагнетаемая похоть, пропал сковывающий контроль. И сразу же я вскочил на ноги, быстро оглядываясь по сторонам.

Силовые жгуты, опутывающие запястья рук, исчезли. Вспоминая вспышку, полагаю, что они оборвались и ударили по державшим меня гимназисткам словно лопнувшая резинка на рогатке. Причем ударили с такой силой, что...

– Нет-нет-нет, не так, – раздался вдруг уверенный голос.

Резко обернувшись, увидел совсем неподалеку еще одного присутствующего на ритуале, ранее незамеченного. Это был молодежово выглядящий, но при этом абсолютно седой мужчина в строгом полувоенном мундире. Стоял он метрах в семи на краю поляны, прислонившись ко стволу раскидистой березы и сложив руки на груди.

Как раз сейчас седой незнакомец вышел из тени и двинулся в мою сторону. Подошел он совсем близко и смотрел на меня с отстраненным интересом и загадочной полуулыбкой. При этом я ощущал в происходящем какую-то неправильность.

Попробовал понять, почему. Вот почему: вокруг полная тишина, ни ветерка, ни шороха. Абсолютное спокойствие. Как будто вокруг остановившееся мгновение, словно происходящее на паузу поставили.

– Это ощущение от скольжения во времени, – неожиданно произнес незнакомец.

Я оглянулся по сторонам. Да, действительно – время для меня словно остановилось. Вот даже чуть поодаль я вижу капли своей крови, застывшие в воздухе. А если посмотреть чуть дальше... Со среброволосой девушкой все вроде в порядке, а вот с гимназистками не очень. Присматриваться не стал – и так понятно, что там все плохо.

Снова перевел взгляд на странного незнакомца. В голове все перемешалось: злость и ярость, недоумение от происхо-

дящего, отголоски боли, десятки догадок и сотни вопросов. С того момента, как совсем недавно стоял на океанском пляже и наслаждался начинающимся бессрочным отпуском, я получил столько впечатлений на каждую секунду времени, что мозг просто не справлялся с обработкой входящей информации.

Мой понятийный аппарат кончился, лимит принятия оказался исчерпан. Если в первые моменты после появления на поляне я в общем-то не сомневался в реальности происходящего – больно было, что бодрит невероятно – то сейчас уже с большей вероятностью поставил бы на то, что лежу в больнице и все-таки смотрю мультики после наркоза.

Странный незнакомец все это время, пока я ошарашенно пытался понять хоть что-либо, смотрел на меня со снисходительной улыбкой. Да кто, черт его раздери, это такой и что здесь вообще происходит?

– Пожалуй, пора тебе рассказать, что здесь вообще происходит, – улыбнулся вдруг седовласый мужчина.

Глава 2

«Пожалуй, пора тебе рассказать, что здесь вообще происходит», – эхо сказанных слов до сих пор звучало в ушах. Он что, мысли читает?

Странный незнакомец, глядя мне в глаза, неожиданно кивнул.

«Да какого здесь вообще...» – начал было я мысленно удивляться, но оказался прерван.

– Стоп-стоп-стоп, – поднял руку незнакомец. – Я понимаю, насколько ты поражен происходящим, и готов рассказать все по порядку. Ты меня слушаешь, потом задаешь вопросы. Договорились?

– Да.

– Отлично, просто отлично. Для начала давай расскажу про скольжение. Течение времени для тебя сейчас настолько ускорилось, что кажется, будто мгновение остановилось. Посмотри, – показал незнакомец на тело Мари, которая замерла в такой позе, какую самостоятельно удерживать просто невозможно.

Девушка после уничтожения купола оказалась отброшена на несколько метров за пределы алтаря. Сейчас Мари, еще не приземлившись, замерла в полете в неестественной позе: раскинув руки, зависла почти параллельно земле. Китель в падении распахнут, алый галстук взмыл вверх, как и русово-

лосая коса. Рот открыт в замершем крике, из носа и ушей льется кровь, сейчас также застывшая. Крупные капли висят в воздухе недвижимо, несколько расплылось кляксами на блузке.

Присмотревшись, обратил внимание, что яркое сияние из взгляда Мари ушло. Но глаза по-прежнему нечеловеческие – с яркой фиолетовой радужкой, словно подсвеченные изнутри. И, как следы уходящего сияния, по лицу – от уголков век к вискам – тянутся исчезающие лоскуты фиолетово-лилового пламени.

Горящие сиянием глаза, силовые пути, замещение души и создание миньона путем замещения воли... Я словно в фантастическом фильме оказался. Причем в поставленном на паузу фильме. Правда, если верить странному незнакомцу, физика процесса совершенно иная – не фильм поставили на паузу, а мое восприятие наблюдателя ускорили.

– Все правильно. Рад, что ты осознал разницу между ускорением и остановкой, – с удовлетворением в голосе произнес седовласый незнакомец. – Да-да, я действительно могу читать твои мысли, – кивнул он, когда я резко к нему обернулся.

– Так что вообще происходит? Я там, – показал я пальцем в небо, – умер?

– Я же объясняю тебе, что происходит, – пожал плечами незнакомец. – Сейчас все расскажу, и уж сам решишь, умер или нет. Итак, с остановившимся временем разобрались, да-

вай дальше. Про назначение ритуала ты все сам понял. Когда ты сломал чужую волю своей, путы ментального захвата потеряли контроль и хлестнули по проводящим ритуал операторам. Но совсем не так, как оборвавшаяся резинка – так обычно происходит откат сильного заклинания, если оператор использовал больше силы, чем может контролировать. В нашем случае, здесь и сейчас, ты своей собственной волей сменил вектор направления силы, грубо говоря – перехватил рукоять кнута. При этом, правда, обратное построение конструкта немного сломалось, потому что ты сделал это неосознанно. И получилось то, что получилось. Первой попало по...

Странный незнакомец двинулся в сторону зависшей параллельно земле Мари. Впрочем, я мог благодарить небеса, что именно она проводила ритуал – был бы кто сильнее и более умелый – та же Софи, я бы в бездушного миньона уже превратился. Как там она, кстати? – нашел я взглядом вторую участвовавшую в ритуале девушку.

Ой, Софи было совсем плохо. Но присмотреться не успел – странный незнакомец как раз подошел и встал так, что загородил вид на нее, и сейчас показывал на Мари:

– Знакомься, княжна Мария Лещинская, наследница княжеского рода Лещинских. Твоя несостоявшаяся хозяйка и повелительница, которая оказалась настолько неумелой, что при созданных условиях не смогла вытеснить твою волю, замещая своей...

«Несостоявшаяся хозяйка и повелительница». Слово реципиент в контексте заиграло новыми красками – получается, что в успешном исходе ритуала разум я бы сохранил, но свободу воли бы потерял.

– ...Марии восемнадцать лет, она владеющая одаренная, обучается на втором курсе Познаньской высше-магической гимназии. Сейчас, во время летних каникул, Мария проводит практику под руководством личного наставника, и в этом ты смог сегодня непосредственно поучаствовать.

– Это все прекрасно, но как я здесь...

– С Марией познакомились, двигаемся дальше: справа от себя ты можешь увидеть княжну Софию Лещинскую, младшую сестру Марии.

Моложавый незнакомец на мой вопрос не обратил внимания. Он сделал пару шагов, так что мне теперь стало возможным рассмотреть вторую, младшую девушку.

– Софии шестнадцать лет, она владеющая одаренная, первый курс Познаньской высше-магической гимназии. Способная девочка, краса и гордость княжеского рода Лещинских. Значительно способнее и умнее своей старшей сестры, как ты уже догадался.

Софии повезло гораздо меньше, чем Марии. Она не отлетела прочь, как старшая сестра, а рухнула наземь, где стояла. Худенькое тело перекручено, китель в клочья, белая блузка щедро пропитана алым, как будто на теле глубокие раны. Голова неестественно свернута набок, глаза залиты кровью –

самый настоящий кровавый взор. Из рта и носа буквально фонтаном хлещет, и, если бы не остановившееся мгновение, она бы все вокруг себя залила. Ее, похоже, перекрутило, как будто через жернова...

– Так и есть, – ответил на мои мысли незнакомец. – Ее действительно перекрутило, словно через жернова. София – способная девушка, но еще слишком юна для таких нагрузок, ее энергетический каркас просто не выдержал и пошел вразнос. В результате слабая человеческая плоть в некоторых местах... порвалась, так скажем. И на ее примере ты сейчас наблюдаешь «Эффект кнута» – это общепринятое именование неудавшегося ментального заклинания, которое оказалось отражено и направлено в сторону заклинателя. Если бы ты умел, ты мог всем троим мозги выжечь. Но ты, к сожалению или к счастью, делать этого не умеешь. С другой стороны, у тебя все же получилось высвободиться... Ладно, лирика все это, прошу простить мое отвлечение.

Седовласый незнакомец извиняющееся развел руками и продолжил.

– Как ты уже понял, Мари проводила ритуал, а Софи ее страховала и на втором этапе направляла. Софи, в свою очередь, страховал... знакомься, барон Ярослав Павлович Горанов, магистр ментальной магии Екатеринославской Ее императорского величества высше-магической гимназии. Он, неофициально конечно же, вот уже как пятое лето вместо отпуска ведет занятия с сестрами Лещинскими.

Развернувшись, я наконец посмотрел на «мастера», которого до этого момента только слышал. Он, в отличие от обеих сестер, остался на ногах. Вот только ему не повезло больше всех: тело мастера будто разорвало изнутри, а голова и вовсе отсутствовала, а на ее месте возникла красная плотная взвесь.

С некоторым удивлением я осмотрел уцелевший позвоночный столб с несколькими ребрами, вокруг которого багряным цветком расцвели разлетающиеся по сторонам широким кругом внутренности и ошметки плоти. При этом примерно от пояса и вниз ноги магистра оставались целыми.

– Ментальное заклинание привязки, которым тебя арканила Мари в астрале, трансформировалось в кнут в твоей руке. Обычный кнут, как и кнут ментальной силы, имеют одинаковую конструкцию – поперечное сечение постепенно уменьшается в направлении от ручки к кончику. Во время удара энергия передается по всей длине кнута, и в конце переходит в колебание упругой среды. В случае обычного кнута щелчок, который мы слышим, – это удар кончика кнута по воздуху, ты же сейчас наблюдаешь удар потерявшего контроль заклинания в его конечной точке.

Проговаривая столь пространное объяснение, незнакомец пошел по кругу алтаря мимо всех троих, показывая на каждого участника ритуала.

– Когда ты развернул заклинание, увеличение его обратной силы происходило по направлению от непосредственно-

го оператора – от Марии, которая получила самые слабые повреждения, через страхующую ее Софию, которой не повезло значительно больше, и самый сильный удар был направлен на барона Горанова.

Вот почему сразу после появления в этом теле я слышал в голосе мастера испуг. Похоже, когда они убивали волю прежнего владельца тела, в первый раз едва не произошло то же самое, что произошло со мной сейчас.

– Ужасное зрелище, правда? – показал на барона Горанова странный незнакомец.

Отвечать я не стал, заметив в мешанине разлетевшихся внутренностей часть кишечника, замершую в полете. Похоже, если время вернется к привычному бегу, в воздухе появится омерзительный запах.

– Да-да-да, согласен, так и будет, – покивал странный седовласый незнакомец. – Только не если, а когда. Впрочем, об этом позже – мы ведь с тобой еще не закончили, так что давай продолжать разбираться, что происходит. Посмотрим вверх...

С этими словами седовласого незнакомца я словно вылетел из тела, оказавшись в полной невесомости. За краткий миг рывком взлетел на несколько километров, причем не почувствовав при этом никаких перегрузок – похоже, полетел я бесплотным духом.

– Ты никуда не улетел, не переживай, – прозвучал голос незнакомца из ниоткуда.

Ну да, я как картинку смотрю в очках виртуальной реальности, ощущая тело. Только уж очень полное погружение, просто не отличишь. Взгляд мой остановился резко и мгновенно. Смотрел я сейчас на серый массивный беспилотник, который парил над редкими облаками.

– Ты наблюдаешь беспилотный аппарат Дефензивы, контрразведки Войска Польского. Они сейчас снимают ритуал в интересах отдела контроля за незаконным применением дара, и могу тебя заверить, отснятый материал имеет немалую ценность...

Почти сразу же картинку вновь рывком понесло через пространство. Я на пару мгновений оказался словно в центре размытого туннеля – как в фантастических фильмах невероятное ускорение иногда показывают.

Остановился вновь одномоментно, уже спустившись вниз с большой высоты, но оставаясь на высоте птичьего полета. Зависнув в воздухе, увидел под собой густую зелень парка и самый настоящий замок, огороженный широким рвом – так что создавалось впечатление, что замок стоит на ровном круглом острове в центре так же идеально круглого пруда.

– Курницкий замок, резиденция князей Лещинских. Князь Гавел – маршал Великопольского воеводства. Генерал-губернатор, если на русский переводить. Кстати, то, что контрразведка из Особого Реферата запечатлела незаконную деятельность княжеского рода, не слишком сильная для него неприятность. Так, будущий козырь оппонентов в политиче-

ской игре, не более. Это все я тебе сейчас показываю и рассказываю, чтобы ты понимал, с кем имеешь дело и чьих любимых дочек ты только что в кровавый фарш размотал.

«Я размотал?» – поднялась внутри меня волна удивления.

– Ну не я же! – крайне удивленно прозвучал голос так и невидимого незнакомца.

Меня в этот момент понесло обратно, и через пару мгновений я вновь оказался на поляне ритуала. Окружающее время так и осталось на стоп-кадре, а странный незнакомец улыбнулся мне как ни в чем не бывало и продолжил объяснять.

– Диспозиция ясна, переходим к важной информации. Ты – Рейдзи Александров, родился в Петербурге, откуда почти сразу был перевезен в Нагасаки. При крещении в православии, будучи двух лет отроду, получил имя Дмитрий Сергеевич Новицкий. С одиннадцати лет проживаешь в городе Познань, где получил среднее образование в Британской международной школе, расположенной в сеттльменте Даржибор.

– Кем я был раньше? – прерывая незнакомца, задал я животрепещущий вопрос.

– Это пока не важно. Поверь мне на слово, – снова улыбнулся незнакомец.

– А ты кто такой?

– Очень много вопросов. Каждый из них сужает окно возможностей и уменьшает размер информации, которой я могу с тобой поделиться. Прошу, послушай внимательно, а на

все вопросы я отвечу потом, обещаю. Договорились?

– Хорошо, продолжай.

– Спасибо, что разрешил. Продолжаю: в общегражданском личном деле указано, что сразу после рождения у тебя была обнаружена малая искра дара владения элементарной стихийной силой. Таких людей рождается много, перспектив овладения даром никаких. Ты сам о наличии малой искры даже не знаешь, этот раздел информации личного дела доступен только соответствующим службам контроля. В Речи Посполитой подобным занимается Особый Реферат – это отдел Дефензивы. Именно поэтому контрразведка вела тебя, и именно поэтому они смогли выйти на ритуал и сейчас фиксируют все происходящее здесь. Ты пока следуешь за мыслью?

– Да.

– Отлично. Обладатели малой искрой не владеют даром, но в отличие от обычных людей у них есть гораздо более явно выраженная астральная проекция. Поэтому люди с малой искрой подходят для создания миньонов, людей с замещенной волей. Чем и занимались наши друзья, – широким жестом обвел рукой поляну ритуала молодежь незнакомец. – Для ритуала замещения воли они выбрали тебя и твою сестру, Наоми Сергеевну Новицкую.

«Сестру?» – очень удивился я, посмотрев на лежащую на каменном алтаре обнаженную девушку.

– Да, да, сестру. Она совсем недавно, не без твоего кстати

участия, располосовала когтями лицо княжичу Анджею Лешинскому, причем так, что ему сейчас лучшие целители в регионе пытаются сохранить глаз. Но мы отвлеклись... Хм, на чем я закончил? Что-то память подводит...

В том, что странного незнакомца подводит память, я как-то серьезно сомневался, но на вопрос ответил.

– На том, почему меня выбрали для ритуала.

– Ах да, ритуал замещения, – не моргнув глазом, продолжил собеседник. – Мария, хотя и является отличницей элементарной магической подготовки и успешно инициировала Источник, малоспособна к освоению ментального дара. Это весьма печально для ее семьи, но факт непреложный. Который никак не может принять князь Гавел – порывистый и даже деспотичный в воспитании дочерей. Требовательный и к ним, и к наставникам. Ярослав Павлович – высококлассный специалист и весьма способный менталист, занимается с Марией уже пятое лето, но как наставник он... не так хорош, как я бы характеризовал его способности. Ярослав Павлович чувствовал, что Мария пока не готова к освоению сложных конструкторов и ритуалов, но ему не хватило духу и решимости продавить свою точку зрения перед князем Гавелом. Видишь ли, Ярослав Павлович – игрок и у него накопились большие долги, а в случае успеха князь Гавел обещал ему серьезную премию. В общем, результат, как мы видим, налицо. Причем на твое лицо – когда время вернется к привычной скорости бега, тебя с ног до головы окатит его кро-

вью, будь готов.

– Спасибо.

– Пожалуйста, – незнакомец улыбнулся и чуть виновато пожал плечами. – Еще важный момент: когда время вернется к привычному течению, ты почувствуешь себя очень плохо, даже погано. Это я тебе как эксперт гарантирую. Сразу после того, как время вернется в прежнее течение, у тебя будет два выхода. Первый – просто упасть на колени рядом с твоей сестрой Наоми и потерять сознание. Это плохой вариант, потому что княжон и их наставника хватятся нескоро. Дефензива не заинтересована в том, чтобы информировать князя о своей слежке, поэтому к тому времени, как сюда прибудет служба безопасности княжеского рода, София уже умрет. И попадете вы с сестрой к крайне неприятным людям, у которых к вам будет крайне предвзятое отношение, сам понимаешь. Теперь второй вариант. Видишь, вон там машина стоит под деревьями?

Присмотревшись по указанному направлению, я заметил на краю поляны неприметный тонированный универсал, спрятанный в тени под раскидистой березой.

– Ты можешь добраться до машины и нажать кнопку SOS, предназначенную для сообщения об аварии. Она находится наверху над лобовым стеклом, у салонного зеркала заднего вида. Плюсы этого варианта: машина арендная, охрану княжон к ритуалу не привлекали, потому что создание миньона – наказуемое деяние, в общем-то. Так что Ярослав Павлович

организовывал нелегальный ритуал самостоятельно, неофициально. И оформлял аренду машины он на себя, а учитывая его ранг и сословные привилегии, экстренные службы придут сюда не позже одиннадцати минут после подачи сигнала. Княжеская служба безопасности сразу забрать тебя не сможет, и следующие несколько часов вашим с Наоми жизням ничего угрожать не будет. Минусы: княжна София выживет. Выбирай.

– Зачем?

– Что зачем? – взметнул брови странный незнакомец, хотя наверняка понял смысл вопроса.

Я спрашивал не «зачем» мне выбирать, а зачем вообще вот это все, что вокруг. Зачем я оказался в теле какого-то парня...

– Не какого-то парня, а Дмитрия Новицкого, юноши шестнадцати лет отроду. Запомни это имя, потому что оно теперь твое. Насчет остального ты неправильно ставишь вопрос: надо спрашивать не «зачем?», а «почему?».

– Почему ты меня вызвал сюда и сейчас рассказываешь все это?

– Теория множественности миров для тебя же откровением не будет, так? Отлично, я и не сомневался. Особенно уверился в правильности решения, когда ты сходу понял, что здесь происходит. Кто-то иной, к слову, мог отъехать в блаженное безумие, и это не шутка. Ладно, ладно, опять лирика, что-то я сегодня разговорчив. Так вот, почему я тебя сюда

переместил. Рассказываю с самого начала: десять минут назад в самых разных мирах погибли сразу два человека. Один – на берегу южного океана, второй – здесь, во время ритуала. Ты был прав в своих предположениях, Мария не справилась – действуя слишком грубо, она потеряла контроль над потоками силы, чем едва не прикончила остальных. Ярослав Павлович в попытке спасти свою жизнь сохранил конструкт, в последний момент напитав его молнией, только при этом он убил душу Дмитрия. По итогу в одном мире – в твоём, осталась душа, не могущая более существовать в сожженном молнией теле, в другом – отлично сохранившееся тело, душа которого оказалась выжжена молнией. Я мог совместить тело и душу, и я это сделал. Почему я это сделал? Потому что почему бы и нет, вот почему! – снова улыбнулся странный седой незнакомец.

– Просто так? – с намеком спросил я. – И не потребуешь никакой платы?

– Может быть, когда-нибудь потом выполнишь мою небольшую просьбу.

Вот не нравится мне такая подача. Как сантехник, который выполняет простую для себя работу и на вопрос об оплате отвечает: «Да сколько дадите».

– Что-что? Сантехник? – расхохотался вдруг странный незнакомец. – Сантехник?! Боже милосердный, меня, владыку тысяч миров, сравнить с сантехником?

Ну а что он хотел услышать? Да и вообще смысл обижать-

ся – сантехники, если с руками, вполне себе отлично живут со своего ремесла.

– Сантехник, надо же, так меня еще никто не называл... – покачал незнакомец головой, не скрывая изумления, но вдруг отвлекся: – Кстати да, совсем забыл! Старайся по возможности не распространяться о своем прошлом.

– О том, что...

– Да-да. Увезите меня на дип-хаус, я здесь усну и там проснусь, – неожиданно очень похоже на оригинал напел «владыка тысяч миров» строки из творчества братьев Гаязовых. – Рассказывать о себе тебе банально опасно для души и тела. Поэтому что и кому говорить – решай сам, но только предварительно все хорошо обдумав. Да, в голову тебе никто залезть не сможет, об этом не волнуйся, этот блок твоих воспоминаний я защитил. Все, счастливо оставаться, – улыбнулся и помахал мне рукой незнакомец.

Куда это он? Мы же договорились – он рассказывает, а после я задаю вопросы!

– Я же не сказал, что именно сегодня на них отвечу, – весело рассмеялся странный незнакомец, так и оставшийся безымянным. – Считай, что это тебе за сантехника.

Подмигнув, незнакомец щелкнул пальцами. И пропал, при этом время моментально вернулось к привычному течению. Кровью брызнуло, как и было обещано – стоящего прямо за мной Ярослава Павловича реально разметало в кровавые брызги и клочья, так что меня словно жидким зонтиком

накрыло.

На чужую кровь и мелкие ошметки плоти внимания я почти не обратил. Стало сильно плохо и погано, как и было обещано. Настолько, что вариант «упасть на колени и потерять сознание» показался мне крайне интересным и подходящим. На самом деле я бы скорее всего так и сделал – не соврал безымянный незнакомец, когда сказал, что реально погано мне будет.

В таком состоянии люди теряют волю к жизни, прекращают сопротивление. Может быть, если бы я был здесь один, я бы реально сдался. Но я сейчас чувствовал ответственность не только за себя, но и за девушку на каменном алтаре, на ягодицах которой еще оставались красные следы от моих пальцев.

Поэтому я собрался с силами и, преодолевая дичайшую боль по всему телу, побрел через поляну к машине. Перед глазами встала багряная пелена приближающегося беспомощства, в глазах мутно двоилось.

В большинстве компьютерных игр, когда у персонажа остается один процент здоровья, он часто продолжает прыгать и бегать как ни в чем не бывало. К сожалению, я сейчас не в компьютерной игре – и всю тяжесть ушедших процентов здоровья организма ощущал в полной мере. От корней до самых кончиков ощущал, я бы даже так сказал.

С трудом переставляя ноги, едва не падая, еле-еле доковылял до машины. Попытался открыть дверь – пальцы со-

скользнули с щелкнувшей ручки, и я едва не завалился назад, теряя равновесие. Багряную пелену перед глазами уже постепенно подменяла темнота – свет перед взором постепенно затухал. И погас бы совсем, но обида оттого, что почти дошел и готов вырубиться у самой цели, не дала.

В попытке удержать равновесие я качнулся вперед – навалившись на машину, снова нащупал ручку и все же потянул на себя дверь. Мотыляло меня при этом, как пьяного, словно флюгер на ветру.

На ногах оставаться уже не было сил, но падал я прицельно – в проем двери, на сиденье, при этом ощутимо ударившись головой о верхний край дверного проема. Этот удар меня неожиданно взбодрил – сначала звездочки вспыхнули перед взором, а после зрение прояснилось настолько, что я даже сумел увидеть наверху нужную кнопку «SOS».

Руку поднимал как будто с привязанной к запястью пудовой гирей. И как нажал на кнопку вызова экстренной помощи, так сразу сознание меня и покинуло.

Глава 3

Из беспамятства выплывал с трудом.

Осознавать себя начал в мутной темноте – без внятных мыслей, в состоянии противной болезненной слабости. Странное чувство полуяви-полусна, когда уже получается осознать себя, но еще не получается проснуться и сконцентрироваться.

Как будто пытаюсь из болотной грязи выбраться, но все никак не получается. Полностью прийти в себя помогло странное чувство: разгоняя муть, появилось невероятно реальное ощущение, как будто волосы на загривке дыбом встают. Губы сами изогнулись в ощеренной гримасе, а в груди зародилось утробное рычание.

Опасность, угроза, тревога – набатом уже било в голове плохое предчувствие.

Настолько сильно оказалось впечатление поднимающейся на загривке шерсти и настолько реально слышалось собственное рычание, что мне аж почудилось, будто после удара молнии в пса переродился.

Реинкарнация в собаку? – возникла неожиданная и пугающая мысль.

Благодаря такой комплексной эмоциональной встряске мгновенно сбросил мутные оковы беспамятства, открывая глаза. Предсказуемо увидел над собой больничный потолок,

справа от кровати заметна стойка капельницы. Нахлынуло облегчение – я все же не собака.

Глубоко вздохнул, с невероятной радостью ощущая себя человеком. Вместе с осознанием происходящего возвращались и остальные ощущения. Чувствую, как на лбу выступил холодный пот, а грудь высоко поднимается в глубоком дыхании – как будто километр пробежал в хорошем темпе. Вот это я реально испугался.

Ф-фух. Выдохнул, приходя в себя, дыхание успокоил.

В палате полумрак, краем глаза вижу отсвечивающие багрянцем пятна окон. На улице, похоже, уже закатный час, когда день готов окончательно сдать позиции ночи. Ни звука не слышно, похоже, в палате один.

Чувство опасности, заставившее волосы дыбом подниматься, так и не уходило. Оно уже не было столь ярко выражено – когда заставило меня проснуться, но оно осталось со мной в виде неясной, подспудной тревоги.

Ну, такое состояние – это понятно и не страшно. Стандартная знакомая проблема – курс магния пропить, уровень витамина Д проверить, чай с ромашкой по вечерам, умственную нагрузку снизить, физическую добавить, и все пройдет.

Стресс, молния в голову – тут волноваться стоило, если бы не было тревоги и я бы как огурец бы лежал. Так, а вот насчет «лежал»: надеюсь, я не очень долго провалялся. Но даже если и долго, черт бы с ним. Самое главное живой, и это радует – приоритеты для радости после встреченного лицом

удара молнии могут поменяться кардинально.

Перед взором мелькнули картинки пляжа, фиолетово-лиловое сияние молнии, странные видения с гимназистками и не менее странным молодежьим незнакомцем. Наблюдающий за магическим ритуалом беспилотник польской разведки, дочери князя Лещинского, эффект кнута...

Вот это меня разбарабанило, надо же, раз такая дикая дичь привиделась. Осознавая и вспоминая все, что видел в бреду, удивлялся, как вообще мне такое могло в голову прийти, из каких глубин сознания такая картинка родилась?

Появиться в чужом теле, какого-то парня... как там странный незнакомец сказал? В голове вдруг довольно четко прозвучал воспоминанием голос: «Не какого-то парня, а Дмитрия Новицкого, юноши шестнадцати лет отроду. Запомни это имя, потому что оно теперь твое». Да, мне бы еще кто отсыпал такого, после которого...

Так-так-так, стоп. А меня-то как зовут?

Второй раз, как и ранее в бреду на поляне ритуала, меня догнало осознание: о себе в памяти пустота. Причем об окружающем мире все помню, даже курс юаня в обменном пункте. До мелочей, вообще все – взять хоть воспоминание, что Франция со счетом «3:0» победила Бразилию в финале Чемпионата мира в девяносто восьмом году. Да даже анекдот про нюанс и эмпирический метод помню.

На лбу выступил холодный пот.

Шок от потери памяти оказался невероятно силен, но он

постепенно отступил перед другим желанием. Которое постепенно становилось главным и всепоглощающим: это было желание посетить туалет.

Немаловажным фактором возникшей потребности, как понимаю, была стойка-штатив капельницы рядом с моей кроватью. Там сейчас, в предназначенных держателях, видел сразу три пустые банки, содержимое которых явно недавно было в меня влито.

«А это вообще как?!» – неприятно удивился я, понимая, что последняя третья банка закончилась, а иголку из руки вынуть так никто и не удосужился. Чувствую неприятное жжение в вене – игла еще там. Чуть приподнял голову – лежу на кровати, руки поверх одеяла. Непривычно тонкие руки, подростковые.

Не мое. Это не мои руки.

– Да вы нахрен шутите! – не удержался я от комментария. Пошевелил рукой. Не мое, но шевелится.

– Да нет, да ну нет, да ну как так-то? – у меня просто не находилось слов.

«Запомни это имя, потому что оно теперь твое».

Повернулся чуть-чуть, с трудом приподнялся. Тело слушалось с трудом, приходилось преодолевать болезненную слабость. Скинул с кровати ноги и чуть не упал, оттого что в глазах помутилось. Переждал, пока отойдет слабость, отклеил пластырь и достал из вены иглу капельницы. На автомате согнул руку, чтобы кровь не текла.

В туалет хотелось все более нестерпимо, поэтому, все так же с трудом преодолевая слабость, поднялся. Осмотрелся. В палате четыре койки, но занята только одна – моя. Остальные пустые, без постельного белья. На мне просторная синяя больничная одежда. Тумбочка – пустая, в ней вообще ничего. Ни документов, ни телефона. Так, главное, чтобы мои вещи не замылили никуда. Хотя уцелела ли одежда и телефон после удара молнии, вопрос...

«Какая одежда и телефон, ау? Безымянный парень, ты теперь – Дмитрий Новицкий, эгей! Вряд ли у него был твой телефон из другого мира!»

У меня пока не получалось осознать, что произошедшее на поляне ритуала – не бред. Думал и воспринимал реальность параллельно – как безымянный и потерявший память «я», которому просто привиделось что-то, и как оказавшийся в теле Дмитрия Новицкого новый «я».

Рядом с кроватью обнаружили резиновые шлепанцы-сланцы. Хорошо, хоть не босиком идти. Встал, оперся на штатив-стойки капельницы. Она на треножнике с колесами, поэтому я взялся за нее и покатил к двери, используя как опору.

Вместе со стойкой – одна пустая банка неприятно позвякивала, вышел в безлюдный коридор. Свет тусклый, в коридоре пусто и никого не видно. Но в середине вижу негромкий свет – похоже, сестринский пост. Направился туда и по пути обратил внимание на электронный циферблат. Угло-

ватые красные цифры в конце коридора показывали время: «21:09». Ну да, закатный час, все верно в плате догадался.

Сначала по коридору ковылял, но понемногу расхаживался – с каждым шагом силы стремительно возвращались. До медсестры вообще дошел почти свежим и бодрым, как будто с каждым шагом часть свинцового груза с плеч сбрасывал.

Дежурная встретила меня взглядом голубых глаз. Круглое лицо, светлые волосы. Для Юго-Восточной Азии – где меня молния и настигла – совсем нетипичная внешность, здесь явно славянский типаж. И ни следа загара.

Невольно бросил взгляд на свои тонкие руки. Ну нет, ну скажите мне кто-нибудь, что это неправда. Потому что если я теперь Дмитрий Новицкий, значит где-то рядом должен быть и князь Лещинский Гавел, дочек которого я – пусть и не специально – совсем недавно в кровавые клочья размотал. Если все это так, то плюс в происходящем, по-моему, только один: хорошо, что не в собаку.

– Excuse me, where is the toilet?

После моих слов возникла недоуменная пауза. Медсестра смотрела на меня с удивлением и немым вопросом. Я смотрел на нее с удивлением и немым вопросом.

– Со? Не разумею, – отрицательно помотала девушка головой, огорошив меня странным говором. Но вдруг лицо ее озарило пониманием: – А, туалета?! Далее вздуж корьетажа.

Похоже, обработав услышанное и выцепив слово «туалет», она поняла, о чем речь, и уже привстала со стула, по-

казывая мне направление.

Язык у нее... очень странный. Причем явно родственный, славянский. Акцент еще такой, как у эстонцев или литовцев. Но не совсем – говорит девушка, растягивая гласные, но при этом стремительно выговаривает согласные. Быстротягучий говор, я бы подобное назвал.

– Польский? – спросил я медсестру.

– Так, – кивнула медсестра.

Вот опять – говорит вроде быстро, но гласная тянется.

«Так», – мысленно повторил я за медсестрой, осмысливая происходящее.

Она разговаривает на польском. Английский не знает. Я снова – в который раз за пару последних минут – почувствовал холодный пот на лбу. И понемногу начал уже на полном серьезе вспоминать разговор со странным незнакомцем и вообще все, что мне привиделось после удара молнии.

«Попал ты, парень», – обратился я и к самому себе, безмянному, и к Дмитрию Новицкому, в чьем теле сейчас был. Хотя, он-то уже все – теперь здесь только я.

Между тем чувство тревоги, поднявшее меня с койки в палате, так и не уходило – наоборот, набат, предупреждающий об угрозе, бил все громче и громче. Как там обидевшийся на сантехника незнакомец говорил? Что-то вроде того, что при прибытии экстренных служб безопасность княжеского рода до нас не сможет добраться сразу. Но в том, что она доберется, он не сомневался.

Не нравится мне это все.

– Где я? – спросил на русском, но медсестра вопрос прекрасно поняла.

– То есть шпиталь мьейска Франчишка Рашей.

«Это больница имени Франческа Рашея», – перевел машинально. Это я польский язык знаю или просто логика?

– Кторе място? – вдруг спросил я у медсестры, что за город. Причем получилось у меня это непроизвольно.

Вот это поворот!

И как я так смог? Я ведь на польском раньше только пару слов знал – «курва» да «йа пердоле».

– То есть Познань, – между тем ответила медсестра.

«С десяти лет проживаешь в городе Познань, где получил среднее образование в Британской международной школе...» – прозвучали в памяти слова незнакомца.

Познань. Я все-таки в Польше. Ну-ка, проверим еще кое-что:

– Моя сестра, Наоми Новицкая. Она здесь?

Имя сестры – юной девушки с удивительными серебряными волосами – я вспомнил очень легко. А вот на польском спросить не получилось – стоило лишь задуматься об этом, как закрытые пока области памяти просто не открылись.

– Наоми Новицка? – переспросив, медсестра, не дожидаясь ответа, посмотрела на отсвечивающий синим экран монитора. – Тутай. Двужестя тчечи оджау, – махнула медсестра дальше по коридору, в ту же сторону, где и туалет распола-

гался.

«Здесь. Двадцать третья палата».

Очень хотелось продолжить расспросы, но залитое в меня капельницей содержимое банок победило, так что, кивнув медсестре, я двинулся в туалет. Стойку-штатив для капельниц так и катил с собой, хотя уже мог идти без нее.

Пока шел, осмысливал все происходящее. Тело не мое – факт. Причем хоть и не знаю, кто я и кем был раньше, но точно не этим парнем. Успокоительный вариант, что все еще брежу, казался мне несостоятельным – здесь и сейчас, похоже, все всерьез и реально. Но все равно пока от этой версии отказываться не буду – пусть будет. Проснусь и хорошо, просто порадуюсь, что кошмар приснился.

Если же вот это вот все сейчас – продолжение дикой дичи, начавшейся на поляне ритуала, то все плохо. Потому что я «размотал», как выразился незнакомец, двух дочек местного воеводы, причем аж целого князя. И не думаю, что князь – «порывистый и деспотичный», вспомнил я его характеристику, это так просто оставит. Потому чувство опасности и долбит ошалело в набат в голове.

Ритуал проходил в середине дня, помню, солнце высоко стояло, сейчас вечер. И речь уже не на часы идет, а на минуты, думаю. Надо валить отсюда, причем срочно.

В палату точно возвращаться больше не буду – там и нет ничего моего. Сестру – не мою, а сестру Дмитрия Новицкого... или уже мою? Впрочем, неважно, надо забрать ее из

двадцать третьей палаты, как раз мимо прохожу. Но первым делом в туалет, тем более ноги уже почти до него донесли. Дверей две: одна с треугольником, вторая с кругом. Непривычно – похоже, местные польские условные обозначения; но догадаться, где какой, легко, вполне интуитивно понятно.

Стойку-штатив хотел оставить в коридоре, но зачем-то забрал с собой. Зашел, ориентируясь на значок с треугольником, и только здесь отпустил, у самой двери, когда увидел справа зеркала над умывальниками. Подошел, посмотрел. Из зеркала на меня посмотрел в ответ Дмитрий Новицкий, юноша шестнадцати лет собственной персоной.

Замерев у зеркала, я несколько долгих секунд рассматривал нового себя.

– Йа п-пердоле, – не удержался от комментария на польском, выражая крайнюю степень удивления. После чего добавил едва слышно: – Ну, здравствуй, похоже, это теперь ты.

Выгляжу новый я... странно. Взъерошенные волосы белые. Не серебряные, как у моей «сестры», которую волей княжны Марии и ее наставника я чуть было не изнасиловал и не убил в ходе ритуала. Вполне обычные белые, полностью седые. Скорее всего, последствия удара молний.

Но и кроме белоснежных седых волос выгляжу я донельзя странно. Непривычно.

В зеркале отражается весьма помятый юноша, но, если причесать, помыть и переодеть в приличное, можно вставлять на обложку модного журнала для девочек. Вроде бы ев-

ропейский типаж, но к какой расе принадлежу – сходу и не догадаться. Покрутил головой, оценивая. Впалые щеки, высокие скулы. Глаза большие, непривычного цвета – странно голубые, как будто неоновые.

Внешность... не очень реальная, особенно этот странный мягкий свет глаз. С другой стороны, происходящий недавно на поляне ритуал тоже выглядел довольно странно, а у Мари глаза так и вовсе ярко сияли.

– Какая прелесть, – вслух озвучил я впечатления.

Да, взъерошенный юный денди напротив тоже это сказал, значит, зеркало не врет. Вдруг шерсть на загривке... тьфу, волосы на затылке, вновь стали подниматься от ощущения опасности.

По спине вдоль позвоночника побежали морозные мурашки, верхняя губа приподнялась без моего участия – словно в оскале, а секундой позже я услышал звуки открываемой двери. Не сюда двери, в туалет, а двери в коридоре – ведущей на этаж отделения. Здание старое, потолки высокие, как двери – деревянные, тяжелые и скрипучие.

Сразу после того, как скрипнула скрежетом открываемая дверь, послышался звук шагов. Тяжелые шаги, явно несколько человек. Кроме того, выделяется легкое цоканье каблучков. И тут же я, словно оказавшись в полной, абсолютной тишине, услышал звук чужого дыхания. Так. Три человека. Один похрипывает, даже чуть посвистывает – похоже, сломан нос. Двое других дышат ровно – совершенно спокойны.

Столь обостренный слух накрыл меня всего на несколько мгновений, в течение которых я осознал количество людей в коридоре. Не обращая внимания на нечеловечески усилившееся восприятие (слово «нюх» даже мысленно не произнес), я замер.

Это за мной – догадка предчувствия пронзила молнией. Бежать надо, бежать отсюда. Вот только есть проблема: не только за мной пришли – вспомнил я, когда услышал еще один звук открываемой двери.

В другой конец коридора тяжело шагающие гости точно не успели бы пройти – зато совсем рядом здесь двадцать третья палата с юной среброволосой девушкой, которая реципиенту, в теле которого оказалось мое сознание, приходится сестрой.

Дверь хлопнула, в коридоре из звуков остались только цокающие каблучки. Похоже, женщина идет к сестринскому пульту. Так. Что делать? Решение отложил: прежде чем броситься что-то делать, нужно решить первоочередную проблему – наконец двинулся я к огороженным кабинкам.

Перед тем как осознанно начинать свою новую жизнь, делая выбор – бежать или остаться – подарил себе пару десятков секунд блаженства. За это время не думал вообще ни о чем, стоя с закрытыми глазами и запрокинув голову. После вернулся к зеркалу, наклонился к крану – горло пересохло, надо воды попить. Наплевать, что из-под крана в туалете, мне сейчас хоть чуть-чуть энергии где-то взять надо.

Вопрос жизни и смерти – предчувствие опасности определенно не врет.

Пока, присосавшись к крану, глотал холодную невкусную воду, услышал голос медсестры. Она что-то говорила, как вдруг оборвалась на середине фразы. Все, нет больше медсестры с круглым лицом – понял я с полной уверенностью.

Несмотря на выпитую воду, горло снова пересохло. Пришлось даже приложить некоторое усилие, чтобы сбросить с себя оцепенение страха. На деревянных ногах подошел к двери туалета, едва приоткрыл, выглянул. Успел заметить, как мелькнули полы белого халата – постукивающие каблукы зашли в двадцать третью палату. Это не догадка, это я номер таблички только что на приоткрытой двери увидел.

У меня есть выбор сейчас. Дверь на лестницу вниз – вот она, прямо передо мной. Пара шагов, и я в безопасности. Вот только совсем недалеко, в двадцать третьей палате, моя сестра. Пусть «сестра» в кавычках, но она теперь моя.

Вышел из туалета, захватив с собой стойку для капельниц. Приподняв ее, чтобы колеса не жужжали по устилающим пол плиткам керамогранита, подошел к двери двадцать третьей палаты. Двигался уже легко, плавно – болезненная слабость прошла, да и на адреналине я сейчас. Страх тоже больше не было – весь в туалете остался.

За дверью палаты слышалась возня – сдавленные крики и звуки борьбы. Коротко выдохнув, чувствуя, как бьется в висках кровь, открыл дверь и зашел внутрь. Палата – близ-

нец той, в которой очнулся я. Здесь тоже четыре койки, и тоже занята только одна – на ней сейчас пыталась вырваться, придавленная сильными руками, среброволосая девушка.

Опять лица не вижу – лежит девушка на спине, но густые локоны в беспорядке, закрывают его почти полностью. Рядом с кроватью трое: двое массивных мужчин – один из них держит ноги девушки, второй перехватил руки и коленом давит ей на грудь, безо всяких сантиментов жестко прижимая к койке. Рядом суетится женщина, у нее в руках иголка шприца и сам шприц, по отдельности. Все трое – в обычной одежде и накинутых сверху белых халатах.

Едва зашел в палату, как на мне скрестились взгляды сразу трех пар глаз. Холодные взгляды, неприятные – и ни следа смущения или удивления. Сомнений не осталось – это привет от «порывистого и деспотичного» князя Гавела Лещинского. Сначала троица зашла к сестре, забрать или убить, не знаю, потом – скорее всего, собирались ко мне. Наверняка ведь в курсе нашего состояния, поэтому сначала к сестре и зашли. Потому что знали – я в полном беспмятстве. В котором до сих пор бы и лежал, если бы не звериное чувство предчувствия опасности и ощущение приближающейся угрозы, буквально выдернувшее меня из мутного беспмятства.

«Ну, пришел. И что дальше?» – спросил сам у себя.

Интересно, в прошлой жизни я тоже вот так постоянно сначала делал, а потом думал? Вполне возможно. Но что бы

ты ни делал, что бы ни творил – никогда нельзя терять уверенности. Любая сотворенная дичь может прокатить, если творить ее на серьезных щах и не давать ни единого шанса неуверенности. С такими мыслями я уже, опираясь на едущую рядом стойку капельницы, ковылял к группе у кровати.

– Простите, не могли бы вы мне помочь вытащить иголку из руки... – говорил я слабым болезненным тоном, продолжая ковылять с заплетающимися ногами. Над тем, что говорю, не сильно думал, мне сейчас главное – попробовать хоть немного усыпить бдительность.

Отпустив ноги сразу забившейся и еще громче замычавшей девушки, один из мужчин резко встал с кровати и направился в мою сторону. Рама самая настоящая – два на полтора. Мне с моими тоненькими ручками его просто не завалить.

«Как глупо все это происходит», – подумал я. Грудь ожгло злостью – на глупого себя, можно же было не ломиться в палату, а сначала помощь вызвать с сестринского пульта; возникла злость на этих ублюдков, что пришли нас убивать, злость на странного незнакомца, на его нежелание отвечать на вопросы и на его обиду на «сантехника».

Массивная рама с квадратной челюстью была уже совсем рядом – ему, чтобы подойти, понадобилось всего несколько шагов. Как раз в этот самый момент я, как апофеоз одолевающей меня слабости, запнулся, при этом как будто зацепился колесами стойки, на которую опирался, за свою ногу.

С трудом удержался, чтобы не упасть, при этом начал неуклюже заваливаться вперед. Все для того, чтобы как можно естественнее выглядело то, что стойка-штатив, которую катил за собой, начала наклоняться. И когда верхний конец трубы смотрел прямо в лицо уже оказавшегося рядом мужчины, я что было силы ударил. Без замаха, просто двинул стойку вперед одной рукой как копьё, рассчитывая если не выбить глаз, то хотя бы ошеломить противника, получить преимущество неожиданности.

Преимущество получил, причем неожиданностью оно оказалось даже больше для меня: стойку капельницы в момент удара объяли ветвистые жгуты молний, а железная труба легко воткнулась мужчине под нижнюю челюсть, пробивая шею.

Сверкнуло яркой вспышкой – тело мужчины встряхнуло, словно электрическим разрядом, мгновенно превращая в обугленную головешку. Терпко пахнуло смесью запахов – жареным мясом, палеными волосами и одеждой. Я уже шагнул дальше вперед, двигаясь навстречу бросившейся ко мне от кровати женщине. Только сейчас увидел ее глаза – полностью белые, как будто закатившиеся. Полы ее халата распахнулись, показывая синее облегающее платье.

Увидел все это мельком – продолжая движение руки со стойкой-копьем, перехватил ее уже двумя руками. Ударил как длинной дубиной, амплитудно размахнувшись нижней частью с колесами. Эффект удивительный – стойку вновь

объяли переплетающиеся жгуты молний, оставляя за собой широкий световой шлейф.

Белоглазая женщина оказалась к удару готова: в необычном жесте она выставила перед собой руки, явно формируя щит. К атаке она оказалась готова, но не готова была к ее мощи – щит удар отразил, вот только женщину буквально смело, поднимая в воздух и откидывая прочь.

Восприятие мое изменилось – я теперь смотрел на мир, окрашенный во все оттенки синего. На периферии зрения видел мелькание ярких синих всполохов – похоже, у меня сейчас глаза сияют так же, как недавно у Мари.

Несмотря на странные изменения спектра зрения, хуже видеть не стал. Более того, появилась сосредоточенность, внимание к деталям. И пришло понимание, что пусть я не ускорился – как недавно на поляне, до такой степени, что время остановилось – но определенно я сейчас двигаюсь и существую гораздо быстрее от обычного. Потому что у меня получилось вполне четко увидеть, как туфли с каблуками остаются на полу, а сама белоглазая женщина улетает спиной вперед, после короткого полета врезавшись в стену над кроватью. Ударилась она затылком о стену со звуком деревянной колотушки, после чего кулем рухнула вниз, сворачивая прикроватную тумбочку.

Третий убийца – с широким и свернутым на сторону носом – уже соскочил с кровати. Он, как я краем глаза заметил до этого, откинул от себя среброволосую девушку в другой

конец палаты. Бросил легко и далеко, как куклу – подальше, чтобы не мешала.

У меня внутри по-прежнему клокотала разбуженная глупостью ситуации злость на себя и на весь мир, заполняющая взор голубым сиянием. Но, когда «сестра» оказалась отброшена сильной рукой, ярость начала утихать, уступая место удивлению.

Тонкая хрупкая девушка в полете извернулась, причем сделала это донельзя грациозно – на Олимпийских играх такую пластику в художественной гимнастике не всегда увидишь. Шикарные волосы взметнулись, их сдержанное свечение заметно усилилось, создавая вокруг худенькой девушки явно-выраженную серебряную ауру. Густые волосы как будто превратились в жидкий металл, став не аурой, а второй кожей и... вдруг я увидел у приземлившейся в углу палаты девушки хвост, самый настоящий.

Упала она на все четыре... лапы? Лапы, да – кисти рук видоизменились, ногти превратились в когти, оставляя на полу отметины. Мелькнуло серебряным росчерком – девушка кинулась в атаку. Отбросивший ее убийца, только что смотревший на меня, рывок сестры заметил. Он попытался повернуться, встретить ее лицом к лицу, но превратившаяся в человекоподобного хищника девушка легко ушла от мелькнувшего кулака. Прыгнув на стену и оттолкнувшись – снова всеми четырьмя лапами, в мгновение ока оказалась у противника за спиной.

Взмах когтистых рук (лап?) слился в серебряный росчерк – удар пришелся мужчине в основании шеи, так что широкий шлейф крови брызнул на стену. Постояв немного, несостоявшийся убийца рухнул на колени, после чего упал лицом в пол. Спина его превратилась в кровавую кашу, из которой торчали обломки костей. Вот тебе и девушка-подросток – она мужика просто разбарабанила, там месиво после всего лишь одного удара.

Несмотря на невероятное зрелище, на новоприобретенную сестру я, пусть и опасаясь ее как оборотня, глянул только мельком. Основное внимание уделял проходящей в себя после удара в стену белоглазой женщине – она уже стояла на четвереньках, пытаюсь подняться.

Похоже, не совсем обычный человек – защищаясь от моего молниеносного, в буквальном смысле, удара, смогла поставить невидимый щит. Да и в стенку она влетела с такой силой, что обычному человеку надолго бы хватило, если бы не навсегда. А эта – похрипывает, шевелится все активнее.

Ярость – из которой родились молнии, из груди ушла, сияние у меня в глазах потухло. Треугольник с колесами в нижней части капельницы уже оторвало, так что у меня в руках оставалась просто металлическая труба. Широко махнув ей, как боевым шестом – разгоняя нижний конец вдоль пола, я ударил женщине в шею слева, прямо под нижнюю челюсть.

Добивать не пришлось – молнии во время удара вокруг металлической стойки не появились, но голову женщины по-

вернуло так, что сразу все понятно стало. Да и когда она упала, замерла в не оставляющей сомнений позе – живые так не лежат. После этого сразу обернулся к сестре. Все же она оборотень, я как-то к такому непривычен.

Когда обернулся и посмотрел на сестру, только в этот момент, впервые с появления в палате мне стало по-настоящему страшно. Страшно так, что снова вплоть до ощущения поднимающейся на загривке шерсти.

Спасенная девушка-подросток стояла сейчас в нескольких метрах и внимательно смотрела на меня. Полностью обнаженная, совершенно не стесняющаяся своей наготы. Она частично вернула себе человеческий облик – хвоста нет, когти на ногах исчезли, остались только на руках... не такие, как были, но острые, еще не совсем ногти. Лицо нечеловеческое – искажено остатками трансформации, явно заметны звериные черты; глаза желтые, с вертикальными зрачками, как у хищника. Но особенно привлекают внимание острые клыки, обнаженные в оскале.

Стояла она на двух... не лапах, уже ногах все же. На полу согнутых, явно приготовившись к атаке. Самое что неприятное – похоже, атаковать она готовилась меня. Смотрела цепко и внимательно, причем в ее желтых звериных глазах я хорошо читал животную ненависть.

Серебряные локоны вновь стали наливаться сиянием, постепенно превращаясь словно в живой металл, обнимающий тоненькую фигуру девушки. Да она реально готова на меня

броситься, вот уже когти на ногах паркет начинают медленно царапать!

Еще немного, и звериная ярость у сестры (а точно это сестра, может, незнакомец что-то напутал?) возьмет верх над благоразумием.

– Наоми? Ты же Наоми, да? – спросил я, предпринимая попытку остановить оборотня словами.

«Ты же Наоми, да?» – что за идиотский вопрос!? Если она моя сестра, почему я спрашиваю, она это или нет?

Мысленно кляня себя за глупость, я отпустил стойку капельницы и поднял руки, обращая их ладонями к озверевшей – в прямом и переносном смысле слова – девушке. При чем трубу стойки отпустил сознательно так, чтобы упала она мне на ногу – рассчитывая если что подкинуть ее и вернуть импровизированное оружие обратно, где было.

Ловил на ногу трубу я еще и для того, чтобы стойка не лязгнула по полу. Девушка-оборотень, похоже, сейчас совершенно не в адеквате, так что резкий звук просто может послужить триггером и сорвать ее в атаку.

Вот только когда отпускал трубу стойки, совсем забыл, что шлепанцы уже потерял, стою босиком. Железка же, как назло, попала четко в косточку стопы у большого пальца. Больно попала – с огромным трудом сумел сохранить спокойное выражение, так что на лице ни один мускул не дернулся. Серебро волос девушки между тем вспыхнуло ярче, клыки удлинились, послышался скрежет когтей по полу.

– Наоми, нам срочно нужно бежать отсюда. Или нас убьют, – говорить я старался ровным голосом, но получалось не очень.

Глава 4

Хрупкая девушка, выглядящая сейчас гораздо опаснее всей тройки несостоявшихся убийц, замерла, глядя на меня желтыми звериными глазами.

Я ожидал прыжка, но вдруг заметил, что когти перестали удлиняться, обтекающее тело жидкое серебро вновь превратилось в густые волосы, а лицо за пару мгновений полностью утратило звериные черты. Только что желтые глаза стали почти обычными – светло-голубыми, почти серыми, но зрачок все еще был вертикальный, звериный.

Господи, подействовало, надо же – сестра-оборотень нападать передумала. К счастью, она не заметила мою оговорку – а так обратила бы внимание на сомнения, чик когтями по горлу и в колодец, как Доцент из «Джентльменов удачи» говорил. Мысли от напряжения путались, в голову лезла самая разная чепуха. Мысленно встряхнувшись, я начал лихорадочно размышлять, как бы отсюда потихоньку начать сваливать.

Глаза Наоми между тем уже стали обычными, яркий серебряный отблеск волос исчез, осталось только едва заметное внутреннее свечение. На лице девушки вдруг появилось выражение испуга, и она, осознав полную наготу, встала, скрестив ноги, и обхватила руками грудь. Еще и трянула волосами, так что длинные густые локоны частично закрыли

тонкую фигурку.

На грудь ее я, кстати, и не смотрел. Смотрел в глаза – потому что, когда исчезли звериные черты, впервые сумел хорошо рассмотреть истинное лицо так неожиданно обретенной сестры. Смотрел на нее, а понимал теперь природу своего происхождения, так повлиявшего на внешность. Сразу несколько факторов сложилось.

Внешность сестры, как и у меня, больше тяготеет к европейскому типу, но при этом имеет явно чуждые европейцам черты. Один из наших родителей наверняка японец или кореец, это точно – только сейчас я вспомнил и первое свое имя, которое незнакомец озвучил: Рейдзи Александр. Причем вспомнил об этом только сейчас, когда в памяти всплыло знание, что девушки, превращающиеся в лисиц, зовутся кицуне или кумихо. Зависит от того, чей фольклор – японский или корейский.

Фольклор этот, правда, из народных преданий прямо на моих глазах уже превратился в самую настоящую реальность. И у меня теперь есть сестра – лиса-оборотень. А сам я – метатель молний, вот это вообще неожиданный поворот.

«У тебя была обнаружена малая искра дара владения элементарной стихийной силой. Таких людей рождается много, перспектив овладения даром никаких», – как вживую услышал я голос странного незнакомца.

Геральт, ты, как бы это помягче сказать... говорил неправду, – мог бы я ему сейчас сообщить, если бы его сно-

ва увидел. Так, стоп. На поверхности же лежит: гораздо более высока вероятность того, что в личное дело Дмитрия Новицкого записали заведомо недостоверную информацию. А во время удара молнии – в ходе ритуала, его возможности проснулись. Вернее, сейчас это уже мои возможности. Вот это, кстати, весьма похоже на стройную теорию.

Ладно – теории теориями, но, если не сделать отсюда ноги, может случиться нечто неприятное и теории строить будет некому и некогда. Пора действовать, тем более что сестра, пусть и вернув себе человеческий облик, по-прежнему смотрит на меня со странным выражением.

Ощущение чужих эмоций, впервые испытанное на поляне ритуала – когда я почувствовал испуг барона Горанова, возникло и сейчас. И в направленном взгляде девушки я ясно ощутил букет самых разных чувств: злоба, презрение, ненависть, недоверие, озадаченность, интерес. На меня свалилось столько всего, что в ушах зашумело, а после восприятие ее чувств отсекло.

Похоже, чувства брата и сестры далеки от родственных. Причем настолько, что Наоми на меня только что чуть не кинулась, намереваясь разодрать в клочья. Очень бы мне не помешала память реципиента, но намеков на возвращение воспоминаний никаких не было.

– Наоми, нам нужно уходить, – похлопал я по запястью, намекая на часы. – Нас так просто не оставят.

Сестра не ответила, просто кивнула.

– Нам нужна одежда.

Снова кивнув, Наоми сверкнула глазами и двинулась к валяющейся рядом со мной женщине. Я же повернулся к убитым мужчинам. Первый, которому воткнул стойку капельницы под подбородок, реально прожарился – вся одежда сгорела, остатки исходят слабым дымком. Даже ботинки пришли в негодность, вон шнурки понемногу тлеют.

Одежда второго – если не считать разодранную спину – вполне хорошо сохранилась, вот только лежит он ничком в луже крови. Перспектива одеться испарилась мгновенно. Ладно, не ходили красиво, нечего и начинать – посмотрел я на свою больничную робу.

Самое главное мне сейчас – ботинки, босиком много не побегаешь. Вообще босиком причем – один из шлепанцев в ходе недавней драки порвался.

Я присел рядом с более-менее сохранившимся после удара Наоми трупом, быстро расшнуровывая шнурки. Неприятно, конечно, тем более что носков своих у меня нет, но что делать. Преодолевать брезгливость не пришлось – ботинки оказались малы. Понятно даже без примерки – как только стянул с ноги один и приложил к своей ступне, сразу осознал, что не вариант. Причем ведь убитый – реальный шкаф, выше меня на голову и плечи раза в полтора шире.

– У тебя что, тридцать шестой размер, дядь? – разочарованно удивился я. – Господи, в мире миллионы бандитов, а мне попался тот, у кого нога меньше, чем у моей младшей

сестры!

Сразу после этих слов слышал, как фыркнула Наоми. Обернулся – она уже сняла халат и платье с убитой белоглазой женщины. Как раз сейчас быстро, грациозным движением надела платье на себя. Синяя обтягивающая ткань словно вторая кожа обняла худенькую угловатую фигурку. Синева цвета вдруг начала стремительно уходить – и платье за несколько мгновений стало отливать серебром. Опять какая-то магия, я уже даже не удивляюсь.

Наоми между тем поправила подол, растягивая ткань на бедрах, замерла и уже несколько секунд смотрела на меня. «Я готова», – будто бы говорил ее взгляд.

– Может, ее халат накинешь? – кивнул я на отброшенный в сторону халат и добавил, поясняя: – В одном платье будешь внимание привлекать.

Наоми вслух отвечать снова не стала. Запустила руки в свои шикарные волосы, приподнимая и разводя в стороны густые, отсвечивающие серебром локоны.

«То есть так я внимания не привлекаю?» – уловил я невысказанный вопрос.

– Ну да, действительно, – буркнул я, понимая, что глупость сморозил.

Во что сейчас ее ни одень, кроме полностью закрытой паранджи, она со своими серебристыми волосами внимание без вариантов привлекать будет. А мне, похоже, босиком и в больничной одежде так и предстоит убежать.

В общем, план переодеться был хорош, но исполнение подкачало.

Так, ладно. Деньги. Мне нужны деньги – отвернувшись от сестры, стянул остатки кожаной куртки с растерзанного ей убийцы. В куртке обнаружился бумажник – только по краям чуть-чуть мокрый от крови. Внутри, вот удивительно, золотые и серебряные монеты, самые разные. Рассматривать не стал – некогда, просто ссыпал в карман. Обнаружил еще несколько непривычно длинных пластиковых карточек – причем, похоже, не банковские карты, а пластиковые купюры. Да, именно купюры. Несколько двадцаток, пара карточек достоинством в пятьдесят... ну да, злотых.

Кроме того, в карманах куртки нашел ключи от машины. Вот это нам может пригодиться – особенно учитывая мою больничную робу, в которой на улице буду внимание привлекать.

Посмотрел на брелоке – эмблема БМВ. Поднялся от тела, выглянул в окно. Прямо под окном густая зелень, полосой в несколько метров от стены здания, дальше забор, ограждающий больницу. На другой стороне узкой улочки видны каменные дома с красными черепичными крышами, зажегшиеся недавно фонари ярко освещают вход в госпиталь. Так, мы, судя по всему, на втором или третьем этаже. А больница – в Старом городе, очень уж характерный вид взгляду открылся.

Неподалеку от входа в госпиталь, прямо на нешироком

тротуаре, агрессивно криво припаркован черный угловатый автомобиль. БМВ или не БМВ – не видно, но весьма похоже: подобная манера парковки там, похоже, – популярная дополнительная опция вне зависимости от варианта окружающей реальности.

В окно я выглядывал просто осмотреться, собираясь после выходить из палаты и выбираться из больницы по лестнице. Но сейчас план поменялся: внизу, в холле, могут быть подельники, а мы с Наоми определенно привлекаем внимание. Окно же высокое, массивное, но открыть можно. Снизу – широкий карниз, хоть беги, а до водосточной трубы метра три.

Наоми уже подошла ближе ко мне. Смотрела не только на улицу, но и на меня. Букет неприятных чувств из ее взгляда так и не уходил, просто эмоции девушки чуть поутихли, так что я снова их чувствовал. И снова кроме ненависти и злости я ощутил заинтересованность.

Если бы еще знать, почему у нее такие эмоциональные качели, связанные со мной. Но, если бы у бабушки были борода и еще кое-что, то это был бы уже дедушка. Так что живем с тем, что есть.

– Давай через окно уходить, – показал я сестре на улицу.

Вслух отвечать Наоми снова не стала, опять кивнула. Немая? Очень на то похоже, даже не шипит. И когда белоглазая ее уколоть пыталась, тоже ведь не кричала, стонала только сдавленно.

Рывком открыв тяжелую створку, я быстро выбрался на карниз, прошел пару метров и перебрался на водосточную трубу. Аккуратно – чтобы не поранить ноги, спустился вниз, замер в кустах. Трава щекочет босые ступни, но совсем некритично, реципиент, видимо, босиком ходил периодически.

Наоми спустилась раза в три быстрее меня – серебряным росчерком скользнула из окна, словно чередой стоп-кадров материализовавшись на карнизе, потом рядом с водосточной трубой, потом на ее середине и хоба – уже стоит рядом.

Впечатляет.

Смотрит на меня по-прежнему с явно выраженной неприязнью. Глаза сощурены, губы поджаты. Черт, как бы она мне когтями не перестегнула, судя по взгляду, она едва удерживается от такой перспективы. Может быть, ну ее?

Нужна ли тебе такая машина, Вовка? – спросил я сам себя. С одной стороны – сестра, младшая. С другой – оглянуться не успеешь, нашинкует как мясо на шаверму.

– Вместе расходимся или по отдельности? – спросил я ее, приняв решение.

Отвечать Наоми не стала. Она даже на вопрос не отреагировала, ни словом, ни жестом. Просто крайне внимательно смотрела на меня.

– Ты вообще говорить можешь? – машинально задал я следующий вопрос.

Иногда бывает так, что сам вопрос гораздо более инфор-

мативен, чем ответ. Вот сейчас так и случилось. Правда, информации я получил после этого вопроса больше о себе. Словно вспышкой глубинной памяти – в прошлой жизни я был сильный, смелый, ловкий, умелый и даже иногда в некотором роде умный. Вот только была у меня черта, портящая все – очень часто перед тем, как что-то сделать, я забывал подумать.

Вот как сейчас.

Едва задал вопрос, как вдруг понял, что Дмитрий Новицкий уж знал бы – может Наоми говорить или нет. И вообще я говорю сейчас на русском, а судя по локации, может, должен на польском говорить. Тем более что «новый я» здесь вырос и учился, и знание польского у меня из его памяти прорезалось.

Похоже, Наоми сейчас думала об этом же. Злость и презрение из ее взгляда полностью исчезли, уступив место удивлению. Девушка-оборотень вдруг наклонила голову, глядя на меня изменившимся взглядом.

– Ты не мой брат, – то ли задавая вопрос, то ли констатируя, произнесла Наоми вдруг неожиданно звонким голосом.

Похоже, Штирлиц из меня вышел не очень. И вот что ей сейчас ответить?

Решение пришло быстро – похоже, умение создавать непростые ситуации у меня выработало и умение их оперативно разруливать. Так что над ответом долго не думал:

– И да, и нет, долгая история. Давай расскажу, когда сва-

лим отсюда?

Сохраняя невозмутимость, Наоми кивнула. Больше она ничего не сказала, теперь смотрела ожидающе.

– Машина, – показал я на криво припаркованный на тротуаре БМВ. – Я сейчас снимаю с сигнализации, если откликнется, перелезаем через забор и...

Так – осекся я на полуслове. На фоне всего случившегося просто забыл о том, что во время ритуала над поляной летал беспилотник Дефензивы. Если уж они за дочерьми князя Лещинского следили, чтобы добыть на него компромат, то за нами в больнице – скорее всего тоже может быть наблюдение.

С другой стороны – кто мы такие и зачем мы им нужны? К тому же без машины уходить – тоже вариант на троечку: сестренка-оборотень с серебряными волосами и я – босиком в больничной робе, внимание будем привлекать определенно, до первого полицейского патруля.

– Наоми.

Сестричка-оборотень снова никак вслух откликаться не стала, просто с вопросом посмотрела на меня.

– Машина может быть под наблюдением. Но без машины мы привлекаем излишнее внимание.

«Я не знаю, что делать», – так можно было интерпретировать ее пожатие плеч.

Ладно, надо уже что-то решать, секунды как песок утекают. Нажал на кнопку брелока, криво припаркованная маши-

на коротко и бесшумно мигнула поворотниками. Отлично, я не ошибся.

– Погнали, – произнес я.

Перепрыгнули через забор, быстрым шагом перешли дорожку. Едва сев на водительское место, я осмотрелся. Органы управления в принципе знакомые, коробка передач ручная. По ощущениям – машина совсем не новая, словно из конца девяностых. Как «бумер» в одноименном фильме, только не такой массивный. Компактней, больше похоже на пятую серию, не седьмую. Похоже, но при этом в машине все неуловимо чужое. Я такого – и некоторых таких решений, как встроенный в приборную панель массивный блок с широким экраном, – в подобных моделях ни разу не видел.

Вставил ключ, повернул – двигатель утробно зарокотал. Дизель. Чуть больше половины бака, отлично.

– Куда бежать, как думаешь? – спросил я у Наоми.

– В Кобрин? – посмотрела она на меня с вопросом.

Если бы я еще знал, что это такое.

– Это куда?

– Это туда, – махнула она рукой, указывая направление на восток.

– Почему туда?

– Кобрин – свободный город, – с удивлением посмотрела на меня Наоми, как будто сказала что-то, что я должен понять.

– Ясно. В Кобрин, так в Кобрин.

Включил первую передачу, звучно перегазовав – очень высоко сцепление схватывает. Съехал с тротуара, развернулся и поехал по узкой улочке. Коробка передач ручная, непривычно – давно не ездил, но это как велосипед, разучиться невозможно.

За нами никто не поехал, никто из больницы не выбежал. Повернул за угол больницы, проехал пустой нерегулируемый перекресток. И даже расслабился. Ненадолго и несильно – еще ведь куча вопросов: где я вообще и что мне дальше делать.

– Если нам сейчас присядут на хвост и мы вдруг разойдемся, давай определимся, где встречаемся и до какого момента друг друга ждем.

– Давай на нашем месте, – моментально ответила Наоми.

– А это где?

– Ты забыл? Или ты не знаешь?

– Да.

– Что «да»?

– Не знаю и забыл. Давай потом, говорю же, долгая история.

– Броварна, у Старой мельницы.

– Это куда ехать?

Наоми повернулась к современно (на фоне остального салона) выглядящему экрану, активировала карту. Не забывая точку маршрута (умная девочка), промотала и показала мне место. Да, действительно: «Stary Młyn Wodny», есть такое

место на восточных окраинах города в районе Броварна.

– Если теряемся, ждем друг друга у Старой мельницы до завтра до рассвета, потом пробуем добраться в Кобрин по отдельности, – подытожил я, проезжая следующий нерегулируемый перекресток.

– Хорошо, – покладисто ответила новоприобретенная сестра.

– В Кобрине где встречаемся, если что?

Снова почувствовал направленный на меня удивленный взгляд.

– В посольстве Конфедерации.

– Броварна, Старая мельница. Кобрин, посольство Конфедерации. Понял, принял.

Интересно, что здесь за Конфедерация такая, чье посольство расположено в свободном городе Кобрин? Неужто южные штаты в гражданской войне уже победили?

Впрочем, сильно задуматься на эту тему не успел. Едва проехал третий перекресток, как вдруг машина оказалась в кругу света – нас высветил прожектор с небес. И практически в этот же момент узкую улочку – две машины с трудом разъедутся, впереди перед нами перекрыла пара черных тонированных микроавтобусов, встав бампер к бамперу.

Позади, из соседнего переулка раздались звуки сирены и замелькали синие огни спецсигналов. Это уже полиция, похоже, чуть запаздывающая – перекресток, который мы только что проехали, свободен. Пока свободен.

Так. Похоже, приехали.

Улочка узкая, с одной стороны высокая и глухая боковая стена дома без окон, с другой фасад трехэтажного дома без витрин. Мы тут как в коробочке оказались, просто некуда бежать. Вернее, совсем некуда бежать будет, когда запаздывающая полиция нам позади дорогу перекроет.

Действовать я начал еще до того, как мозг обработал все эти мысли. Вжал в пол педаль тормоза, и пока машина с визгом резины летела вперед, теряя скорость, уже включил заднюю передачу. На автоматической коробке так не сделаешь.

Едва качнуло в момент полной остановки, как я бросил сцепление, вжимая в пол уже педаль газа. «R – значит ракета!» – вспомнил я старую шутку про обозначение скоростей.

Старенький БМВ, словно подтверждая, резво покатил задом и назад. Дизель не сильно приемистый, но дури в нем много, разгоняет уверенно. Коробка уже завывает так, что впечатление – еще немного, и взлетим.

– Увага! Увага!

Механический женский голос, раздавшийся в салоне, заставил меня вздрогнуть и выругаться от неожиданности.

Одновременно приборная панель расцвела красными цветами. Все тот же женский голос по-польски начал сообщать о нарушениях правил дорожного движения, что ведет к понижению социального рейтинга.

Я уже не слушал – глядя на приближающийся перекресток. Решение оформилось: проскочить пару улочек, выса-

дить Наоми, а потом уже сдать ся полиции. В то, что получится уйти от преследования, я не особо верил, но хотя бы сестре нужно попробовать дать шанс.

Успел проскочить перекресток я в последний момент. Причем, когда только поехал задом, видимо, в радиации начали об этом кричать, так что подъезжающие машины с проблесковыми маячками ускорились. И когда я проскочил перекресток, два разогнавшихся белых универсала с надписью «Policja» влетели друг в друга. Ровно и точно в цель – причем с такой силой, что у обеих машин одновременно задние колеса над асфальтом приподнялись.

В одной из машин все были пристегнуты, во второй один человек точно ремнем безопасности пренебрег – вылетел через лобовое и полетел далеко вперед вдоль по улице.

Вечер определенно перестает быть томным. Великолепный и надежный как швейцарские часы план – отъехать пару кварталов, высадить Наоми и сдать ся полиции, показался уже не таким великолепным и надежным.

«Ну, дебилы!», – мысленно высказался я, провожая взглядом летящего полицейского. Можно было и вслух сказать, но механический женский голос как раз сейчас говорил про сквернословие. На польском, но слушая краем уха, будучи сосредоточенным на другом, я неожиданно все понимал. И как раз сейчас узнал, что употребление обценной лексики тоже ведет к понижению социального рейтинга.

Куда прилетел отправившийся в полет полицейский, я не

видел – уже рванул руль в сторону, зажимая тормоз. Улочка узкая, но места для полицейского разворота хватило. Взвизгнула резина, взвизгнула Наоми, мелькнули витрины в поле зрения. Как бы не разуться сейчас или колеса не потерять. Все же не в кино, в реальности такие трюки часто заканчиваются, едва начавшись. Как может закончиться и едва начавшееся бегство. Но БМВ, хоть и старенький, вполне себе бодрый, разваливаться не собирался.

Двигатель гудел, разгоняя машину, я же лихорадочно думал, куда бежать.

– Увага! Увага! – снова завел предупреждающую шарманку механический женский голос.

Чтобы не ехать обратно к больнице, свернул на следующем перекрестке. Такая же узкая улочка, но почти сразу вывела нас на широкий проспект, на котором я повернул направо.

Если ехать в сторону Кобрина, нам надо было налево, на восток. Но слева на перекресток выползал старомодно выглядящий ретро-трамвай. С визгом резины БМВ проскочил юзом по трамвайным путям, едва не потеряв управление и сцепление с дорогой.

Управление сохранил, зато, похоже, потерял правый задний стоп-сигнал, очень уж характерно позади хлопнуло, когда выезжающий справа на перекресток старомодный ретро-трамвай зацепил. Мгновением позже БМВ все же поймал дорогу, и я сумел избежать встречи со столбами и ого-

раживающим тротуар высоким поребриком.

Пронзительно затрещало – вагоновожатый трамвая явно удивился моему появлению. Звон быстро исчез вдаль, я продолжал гнать вперед – снова в луче прожектора: потерявший было нас вертолет снова завис сверху. Я продолжал давить на газ «на все деньги», как называлось это в моем мире. В этом мире, похоже, такая манера называется «на весь социальный рейтинг».

Широкий проспект вдруг раздвоился – автомобильные полосы плавно расходились вправо и влево, а впереди был мост-виадук с двумя трамвайными путями и тротуарами по краям. Машинам здесь ездить, похоже, нельзя, но пока я думал, куда – направо или налево, время на раздумье кончилось, поэтому поехал прямо.

По сторонам замелькали ограждения, зелень деревьев, промелькнули две трамвайные остановки с провожающими нас взглядом людьми. Далеко впереди в лучах уходящего солнца виден подсвеченный красный шпиль кирхи, или как католические церкви называются. Коротко глянул на экран – Наоми, молодец, выводила наше местоположение. На карте видно, что впереди парковая зона.

Решение пришло мгновенно.

Двигатель ревел, женский голос «Уваги» механически сообщал об очередном нарушении, и все это происходило так сразу и громко, что я перешел на крик.

– Я сейчас заезжаю в парк, когда скажу, выпрыгивай из

машины!

– Хорошо! – откликнулась Наоми.

Короткий взгляд на карту – слева парк небольшой, справа большой. Выбор очевиден, так что, едва заметив поворот направо, я туда и свернул, вновь бросая машину в занос. И увидел испуганные глаза женщины за рулем, которая выезжала из паркового проезда. В последний момент успел крутануть руль, уходя от столкновения, после чего БМВ выбросило на тротуар, ведущий вдоль дороги.

Хорошо, поребрик низкий – был бы повыше, передние колеса или взорвались, или их бы просто вырвало. Колеса сохранил, зато, похоже, потерял целостность глушителя – БМВ заревел как раненый зверь. Кроме того, от испуга закричала Наоми, а еще ритмично застучало: на тротуаре были парковочные столбики.

Много парковочных столбиков.

С дробью перестука я снес их не менее десятка, после увидел впереди столб и, крутанув руль вправо, протаранил кусты. Замелькали плотно стоящие деревья – как я ни в одно не врезался, черт его знает. Удача и скорость реакции – я руль крутил, как водитель раллийной машины на участке со сложными поворотами.

Массивные стволы деревьев вдруг кончились, мелькнули очередные протараненные густые кусты, и БМВ выскочил на чистое пространство перед широким прудом с фонтаном в центре.

Машину после полета через кусты болтало, зад бросало в разные стороны.

– Увага! Увага! – не переставал механически уныло повторять женский голос.

– Абунай! Абунай! – закричала на незнакомом языке Наоми.

– Воу-воу-воу! – заорал я, понимая, что БМВ несет прямо в пруд.

Поймав момент – когда корму бросило влево, я выкрутил руль вправо и вдавил педаль в пол. Машину несло по газону, разворачивая боком к пруду, и только в последний момент колеса наконец поймали сцепление. Мы повернули на самом краю бассейна, встав на два правых колеса.

Судя по ощущениям, я впервые ехал на двух колесах, тем более по каменной кромке пруда – так что другие колеса в этот момент зависли над водой. Поэтому ничего лишнего раз в процессе трогать не стал – так и ехал вперед, пока берег пруда не закончился. Сразу чуть крутанул руль вправо, и БМВ тяжело приземлился на все четыре.

Мелькнула очередная протараненная зеленая стена кустов, и мы вылетели на газонные лужайки парка. Деревьев здесь было поменьше, опасности врезаться тоже меньше. Но и густой зелени не видно, Наоми нигде не посадить. Да и дорогу мне уже, кстати, освещало целых два прожектора с неба, пробивавшихся через кроны редких деревьев.

Парк как-то вдруг закончился, мы выскочили на широкую

площадь. Мелькнул слева самый настоящий замок – огромный, подсвеченный, проехали мимо статуи какого-то мужика с книгой и понеслись через площадь. Один из преследующих нас вертолетов начал снижаться, яркий ослепляющий свет прожектора ударил прямо в глаза.

Я собрался было зажмуриться, но на удивление продолжил все видеть – только в странных очертаниях, как будто на золотом фоне контуры прорисованы. Опять магия способностей реципиента. Благодаря новой способности видеть сквозь яркий слепящий свет заметил, как впереди дорогу нам перегораживают сразу несколько полицейских машин.

Объехать я их не успевал, так что въехал в стык – целясь в багажник ближайшей, туда, где двигателя нет и соответственно машина полегче. Наоми сразу после удара вскрикнула, полицейскую машину откинуло, раскручивая, а мы помчались дальше. Уже без ослепляющего света, проехав под брюхом у вертолета – который оказался не вертолетом, а массивным конвертопланом в полицейской раскраске.

Едва над нами промелькнуло широкое сине-белое брюхо, как на площадь посыпались ледяные глыбы. Самые настоящие – огромные, каждая не меньше двух-трех метров.

Массивные сосульки летели сверху, втыкаясь в брусчатку ледяным частоколом.

Воздух наполнил звон и... эхо магической силы – понял я, когда по загравку, вернее по затылку, повело уже знакомым чувством опасности. Вызвав очередное предупреждение ме-

ханически-унылой женщины, я выругался, завертев рулем в попытке объехать разлетающиеся осколками ледяные глыбы. С управлением я не справился, и машину развернуло, закрутив на ледяной крошке.

Нас несло задом вперед, так что открылся вид на дворец. Из-за этого я хорошо видел, как вспыхивают яркие льди-сто-голубые вспышки на крыше огромного замка. «Императорский» – как мельком увидел название на карте. Похоже, на страже крепости, на крыше, находятся самые настоящие маги, которые, не сильно разбираясь в происходящем, вцепили по всей площади стихийной силой.

Целились они, правда, плоховато – площадь раздолбали, превращая в лунно-ледяной пейзаж, а в нас пока ни разу не попали. Пока мчащийся вперед, потерявший управление на ледяной крошке БМВ крутило, я успел рассмотреть, как взмывают в небо по сторонам оба конвертоплана, как тормозят и сдают назад полицейские машины на границе парка, не выезжая на площадь. Похоже, безопасность замка важнее, чем поимка беглеца – так что про нас на некоторое время даже забыли.

Я, кстати, все то время, пока машину крутило, так и жал педаль газа в пол, и вскоре БМВ зацепился колесами за брусчатку. Тяжелая машина вильнула задом, и мы вновь ехали вперед. Быстро проскочили остающуюся часть немалой, едва не километровой диаметра площади, и оказались у второго парка. Здесь, со всех сторон – по бокам и впереди по

прилегающим улицам, перед нами мелькали синие проблесковые маячки, так что я снова свернул на газон.

Вновь скрежет сносимых кустов, лавирование через деревья – этот парк, в отличие от предыдущего, был погуще. Вдруг я удачно выскочил на гравийную дорожку – как раз в ширину машины. Свет с неба в этот момент исчез, прожектора нас упустили.

– Готовься прыгать! – закричал я, перекрикивая гремещий глушитель.

– Готова!

Парковая дорожка расходилась на две, и я затормозил – словно не справился с управлением. Машину понесло, мы сбили невысокие кусты, и я ударился задним крылом в дерево.

– Удачи, Рэйдзи! – тронула меня за плечо Наоми.

Я повернулся к ней, но едва успел заметить серебряный росчерк: сестричка-оборотень выскользнула из машины и моментально исчезла из вида. Снова магия – даже в такой ситуации меня не перестает вот это вот все удивлять.

– Увага! Увага! – продолжала долдонить система оповещения.

Механический голос уже не вызывал раздражения – я к нему даже привык. Педаль газа снова оказалась в полу, рокот двигателя и рев глушителя женский голос заглушили.

Выскочив из кустов на парковую дорогу снова, я погнал дальше по парку. Мелькали мимо деревья, беседки, блистаю-

щий гирляндами огней парковый ресторан у пруда – и вскоре вдруг парк кончился. Причем так кончился, что я не удержался от резкого восклицания.

Раздался громкий удар, отозвавшийся по всей машине; я его даже в корнях зубов ощутил. А потом БМВ взлетел – и я вместе с ним. Едва все четыре колеса оторвались от земли, как время словно остановилось на миг.

Я завис в моменте безвременья, очень четко себя ощущая и словно оглядываясь на себя и на происходящее со стороны. Понимая, что я заскочил на парковую лестницу как на трамплин и взлетаю все выше. Как раз в этот момент один из преследующих меня конвертопланов заходил в вираже со снижением, опускаясь прямо над дорогой у границы парка. Похоже, снова хотят попробовать меня ослепить.

Лица пилотов были закрыты визорами, выражения их я не видел. Но, наверное, они весьма удивились, когда мой взлетевший как птиц БМВ передним бампером влетел в плексигласовый колпак кабины.

А потом время снова полетело вскачь.

БМВ после взлета с трамплина лестницы летел неровно – капот был выше, зад опущен, так что от удара в конвертоплан меня перевернуло. Корму потащило вперед, и БМВ сделал сальто назад, а после – со всего размаха, приземлился на асфальт на все четыре колеса.

От удара я на несколько мгновений потерял сознание. Когда очнулся, одно оставалось неизменным – я все еще жал на

газ, утопив педаль в пол. И только через несколько долгих, очень долгих секунд понял, что двигатель в ответ рокотом больше не отзывается. Все, отбегался четырехколесный продукт гения баварских инженеров.

«Вы приехали», – мелькнула у меня мысль, озвученная приятным женским голосом. Вдруг раздался морозный скрежет, и вокруг меня вдруг за считанные мгновения выросла самая настоящая ледяная стена.

Я как будто в полый ледяной глыбе оказался.

– Замуровали, демоны! – не смог не прокомментировать.

А потом раздался ледяной взрыв и сознание погасло.

Глава 5

Вечером понедельника тридцать первого мая, в двадцать один час пятнадцать минут, в погруженном в полумрак помещении Особого отдела оперативного штаба Управления Федеральной службы безопасности по Гродненской губернии, перед взором одного из дежурных замигал красный предупредительный сигнал срочного оповещения.

Моментально отвлекшись от разговора с соседом, лейтенант Николай Никонов стремительно развернулся в кресле. Тут же забыв обо всем, он обратился всем вниманием на экраны двух своих мониторов. И уже через несколько секунд снял трубку архаичного – но гарантированно защищенного от прослушивания проводного прямого телефона. Едва на линии ответили, как лейтенант Никонов начал докладывать:

– Проект Цербер, код Красный, повторяю, код Красный. Объект два нуля тринадцать, стихийная активация. Местоположение Познань, больница Франциска Рашея. Повторяю, Познань, больница Франческа Рашея, объект два нуля тринадцать, код Красный... Так точно, – после паузы произнес Никонов, сразу же положив трубку.

И сразу отдернул от телефона руку, как будто трубка была раскалена.

Обратившись вниманием к монитору, лейтенант Никонов подтвердил прием-передачу информации, отправил цирку-

лярной рассылкой доклад о произошедшем по списку адресатов согласно протоколу Красного кода, и только после этого алая подсветка оповещения на экране погасла.

Прошло еще несколько секунд – и на моргнувших экранах рабочего места лейтенанта Никонова вдруг исчезла вообще вся информация о стихийной активации. Открытые информационные окна исчезли, отображенная карта перескочила на столицу Гродненской губернии – как происходит при перезагрузке программы, а на втором экране пропали записи истории событий последних минут, ведущиеся в автоматическом режиме журнала дежурной смены.

Никонов даже зажмурился, а после поморгал пару раз, не понимая, что произошло. Возникло ощущение, как будто тревожное сообщение ему только что привиделось. Глядя на вернувшиеся в обычный режим экраны, лейтенант глубоко вздохнул, после чего медленно выдохнул.

В роли дежурного наблюдателя Особого отдела, требующей и особый допуск, Никонов провел уже около полугода. За это время он неоднократно сталкивался со стихийной активацией проклятых, состоящих на учете проекта «Цербер». Но подобное – столь выбивающееся из общего ряда, видел впервые.

До этого момента все оповещения были «Синие» и «Желтые». Один раз – когда сдерживающая стихийный дар ментальная пломба у проклятого оказалась выбита в крупном торговом центре, код был «Оранжевый».

Цвет оповещения зависел и от потенциала угрозы случайным людям во время стихийной активации, и от потенциала заблокированного дара. Если активация происходила без опасности для окружающих, то Синий код означал максимальный четвертый золотой ранг включительно, Желтый код – максимально пятый золотой, Оранжевый – седьмой бронзовый.

Все, что выше седьмого бронзового ранга, – это уже невероятная высота, самый Олимп у опоры трона. Только там можно встретить одаренных, владеющих столь высоким даром, поэтому Никонов даже не предполагал, что может увидеть Красный код – это казалось фантастикой. Да и ментальную пломбу таким уникамам никто ставить бы не стал. Сразу бы забрали под опеку, такие сильные владеющие – это же достояние Империи.

Никонов так и продолжал смотреть в вернувшиеся в обычный режим экраны, все еще пытаясь осмыслить произошедшее. За его спиной раздался звук катящегося кресла, и к Никонову подкатился сосед – лейтенант Николай Кононов, с которым буквально полминуты назад обсуждали матчи командного плей-офф Городской охоты в Восточном дивизионе Лиги Чемпионов.

– Цербер? – поинтересовался у Никонова Кононов.

Говорил сослуживец совершенно спокойно. Красный сигнал оповещения он не увидел – потому что красные всполохи отображались только перед взором Никонова, в создан-

ной только для него версии дополненной реальности. И о том, что речь идет о проекте «Цербер», Кононов догадался лишь по скорости реакции коллеги.

Никонов не ответил и на Кононова даже не посмотрел – все еще озадаченно глядя в экраны.

– Эй! – пихнул в плечо Кононов своего товарища и сослуживца.

Ему было скучно, и он на своем месте клевал носом; проект «Цербер» же – тема интересная, не хуже Городской охоты, и ее обсуждение гарантированно сон сгоняло.

– А!?! – встряхнулся Никонов, оборачиваясь.

– Цербер, спрашиваю?

– Да, – кивнул Никонов, все еще не полностью выходя из глубокой задумчивости.

– Кучно как-то проклятые в последнее время пошли, – продолжил Кононов, вновь забрасывая удочку для продолжения обсуждения.

– Да, есть такое, – машинально согласился Никонов и замолчал, глядя вглубь своих мыслей.

– Это уже какой, двенадцатый за месяц? Причем только в нашей зоне наблюдения... – снова попробовал разогнать беседу Кононов, не обращая внимания, что Никонов все еще пребывает в глубокой задумчивости.

– Тринадцатый, – машинально поправил тот.

– Эй! Ты ведешь беседу, не приходя в сознание? – со смешком спросил Кононов.

Никонов на вопрос даже не отреагировал. «Тринадцатый» – вдруг застучала у него кровь в висках от догадки. Номерной индекс только что проснувшегося объекта: два нуля тринадцать.

С две тысячи седьмого года каждого младенца в Российской Конфедерации проверяли специально обученные маги на предмет наличия искры стихийной силы. С начала двадцать первого века такие искры были у многих детей, появляющихся даже у неодаренных родителей. В основном это были малые – так называемые тлеющие, не способные к развитию искры.

Но все же после введения общего тестирования постепенно все чаще стали выявлять детей, в перспективе способных к освоению дара. Таких, если родители были из граждан, забирали под опеку ФСБ, если из подданных, состоящих в Конфедерации монархий, – в интернаты начальной подготовки учебных заведений высше-магического образования.

Кроме обычных (слово «бездарный» было строжайше запрещено к применению в любом контексте) и в разной степени одаренных детей последние годы все чаще встречались еще и дети с даром, который получил название проклятый: это была уже сформированная и неконтролируемая сила. Могущая вырваться на свободу и убить как самого ребенка, так и людей, его окружающих.

В таких случаях сразу в роддоме «проклятым» даром младенцам ставили ментальную пломбу, блокирующую владе-

ние даром. Каждый из таких детей становился предметом отслеживания программы Цербер, и, если дар постепенно вытеснял ментальную пломбу, таких детей забирали в специальные учебные учреждения. Бывали случаи, когда пломбы срывались неожиданно, посредством стихийной активации. Как правило, это происходило после серьезных потрясений в жизни проклятых даром детей.

Причем за последние годы подобное случалось все чаще и чаще, «проснувшихся» проклятых становилось все больше. Но ни разу подобное еще не сопровождалось Красным кодом – по крайней мере Никонов об этом ни разу не слышал.

«Два нуля тринадцать», – снова подумал он. Не слушая, что ему говорит удивленный его задумчивостью Кононов, он открыл систему поиска и четыре цифры обозначения объекта. Ничего, как и предполагалось.

Похоже, проснувшийся объект не состоит ни в одной системе учета. Вернее, не состоит ни в одной открытой системе учета – если система на него сработала, значит, ментальная пломба его все же была зарегистрирована. А номерной индекс ему сейчас был присвоен автоматически, просто по актуальному списку стихийных активаций за месяц.

Вот только что за закрытая система учета может быть, что она сокрыта даже от сотрудников Особого отдела? У Никонова был на это ответ, и он уже понял, в каком именно ведомстве могут быть подобные закрытые списки.

– Николай, вы меня игнорируете! – пихнул Никонова в

плечо Кононов.

– Что? – отвлекся Новиков от мыслей, понимая, что сослуживец только что снова его о чем-то спросил.

– Скоро проклятые обычных одаренных потеснят, говорю!

– Вряд ли.

– Почему это?

– А ты не знаешь?

– Откуда ж мне, я с Цербером не работаю.

– Не потеснят.

Оба офицера дежурили в одной смене, были тезками и дружили. Из-за этого коллеги и сослуживцы, обобщая, называли их пару «Нико» из-за созвучных фамилий. Общались Никонов с Кононовым тоже вполне свободно, довольно часто обсуждая темы для служебного пользования – которые в общем-то, в иной ситуации не стоило бы так открыто обсуждать.

– Так их что, того? – сделал характерное движение Кононов.

– Да нет, конечно, – помотал головой все еще задумчивый Никонов. – Тех, кто помладше, ставят на контроль. Те, у кого пломба готова сорваться или уже сорвана, собирают в резервациях. Кто с даром не справляется, а таких среди проклятых большинство, тем гасят Источник.

– Да ладно?

– Да ладно. Ты разве не слышал?

– Нет, конечно.

– Вот теперь слышал.

– Вот теперь слышал, – эхом согласился Кононов и тут же спросил: – А что за резервации?

– Ты знаешь, как в высше-магических гимназиях учат?

– Примерно да, слышал кое-что.

– Вот проклятых учат примерно так же. Но помнишь, как в анекдоте, который граф Барятинский на ипподроме недавно рассказывал? Про нюанс?

– Да, ахах, конечно, помню!

– Так вот, я слышал, что...

Договорить Никонов не успел – дверь открылась, и в помещение зашел сам Соломатин, глава Особого отдела по Виленскому военному округу. Кононов вовремя успел оттолкнуться и проехаться на кресле по полу, в последний момент возвращаясь на свое рабочее место.

– Никонов! Ты засек активацию объекта? – подошедший Соломатин на Кононова внимания даже не обратил.

– Так точно, товарищ полковник.

– В журнал не вносить, о произошедшем забыть.

Никонов подобному повороту даже не удивился. Наоборот, с удовлетворением почувствовал, что только утверждается в своей догадке о том ведомстве, которое перехватило отслеживание стихийно активировавшего свой дар проклятого.

Когда Соломатин вышел, Никонов переглянулся с Коно-

новым. Тот, коротко оглянувшись и убедившись, что на них никто не смотрит, снова подъехал на кресле к другу и коллегам.

– А это что вообще было?

Никонов не отвечал довольно долго, думая – стоит ли говорить. О том, в чем причина произошедшего, он уже догадался.

– Николай, вы снова меня игнорируете? – опять пихнул его в плечо Кононов.

– Это, думаю, было эхом действий ведомства, которое зовется Третье отделение Собственной Ее Императорского Величества канцелярии. Слышал про такое?

– В смысле?

– В прямом.

– Так... они же не работают с Цербером, разве нет?

– Полагаю, теперь работают. Забрали себе в ведение объект, думаю, скоро и его самого заберут.

– А он где?

– В Познани.

– Как они его оттуда заберут тогда?

– Ну, придут и заберут!

– Так в Познань сегодня король польский с визитом приехал, ты новости что ли не смотришь? В Кайзеровском замке мероприятие по присвоению рангов выпускникам гимназий для одаренных...

– Ой, да вывезут, это ж Третий отдел, – только и отмах-

нулся Никонов.

– Да как!?! – не на шутку рассердился Кононов от уверенности сослуживца. – Ну король же там?!

– Неважно, – в отличие от возмущенного Кононова, Никонов был абсолютно спокоен.

– Неважно?

– Да, неважно.

– Да ладно!?! – повысил голос Кононов до такой степени, что на них обернулась пара человек.

– Прохладно.

– Коль, ты сейчас шутишь или издеваешься?

– Я абсолютно серьезно.

– Пари?

– Курвуазье?

– Определенно.

– Ящик? – дежурно поинтересовался Никонов.

Про Красный код Кононову он говорить не собирался – есть предел безалаберности, который заканчивается на той границе, где начинается область работы военной прокуратуры. И спорить он не собирался – ведь, как известно, спорят только дураки или подлецы. Дурак не знает и спорит, а подлец знает и спорит.

– Конечно, ящик, Коль! На бутылку спорить вон с подружками той рыжей баронессы иди, которая тебя недавно отшила на балу...

– Ящик так ящик, – ответил Никонов, уязвленный упомини-

нением о баронессе, которая не только отвергла его ухаживания, но и прилюдно высмеяла порыв молодого лейтенанта.

На этом беседа и закончилась. Возмущенный непрошибаемым спокойствием Никонова насупленный Кононов еще подышал громко, раздувая ноздри, а потом откатился на свое рабочее место.

Ночь дежурства прошла спокойно – и только под самое утро уже Никонов, катнувшись на стуле, подъехал к рабочему месту Кононова.

– Вуаля, – продемонстрировал он ему экран своего портативного коммуникатора. Кононов близоруко сощурился, читая заголовок новости:

Срочно! Чрезвычайное происшествие в городе Познань!

В результате взрыва магистрали газа на улице Рольна разрушено несколько зданий, на месте работают чрезвычайные службы.

– И что? – не понял Кононов.

Ему было простительно незнание – он был ответственен за участки границ Юго-Западного края с княжествами Вольницы, поэтому улицы Познани и что там находится не знал.

– А то! – наставительно произнес Никонов, поднимая вверх палец. – А то, мой дорогой проигравший мне ящик Курвуазье друг, что на улице Рольна находятся такие здания, как Центр набора в Войско Польское, а рядом с ним – управление Агентства Внутренней Безопасности.

Никонову – как ответственному в том числе за Великопольское воеводство, как раз полагалось знать подобные нюансы.

– И? – все еще не понимал Кононов.

– Ну что «и»? Как ты думаешь, куда вчера вечером могли отвезти упакованный объект? Вчера вечером происходит стихийная активация, а уже ночью в городе огненный апокалипсис. Смотри, как горит хорошо! Совпадение?

– Не думаю, – Кононову, признавая правоту друга и сослуживца, оставалось только согласиться. И вздохнуть: последнее денежное довольствие, то, что от него осталось после раздачи долгов, он почти полностью потратил на покупку часов Пересвет – ведь какой нормальный офицер без хороших часов?

Кроме того, Кононов прошедшие пару месяцев ухаживал сразу за двумя кузинами (чтобы наверняка) баронессы Гулевской (той самой, что высмеяла на балу Никонова) и изрядно на обеих девушек поиздержался.

Так что сейчас лейтенант Кононов серьезно загрустил, мысленно ругая себя за горячность. Ведь чтобы выставить ящик коньяка Никонову, ему снова – как и в прошлом месяце, придется залезать в офицерскую кассу взаимопомощи.

Из здания штаба после окончания дежурства Кононов и Никонов выходили вместе. В молчании – Никонов в глубокой задумчивости, а Кононов в мечтах о том, чтобы произошло что-нибудь хорошее, чтобы он поскорее забыл о непри-

ятности с ящиком Курвуазье.

На закрытой парковке у здания штаба уже собрались прощаться, расходясь к стоящим в разных углах машинах, как оба одновременно замерли, получив оповещения каждый в своей дополненной реальности.

Никонов посмотрел на сослуживца и произнес одними губами: «Соломатин?»

Кононов в ответ только кивнул.

Оба мгновенно побледнели.

Полковник Соломатин был крайне консервативен и не терпел, «пока война не началась», никаких служебных надобностей во внеурочное время. Поэтому вызов к главе Особого отдела сразу после окончания дежурства не сулил ничего хорошего.

От грусти по проигранному ящику коньяка Кононов избавился моментально, но уже сам не рад был так быстро сбывшемуся желанию.

Глава 6

«У нас был старенький БМВ с задним приводом и ручной коробкой передач, два конвертоплана с прожекторами, десяток машин полиции, узкие улочки Старого города, штук пять стреляющих льдом магов, звериное предвидение и целое множество препятствий на любой вкус, а также угрозы лишения социального рейтинга, тюремного заключения и лишения гражданства, все это вместе и по отдельности. Не то чтобы это был необходимый запас для того, чтобы уходить от полицейской погони в городе Познань, но если начал собирать самое разное дерьмо в личное дело, то становится трудно остановиться. Единственное, что вызывало у меня опасение, – это лестницы. Нет ничего более беспощадного, бессмысленного и несвоевременного, как гранитные, широкие и массивные парковые лестницы. Конечно, тогда я старался не думать об этом, но подспудно понимал, что сколько по парку ни гони, рано или поздно мне встретится эта дрянь».

Мысленная тирада родилась из глубин моей старой памяти – того меня, прежнего.

Какого такого меня?

Еще не полностью вернувшись в сознание, плавая на границе мутной пелены беспамятства, я мысленно смотрел кино из картинок, мыслеобразов и бредовых воспоминаний. Удар молнии, ритуал подчинения, странный незнакомец...

Господи, какая же дичь только ни привидится.

А привиделось ли? Очень захотелось поверить, что все произошедшее – горячечный бред и сейчас я открою глаза в чистой постели больничной палаты.

Надеялся на это очень сильно, прямо всеми фибрами души. Но... «Не получилось, не срослось», – как говорят хирурги. Круглолицая медсестра-полька, стычка в больнице, запах горелого мяса и одежды, сестра-оборотень, гонка по улицам города и падающие с неба ледяные глыбы – все это было, и было совсем недавно. И еще даже до того, как открыл глаза, понял – сию крепко привязанный к стулу. Ноги сразу в нескольких местах притянуты стяжками к ножкам, руки заведены за спину.

Кроме того, возвращаясь в сознание, я ощутил на себе... намордник. Реально намордник – массивный, жесткий. Даже не намордник, а тяжелая полумаска, частично захватывающая голову сзади. И плотно прилегающая к коже, хорошо чувствуется давление, как от массивного респиратора. Тяжелая маска закрывала рот, нос, подбородок – и, кроме того, еще я ощущал, как будто беруши в уши вставлены.

По мере того, как вместе с возвращающимся сознанием возвращалось и восприятие, я все громче слышал звук своего дыхания. Громкое, сиплое. Дарт Вейдер так шумно дышал в древнем фильме про Звездные войны. И это все определено из-за надетой на меня маски.

Чуть приоткрыл глаза. Совсем чуть-чуть, чтобы если за

мною кто наблюдает, это прошло незамеченным. Вокруг неестественно белый свет, мешает сосредоточиться и сфокусировать взгляд.

Открывать глаза полностью не стал, закрыл – мне нужно время прийти в себя, обдумать произошедшее. Вот только думать оказалось непросто. Громкий звук дыхания мешал концентрироваться; причем громкий звук дыхания мешал больше той части моей новой сущности, которая после удара молнии и ритуала отвечала за чувство тревоги, метание молний и вот это вот все. Только сейчас я понял, что чувствую «поднявшуюся на загривке шерсть», вот только это ощущение где-то далеко, едва-едва ощутимо.

Понемногу осознавая неприятное положение, в котором оказался, начинал волноваться. По мере того, как эмоции становились все ярче и росло беспокойство, я начал ощущать, как мне не хватает воздуха. Реально не хватает – я как будто бы дышал неполной грудью. Попробовал вздохнуть глубже – шум дыхания стал громче, а воздуха поступило еще меньше.

Появилось понимание: это все маска. Похоже, намордник настроен на контроль дыхания – чем глубже и чаще дышишь, чем больше возбужден, тем меньше воздуха она пропускает. Отличное решение. Особенно для тех, кто страдает от панических атак – так и скопытиться недолго. Причем без шуток – в такой маске с нервами не совладаешь и реально кончишься от страха, забившись в падучей.

Спокойно. Спокойно. Волноваться не надо – начал я увещавать сам себя. Задышал ровнее и, надо же, – все получилось. Кислород вновь поступал в полном объеме, снова вдыхал полной грудью.

– Ты уже можешь открыть глаза.

Женский голос раздался удивительно четко, причем полностью отсекая сиплые звуки дыхания. Прилепленная к лицу маска, частично закрывающая и уши, сработала как активные наушники.

Голос, кстати, красивый. Женственный, чувственный; но при этом крайне неприятный. Странное ощущение – как будто вместе со словами чужая воля под кожу залезает.

И еще от этого голоса у меня снова «шерсть на загривке дыбом встала». Но лишь на короткое мгновение – маска сразу же отреагировала на проснувшееся предчувствие, вообще на несколько секунд отрубив мне подачу кислорода. Прямо на вдохе. Крайне неприятное ощущение, концентрацию мигом сбивает.

Глаза я, кстати, так и не открыл до сих пор.

– Дмитрий, ну хватит уже. Я ведь давно поняла, что ты очнулся.

Открыл все же глаза, сощурившись от яркого света. Надо же, а недавно меня слепили, неудобств не доставляло. Тоже маска-намордник работает? Похоже на то.

Около минуты потратил, чтобы проморгаться. Когда глаза от белого слепящего света перестали жечь и слезиться, при-

смотрелся. Нахожусь в большой комнате, в которой кроме моего стула – ни одного предмета мебели. Ровный бетонный пол под ногами, грубая каменная кладка стен. Окон нет, совсем – подвал, похоже.

Сажусь на стуле. По пояс голый, на мне только синие штаны больничной робы. Передо мной женщина, удивительно молодая и красивая для окружающей картины. Лет двадцать пять, не больше, а то и моложе. Ни грамма косметики, светлые волосы стянуты в тугий хвост. Лицо красивое, благородных черт я бы даже сказал. Выделяются глаза – радужка нечеловеческая, с внутренним отблеском фиолетового магического сияния. Почти как у Марии, только без вкраплений лилового.

Фигура у незнакомки приметная, стати выделяющиеся – стянутые серым мундиром без знаков различий. Высокие кавалерийские сапоги, черная португеза, разделяющая грудь наискось. Еще нашивку бы ей на плечо с угловатым немецким орлом – и молодая дознавательница будет выглядеть точь-в-точь как с картинки застенков Гестапо или Абвера. К тому же антураж камеры соответствующий.

Так, что-то меня еще волнует, зудит непониманием. Вот, понял: свет вокруг неестественный, призрачный. Причем его источник не лампа – а, надо же, небольшой едва колышущийся шар над плечом собирающейся допрашивать меня женщины.

– Как будешь оправдываться? – уперся в меня взгляд

странных фиолетовых глаз.

Мысли в голове заметались в попытке найти достойный ответ на вопрос. Или вообще не отвечать? Так, а как я ей отвечу, если у меня намордник на лице?

– Ах да, у тебя же намордник на лице, – в унисон произнесла дознавательница, причем на ее лице появилась улыбка.

«Так, она что, мысли читает?»

– Ты в подвале контрразведки на допросе у магистра-ментата, мой хороший! – улыбка стала еще шире. – Конечно, я читаю твои мысли!

«Да ну, бред какой-то», – подумал я примерно в таком смысле, не удержавшись от более крепкой характеристики.

– А вот от обсценной лексики попросила бы воздержаться, – моментально отреагировала дознавательница, глядя мне в глаза.

Глаза.

Она поймала мой взгляд – стоило это осознать, как, преодолевая звук сиплого дыхания, мешающий концентрации, я почувствовал давление на внутреннюю сторону черепа. Словно чужие щупальца шевелятся.

Попытался отвести взгляд, избегая блестящих фиолетовых глаз. Получилось не сразу, с трудом. А когда удалось, едва ощутимо почувствовал, как будто рвется незримая тонкая нить. Сразу исчезла четкость звуков, вернулся звук дыхания – словно я под водой на большой глубине. Дознавательница фоном говорила что-то, но я не услышал – у меня вновь от-

секло подачу кислорода.

Похоже, маска восприняла проявление свободы воли как проявление силы, которую надо потушить. Сдерживая волнение, я попытался успокоиться. Щупальца чужой воли в голове исчезли, дознавательница мысли больше не читает. Так, а если проверить, не глядя ей в глаза...

«Эй, подруга, а ты глотаешь?»

Идея проверки была хороша, а вот исполнение подкачало. Вот что за привычка сначала делать, а потом думать? К счастью, дознавательница мои мысли больше действительно не читала. Думаю, продолжай она это делать, отреагировала бы уж точно.

Получается, когда я очнулся, необычно выглядящая красивая дознавательница установила зрительный контакт и словно подцепила меня на крючок. Сейчас, значит, главное не смотреть ей в глаза; хотя – я привязан к креслу, если она решит вновь поймать мой взгляд, интересно, как я смогу ей помешать?

Подтверждая мои мысли, дознавательница пошла в мою сторону. И как пошла! – двигаясь грациозно, словно на подиуме. Ближе, ближе, еще ближе... Коснулась меня, повела пальчиком по плечу, обходя. Она что, на меня сесть собирается?

«Во-воу, подруга, ты реально?»

Дознавательница действительно ломала шаблоны – с грацией танцовщицы перекинула через меня ногу, усаживаясь

сверху, как садится умелая стриптизерша на жениха во время мальчишника.

Все это время я наблюдал за ней, стараясь дышать ровно и не смотреть в глаза. Тем более рядом обтянутая ладно скроенным серым кителем грудь, не поднимать взгляд выше совсем не сложно. К тому же у меня получилось сосредоточиться на дыхании и выгнать все мысли из головы – просто гонял по кругу счет «вдох-выдох», неожиданно помогло.

Посидели немного. Дознавательница, конечно, молода и красива, талия тонкая, но сама отнюдь не пушинка – ноги под ее тяжестью уже начали затекать. Поэтому я решил рискнуть – не прекращая дышать ровно, довольно смело поднял взгляд, глянув в фиолетовые глаза. Снова ощутил давление – как на большой глубине, когда ныряешь.

Вдох, выдох. Вдох, выдох – и тяжесть исчезла. Дознавательница, усевшаяся на меня сверху и положившая руки на плечи, уважительно поджала губу.

– Надо же, какой способный мальчик, – резюмировала она. – А если так?

В голове родился звон, перед взором упала темнота. Очнувшись, я почувствовал, как дознавательница берет меня за подбородок и поднимает голову. Воспоминание пришло постфактум – она резко усилила нажим, после чего я испытал ощущение, словно у меня на голове котелок и по нему ударили сразу несколькими кувалдами.

Хорошо так ударили, в ушах до сих пор гулко звенит.

– Прости, малыш, перестаралась, – голос дознавательницы доносился словно сквозь вату. – Давай, чтобы не повторять, ты мне сейчас все расскажешь. Ты мне в итоге все равно все расскажешь, просто это будет быстро и приятно или же долго и больно. Ты что выбираешь?

Ответить я не успел, да, похоже, моего ответа дознавательница и не ждала. Пока приходил в себя от ментального удара, перед глазами мелькнула изящная девичья кисть и я услышал щелчок. И второй – дознавательница одно за другим расстегнула крепления маски, коих оказалось четыре.

Когда она потянула маску у меня с лица, я почувствовал, как из-под кожи выходят воткнутые иглы. Ощущение появилось на скулах, сзади на шее и под челюстью. В глазах после ментального удара изображение плыло, но успел увидеть, что угловатая маска действительно похожа на нечто среднее между тяжелым глухим намордником и тяжелым респиратором. Как есть шлем Дарта Вейдера, только нижняя его часть, без колпака.

Легко отброшенная, маска улетела в угол.

– Как ты, малыш?

– Превосходно, – прошептал я, с трудом справившись с голосом – горло пересохло.

– Отлично, мне нравится твой позитив. Не обижайся на демонстрацию, это чтобы у тебя не было иллюзий насчет разницы нашего уровня владения и подготовки. А то, может, вдруг ты бросил пару молний и уже посланником бога себя

почувствовал.

– Бог просил передать, что никого не посылал, – уже более внятно ответил я.

Светловолосая дознавательница неожиданно рассмеялась.

– А ты мне нравишься.

– Ты мне тоже.

– Ой-ой, не дерзи, малыш!

– Я в состоянии аффекта.

– Солнце, если тебе за оскорбление монаршей персоны отрубят голову, я сильно расстроюсь. Так что успокой свое состояние аффекта. Как ты, уже нормально меня воспринимаешь? – пощелкала пальцами у меня перед глазами дознавательница.

Отвечать я не стал, просто кивнул. Это кто здесь, кстати, монаршая персона? Вариантов как бы много и не было, всего один, но как-то он не вмещался в мое восприятие реальности.

– Давай начнем сначала, – доверительно улыбнулась дознавательница. – Как будешь оправдываться?

– Очну... – начал говорить и кашлянул, не сразу справившись с голосом.

– Попить?

– Да, было бы неплохо.

Воды принесли через полминуты. Кто, я не видел – зато слышал скрип тяжелой двери за спиной. После того, как осу-

шил стакан – дознавательница меня заботливо поила, говорить стало гораздо легче.

– Очнулся во время ритуала, который проводили неизвестные мне две девушки и мужчина. Потом они что-то неправильно сделали, и, судя по внешнему виду, все неожиданно умерли. Что было до этого – я просто не помню, память потерялась.

– Имя помнишь?

– Свое или твое?

– Ах ты наглец! – уже не сколько разозлилась, сколько удивилась дознавательница. – Свое помнишь?

– Свое помню. Дмитрий Новицкий.

– Сестру помнишь?

– Сестру не помню. Только имя – Наоми Новицкая.

– Хм, похоже, не врешь, – приложила пальчик к губе дознавательница и отвела от меня взгляд.

Так, она меня сейчас сканировала что ли? Похоже на то. Вот только я ничего не чувствовал – в голове еще глухо, как будто ваты напихали, в ушах легкий звон до сих пор.

– Ну что ж, малыш, придется залезть тебе в голову.

У меня вдруг возникла уверенность – вспоминая слова странного незнакомца о защите моей памяти, что ничем хорошим попытка залезть в мою голову для дознавательницы не закончится.

С одной стороны, если попробует – туда ей и дорога. С другой – я уже поспорил смертельно с местным воеводой,

аж целым князем. И с полицией – вспомнил я вылетевшего через лобовое полицейского. Остальное вспоминать так подробно не стал, но сомнений нет – в Познани меня теперь многие не очень любят.

А вот спецслужба, которую представляет дознавательница, надеюсь, врагом меня пока не рассматривает. Вот только если эта дознавательница с фиолетовыми глазами превратится в такой же кровавый цветок, как и наставник княжон Лещинских, я точно страйк большой любви от представитель местной власти и силовиков соберу.

К тому же еще оговорка насчет «монаршей» персоны меня никак не оставляла. Правда поведение дознавательницы под эту оговорку совсем не подходило – она снова уселась на меня и подвинулась так, что обтянутый тканью мундира бюст едва не касался моего лица. И это оказалось весьма волнительно – неожиданно почувствовал я жар в груди, и не только.

Казалось бы, ситуация не располагает, но я вдруг понял, что поглощен наблюдением за обтянутым кителем бюстом дознавательницы чуть менее, чем полностью.

Едва стоило это осознать, как вдруг догадался о причине такого откровенно вызывающего и провоцирующего поведения дознавательницы; помогло то, что вспомнил лекцию, прочитанную бароном Горановым про человеческие инстинкты, когда он потерял над собой контроль и кричал на Марию, брызгая на меня слюной.

Дознавательница, похоже, сейчас также действует с упором на мои инстинкты – только делает это на порядки более умело, чем княжна Мария или даже София.

– Ну что, малыш, приступим? – улыбнулась странная светловолосая контрразведчица. – Просто посмотри мне в глаза, больно не будет...

– Я бы не советовал этого делать.

– Почему это? – судя по интонации, удивилась дознавательница.

– Мне кажется, что в мою голову лучше не лезть, или может случиться неприятность.

– Как с Марией и Софией?

– Да.

– Ты же сказал, что ритуал проводили неизвестные тебе участники!? Ты мне соврал?

– Я их не знаю. Имена «Мари и Софи» слышал в процессе.

– То есть ты хочешь сказать, что это не барон Горанов ошибся в ходе ритуала, а ты ему помог расцвести?

Надо же, как одинаково работает людская логика – аналогия с цветком не только у меня возникла.

– Я ему не помогал. Я мало что помню во время истязания, но...

– Истязания? Малыш, ты ничего не перепутал? Ритуал замещения вообще-то безболезненный...

– Даже если этот ритуал проводит криворукая школьница? Она меня там чуть в бараний рог не скрутила! – возму-

тился я.

Говорил чуть более эмоционально, чем думал. Параллельно еще пришлось удержаться, чтобы не продолжить говорить, рассказывая все, что знал – очень уж желание откровенничать сильное появилось. Да, похоже, дознавательница реально дело свое знает.

– Что за истязания, малыш? Давай подробно.

– Мари, юная девушка лет восемнадцати, едва меня не сломала несколько раз, с видимым трудом управляя моим телом. И, по словам стоящего во время ритуала за моей спиной человека, к которому обращались как «мастер», во время первой попытки, цитирую его, «едва всех не убила». Во время второй попытки ей помогала девушка, к которой мастер обращался «Софи», но все равно что-то пошло не так, и меня забрызгало кровью с головы до ног.

– Настолько все плохо? – удивилась дознавательница. – Надо же, а князь заявлял, что Мари – способная девочка.

– В иных дисциплинах – может быть.

– Так почему ты тогда волнуешься за меня, если говоришь, что Мари неумелая?

– У меня возникло впечатление, что проводящие ритуал во второй раз не ошиблись, а сами об меня убились. Как будто о дорожный столб на большой скорости.

Я сейчас импровизировал, держа в уме слова странного незнакомца о том, что он может закрыть часть моих воспоминаний. Очень мне не хотелось, чтобы дознавательница

«расцвела», как барон Горанов. И, похоже, оказался убедителен.

– Хм. Интересно, интересно, – протянула дознавательница.

Сразу после этих слов она положила локти мне на плечи, явно задумавшись. Пришлось отстраниться, потому что ее бюст практически уперся мне в лицо.

– Все нормально, я тебе не мешаю? – как будто только сейчас заметив пикантность позы, спросила дознавательница.

– Китель бы расстегнуть, было бы идеально, – пожал я плечами.

– Да ты посмотри какой наглец, а?!

Воскликнула, правда, дознавательница без особого возмущения, больше скорее с живым интересом. Убрав локти с плеч, она грациозно с меня слезла. Ну и отлично – все же не пушинка, не очень удобно было. Не обращая больше на меня внимания, дознавательница отошла и встала, прислонившись спиной к стене.

Магистр-ментат – как она в самом начале представилась, явно крепко задумалась. Она даже, удивительное дело, через несколько минут молчания оттянула пальчиком нижнюю губу, замерев так. Потом и вовсе прикусила фалангу пальца – словно забыв, что я на нее смотрю. Похоже, действительно крепкую думу думает.

Приняв решение, дознавательница – так на меня и не посмотрев, вдруг оттолкнулась спиной от стены и быстрым ша-

гом покинула допросную камеру.

Хлопнула металлом тяжелая дверь, свет сразу погас. Стало темно и абсолютно тихо. Четверть часа примерно ничего не происходило. Мне хотелось пить и есть, затекли руки и ноги, очень хотелось почесать спину за левым плечом. В общем, было крайне неудобно и неуютно.

Подергался, попробовал «включить» молнии, но магия работать отказывалась. Хотя я ну очень старался. Реагирует только на смертельную опасность? Так я вроде сейчас не на шезлонге с коктейлем...

Как бы то ни было, включаться молниеносная магия никак не хотела, хотя попыток я не оставлял. До того момента, как в камере снова засиял ровный свет и ко мне пришли.

Причем заявилось так много народа, что в камере сразу стало тесно.

Глава 7

Вместе с дознавательницей в камеру зашло сразу четверо мужчин в серых мундирах. Шпики, самые настоящие. Двое тут же приподняли меня – прямо на стуле, и отнесли к стенке. Все безмолвно, сосредоточенно.

В центр допросной камеры, на освободившееся место, прошла сама дознавательница. Ходит, как плывет – не знаю, учат этому или у нее врожденно, но все равно взгляд привлекает.

Сосредоточенная светловолосая дева на миг отвлеклась – подмигнула мне, после чего развила бурную деятельность, отдавая команды на польском. Раздав указания, она начала «делать магию»: рисовать на полу камеры пентаграмму. Не краской, а взмахами рук создавая яркие фиолетовые линии. Почти такие же, как были на камне алтаря во время ритуала, только эти ярче и как-то гуще, что ли. Чувствуется разница в умении, у дознавательницы оно явнократно выше, чем у барона Горанова.

Рисунок на полу отличался от того, что был во время ритуала. На поляне я находился в центре трехконечной звезды, а сейчас на полу камеры засиял круг пентаграммы. Меня к этому времени уже отвязали от стула. При этом держали крепко и не только физически – не успел опомниться, как оцепенел. Не то что пальцами, даже глазами не пошевелить

– снова, как и на поляне во время ритуала.

Шпики в серых мундирах не просто шпики, а тоже в ментальную магию умеют, определенно. Не нравится мне это все. Может быть, зря я так расстраивался из-за нестерпимо чешущейся спины, может быть, мне сейчас недавние минуты сказкой покажутся. Утешение одно – чувство тревоги, которое спасло меня в больнице и которое сигнализировало об угрозе во время недавнего разговора с дознавательницей, сейчас молчало. «Шерсть на загривке» даже не думала шевелиться. Еще радовало, что маску не надевали – как валялась, отброшенная в угол, так там и лежит.

Пентаграмма на полу была уже полностью готова. Двое серых шпииков подняли меня со стула и потащили в ее середину. Сзади под колени прилетел резкий подбивающий удар. Приземлившись, оказался в самом центре звезды, стоя на коленях спиной к ее вершине. Если мог бы, зашипел от боли – снова отбил колени о бетонный пол.

– То ни есть ворек земнякув, цо робишь? – возмутилась вдруг дознавательница, пеняя ударившему шпику, что я не мешок картошки.

– Пшепрашам, ваша высокосць, – слышались извинения.

Вжикнули стягиваемые пластиковые стяжки, на руках и на ногах. После противно заскрежетал скотч – меня вязали умело, полностью обездвиживая. Я чувствовал, как, заставляя расправить плечи, вытягивают назад заведенные за спи-

ну руки, как мотают ноги. Работали шпики быстро и умело, явно не в первый раз подобное исполняют.

Ну да, магия магией, а без скотча ни один ритуал нормально не проведешь. Барон Горанов вот скотч не принес, по итогу раскинул мозгами по всей поляне – отстраненно думал я.

Замотали меня так, что не факт, что сумею освободиться, даже если молнии проснутся. Куда там магии против стольких слоев скотча. Вдруг понял, почему паковали так серьезно – контроль тела вернулся, я теперь мог шевелиться. Теоретически мог – замотали меня так, что шевелить осталась возможность только глазами.

Похоже, ритуалы разнятся по своей природе – если ритуал замещения, как его назвала дознавательница, проходил с лишением контроля и свободы воли, то этот ничего такого не подразумевал. Потому и повязали.

Дознавательница уже исчезла из вида – видимо, встала в верхнем луче пятиконечной звезды, прямо за моей спиной. На остальных четырех вершинах – боковых и нижних, уже расположились молчаливые шпики, которых я сейчас мог наблюдать. Все четверо спокойны и сосредоточенны, смотрят вроде и на меня, а вроде и сквозь меня.

– Готови? – спросила из-за спины дознавательница.

– Так, ваша высокосць.

Тут же едва уловимо мелькнул взблеск стали и к скуле прислонилось что-то холодное металлическое. Нож? Скорее даже скальпель.

– Зачиначь.

Мне надавили на шею, заставляя наклониться, после щеку ожгло болью. Несильно – резанули клинком по щеке аккуратно, крови капнуло немного. И направленно – меня наклонили так, что капли попали на стык широких линий пентаграммы. Тоже отличие – во время прошлого ритуала кровь все сломала, сейчас, наоборот, триггером послужила.

Едва первые капли крови упали на отсвечивающие фиолетовым сиянием линии пентаграммы, удерживающая меня хватка исчезла. Резанувший меня скальпелем шпик шагнул назад, занимая свое место на боковом луче звезды справа от меня. Все четверо замерли в одинаковых позах, взявшись за руки – а те двое, что стояли от меня по бокам, положили руки мне на плечи. И у всех четверых одновременно закатились глаза. Как у Софи недавно. Понятно – там младшая сестра страховала старшую, а здесь вся четверка боится светловолосую дознавательницу, которая решила рискнуть и попробовать вытащить из моей головы информацию.

Линии пентаграммы загорелись ярче, и меня снова сковало недвижимостью. Две холодные ладони легли мне на шею сзади. Аккуратно и мягко, можно даже сказать нежно. Разительное отличие от крючковатых пальцев шпиков, впившихся мне в плечи.

От касания дознавательницы меня как будто прессом начало сжимать. Не физические ощущения, а ментальные – сознание будто выдавливалось, отделяло от тела; я снова оказал-

ся в том самом состоянии беспомощности, в котором пришел в себя сразу после удара молнии. Вот только сейчас не было никакой боли и практически никаких неудобств. Поистине, уровень владения дознавательницы разительно отличается от неумелой Марии, которая загубила две попытки во время недавнего ритуала.

Светловолосая магистр-ментат начала работать: я почувствовал мягкий рывок – и меня, мое сознание, словно выдернули из тела – как рыбу из воды. Я вдруг увидел себя на бескрайней белоснежной платформе, под белоснежным небом. Смотрел сам на себя как будто сбоку-сверху, в изометрической проекции, как в играх по типу Дьябло.

Я стоял на коленях, как и сейчас в пентаграмме, за мной стояла дознавательница. Только сейчас она не в сером мундире, а в обтягивающем белом платье и с распущенными волосами. Сам я тоже в белоснежной робе – похоже, здесь всех в белое переодевает. Ноги у меня, кстати, как и у светловолосой дознавательницы, босые. Белые тапочки в этом измерении не положены, что внушило некоторую надежду.

Несколько минут ничего не происходило; я ощущал себя двойственно – вроде бы смотрел прямо перед собой, в белоснежное бескрайнее ничего, и одновременно наблюдал сверху-сбоку за нами обоими.

Белоснежное сияние как-то неожиданно вдруг исчезло, и я увидел перед глазами странную картинку. Несколько секунд абсолютного непонимания, потом догадался – я смотрю

глазами младенца, лежащего в детской кроватке. Надо мной вертится музыкальная игрушка, наклоняется женское лицо. Черты не разобрать, в окно светит солнце, вижу только силуэт.

Потом картинки пошли, часто сменяясь – я смотрел на яркие игрушки, кубики и пирамидки, тарелку с кашей, которую разбрасывал ложкой по всему столу. Это воспоминания Рейдзи Александрова, который при крещении получил имя Дмитрия Новицкого – понял я суть происходящего. Стало понятно, что светловолосая магистр-ментат залезла мне в голову и начала копаться в моей биографии, смотря «кино воспоминаний» с самого начала памяти. И я смотрел вместе с ней.

Я сейчас видел глазами младенца, смотрел его самые яркие воспоминания, но при этом ничего не чувствовал – будучи в режиме наблюдателя. Картинки мелькали одна за другой, но, что обидно, память реципиента ко мне не возвращалась. Я просто смотрел чужую жизнь и, полагаю, видел сейчас все то же, что видела вместе со мной и дознавательница.

Самое раннее детство уложилось всего в несколько десятков картинок-воспоминаний. После началась младшая школа. Вокруг – типично азиатские лица. Японская во мне кровь все же, не корейская – понял я, увидев в одной из картинок воспоминаний японский флаг. Он развивался на флагштоке перед главным входом в учебное заведение – это был первый поход в школу, запомнился.

Вот только увиденный флаг меня озадачил. Это был не привычный мне по старому миру красный круг на белом фоне. Перед школой трепетал на ветру японский Императорский флаг, использовавшийся до сорок пятого года – смещенный к левому краю красный круг с многочисленными расходящимися от него широкими лучами.

Флаг Восходящего солнца, как его называют – за демонстрацию которого в Корее или Китае можно неиллюзорно выхватить. Причем обслуживать могут даже ногами безо всякой жалости: в странах Азии отношение к этому флагу примерно такое же, как в России к черно-красному немецкому флагу со свастикой.

Увидел я этот флаг еще не один раз – видимо, по традиции в государственных образовательных учреждениях его везде вешали. Станный, очень странный мир – похоже, здесь некоторые расхождения с привычной мне историей.

«Некоторые!» – мысленно удивился я сам себе. Эти «некоторые» расхождения, судя по имперскому флагу, заключаются в том, что здесь или не было Второй мировой, или Япония в ней как минимум не потерпела поражение.

Впрочем, удивление от канувшего в прошлое японско-го имперского флага быстро прошло. Потому что картинки воспоминаний, наслаивающиеся друг на друга, обескуражили: драки, драки, драки. Причем не нормальные и обычные школьные драки, нет. Били или «меня» – толпой, или бил я. Похоже, реципиенту в младшей школе жилось не очень хо-

рошо и его масштабно травили. Но он не терпел, а отвечал – вылавливая обидчиков по одному, причем реально оттаптывался на оппонентах.

Картинки из «своей» прошлой жизни я смотрел беззвучные. Лишь изредка тишину нарушали голоса, когда воспоминания оказывались совсем уж яркие. Как сейчас, когда «я» вбил кого-то из одноклассников головой в решетку ограждения школы, так что у него из разорванных ушей кровь пошла, а голова между узких прутьев застряла.

«Рейдзи!» – услышал я эхо среди прочих криков, среди которых фигурировало все больше «гайдзин». Меня Наоми, кстати, недавно так назвала – Рейдзи, я это запомнил. В иной ситуации не обратил бы внимание, но обретенная сестра-оборотень сказала во время нашего общения так мало слов, что я почти все запомнил.

Судя по увиденному и услышанному в картинке воспоминаний, в школе «меня» или пинали толпой, или обходили стороной. Появилась в воспоминаниях и сестра – она, похоже, осталась на домашнем обучении, и с начала «школьных годов чудесных» я грыз гранит науки без нее. Воспоминаний, связанных с ней, было много – для «меня» это была отдушина, брат с сестрой были очень близки.

В процессе наблюдения как-то вдруг понял, что ни отца, ни матери не вижу. Ничего, совсем – кроме первого размытого воспоминания из кроватки. Несколько раз видел в картинках памяти мужчину, похоже, наставника – пожилой япо-

нец в традиционной одежде, который меня учил в домашней обстановке. В основном бить макивару или работать с длинной палкой или катаной. Никакого близкого общения, никаких разговоров, только тренировки и резкие окрики.

Все чаще мелькала сестра. Мы с ней много общались – когда наставника не было дома. Очень ярко и со звуком посмотрел воспоминание, как Наоми в первый раз тайком пришла ко мне в комнату. Прежде чем мы заснули – в обнимку в одной кровати, она долго мне рассказывала все и обо всем. Растерянная маленькая девочка определенно искала поддержки и утешения – реципиент был ее единственным близким человеком в отсутствии родительской любви. А к наставнику оба, похоже, особой приязни не испытывали.

Параллельно с этим потоком воспоминаний околшкольный треш не прекращался. Апогеем, похоже, стала ситуация, когда реципиент покалечил одноклассника. Сначала едва не утопил, макнув головой в унитаз до беспамятства, а потом унитаз этой самой головой и разбил.

Причем реципиент подошел к делу с умом. В американских фильмах кого-то часто в унитаз головой макают – та же знаменитая сцена с Лебовским, которого перепутали с другим Лебовским. Все потому, что конструкция слива типично американских унитазов такова, что чаша постоянно наполнена водой – так называемая сифонная система. В японской школе стояли обычные унитазы европейского стандарта, но реципиент сначала заткнул отверстие слива чужим пиджа-

ком, а после уже воткнул в чашу голову противника и сливал воду до тех пор, пока не достиг нужного результата.

«А я случаем не сантехником в прошлой жизни был?», — мелькнула вдруг мысль, оформленная из-за проявления столь специфичных знаний.

Как мелькнула, так и ушла, потому что воспоминания замелькали калейдоскопом. Сразу после яркого и кровавого унитазного перфоманса картинки сменились чередой комиссий, говорящих голов с открывающимися ртами, сменившихся мельтешением в аэропорту и видом из окна самолета — картинки воспоминаний перенесли меня в Европу.

Переезд в памяти отпечатался ярко, почти всю дорогу как на быстрой перемотке видео просмотрел. Замелькали вокруг сплошь славянские лица, толкучка разношерстных машин такси на стоянке аэропорта, поплыли за окном типичные пейзажи европейских старых городов, меняясь с зелеными полями и лесами. Особое внимание память уделила непривычным дорожным указателям. Надписи на латинице, но слова славянские и куча букв с диакритическими знаками — все эти черточки, точки, хвостики. Польская письменность. Ясно: голова одноклассника, помноженная на разбитый унитаз, привела меня в Польшу. Депортация? Бегство? В памяти ответов не было.

Так, а вот это вот: диакритические знаки. Откуда я это знаю? Сантехник я все же или уже филолог в прошлой жизни? Попытался вспомнить, но никак — снова пустота.

Думал об этом параллельно, потому что школьный треш в воспоминаниях как-то вдруг закончился: новое учебное заведение явно оказалось элитным. Единообразие и порядок в форме, ухоженные учебные корпуса, заметно уважительное отношение учителей. Похоже, после дичи в Японии реципиент так этому удивился, что спокойная обстановка сильно запала ему в память. Гайдзином, кстати, больше его никто не называл. Наоми рядом в школе так и не было – похоже, она и здесь оставалась на домашнем обучении.

И я даже знаю, почему – она ведь оборотень. Похоже, наставник просто не отпускал ее в толпу. Наставника, кстати, в воспоминаниях стало неожиданно много – видимо, когда фокус с школьных драк сместился, реципиент начал обращать внимание на все аспекты жизни.

Снова мое внимание привлекли флаги. Один флаг, вернее – как и государственный японский, присутствующий здесь почти везде. Это был флаг местного варианта Польши, от привычного мне также отличающийся. Это не был привычный мне по старому миру двухцветный флаг – белая полоса сверху, красная снизу.

Злые языки поговаривают, что подобное крайне практично: если на две полосы разорвать, кому-то можно идти сдаваться, а кому-то выходить к красным. Что кстати и было исполнено в тридцать девятом, когда РККА вышла к линии лорда Керзона. В памяти – в моей собственной памяти, вдруг четко и объемно возникли обстоятельства и предпосылки

четвертого раздела Польши – когда Советский союз все же вернул свои оставшиеся от Российской Империи земли, которые ему еще в двадцатом году официально предлагало забрать британское правительство. Так, я вообще кто в анамнезе – сантехник, филолог или уже историк?

Впрочем, это не важно. Важно, что в этом мире, похоже, очень и очень много пошло не так. Не только Япония осталась империалистической, но и Польша: наблюдаемый мною в воспоминаниях флаг был трехполосным. Три горизонтальных полосы равной ширины, белая в середине, красные по краям, в центре флага щит с белым орлом и несколькими малыми гербами, а сверху золотая корона.

Причем в гербовом щите флага не был изображен привычный мне по прошлой жизни польский орел – какой-то взъерошенный птиц, больше похожий на пытающуюся взлететь курицу. Здесь гербовый орел прямо взрослый, серьезный – по-настоящему имперский. Не Польша в этом мире, а снова Речь Посполитая. Надо же, я оказался в мире, где в какой уголок земного шара ни плюнь – везде еще ярко сияют непогашенные имперские амбиции. Похоже, здесь действительно Второй мировой не было.

Картинок воспоминаний, кстати, становилось все больше и больше, и были они разнообразней. Если в Японии все памятные моменты акцентировались на Наоми или школьных драках, то здесь «я» в школе, похоже, оказался в центре внимания. Никакой травли, сплошная любовь и внимание. Кон-

траст с японским периодом разительный – как в сказку попал.

В школе у реципиента все было хорошо, зато теперь не все в порядке было с наставником – между ним и реципиентом в общении чувствовалось напряжение, нескрываемая неприязнь. Кроме того, проблемы начались с Наоми. Похоже, на фоне школьной популярности реципиента с сестрой они все сильнее отдалялись.

Еще недавно смотрящая полными любви и доверия глазами маленькая девочка с удивительными серебряными волосами превратилась во колючего подростка. И вскоре каждый раз, когда Наоми появлялась в картинке памяти, происходило это в моменты ссор. Несколько раз у нас даже дошло до драк, идущих по нарастающей – каждый раз все серьезнее. Мелькал в этих воспоминаниях и наставник. Он нас различал каждый раз, но как-то, на мой взгляд, как будто нехотя.

На фоне охлаждения недавно столь близких отношений с сестрой в школе реципиент все более плотно сошелся с одной компанией, явно альфачей. И понеслось – друзья, девушки, вечеринки. Первый секс, первая девушка, вторая, третья...

Среди новой компании заметно выделялся высокий широкоплечий блондин, явно реципиента привечающий. Мы с ним, судя по картинкам, были чуть ли не лучшими друзьями. Это был аристократ, который часто приглашал меня к себе в гости. Ну а первый поход в замок (тот самый, который я ви-

дел волей незнакомца с высоты птичьего полета) в воспоминаниях отпечатался очень ярко. В замке было много гербов, вот только не польские, а родовые. В разных вариациях, но основа одна: желтый щит с черной головой быка.

В этом замке в воспоминаниях я мельком видел и Марию, и Софию. Они не состояли в «нашей» компании, общались в другом кругу. Но определенно, что «друг» реципиента – тот самый оставшийся без глаза княжич Анджей Лещинский, о котором так же упоминал странный незнакомец.

Похоже, с княжеским семейством я плотно общался за-долго до того, как оказался на алтаре во время ритуала. Наблюдая за историей знакомства и общения с юным Лещинским сейчас, с высоты собственного возраста и опыта, в отличие от реципиента я прекрасно понимал – это не дружба, а игра и манипуляция.

Реципиента банально использовали, готовили для ритуала. Но, как показали дальнейшие воспоминания, не только для этого: то, что увидел дальше, меня очень серьезно... расстроило, разозлило, просто выморозило. Даже не знаю, как назвать.

Реципиент, в лживой попытке примирения с Наоми после очередной домашней драки, пригласил сестру в одно из загородных поместий Лещинских – над воротами усадьбы, как и в замке, висел герб с бычьей головой.

В этом впервые увиденном особняке, во время разнужданной молодежной вечеринки, реципиент улучил момент

и пригласил сестру в одну из спален. Здесь на нее накинулось сразу несколько человек, в попытке связать и – судя по происходящему, помочь моему школьному другу-блондину ее изнасиловать.

Меня просто ошарашило от увиденного. Такой жесткой подставы от предыдущего владельца тела я ну никак не ожидал – это же каким дерьмом нужно оказаться? Все картинки по-прежнему проходили беззвучно – оторопев, я сейчас смотрел, как бьющаяся в ярости Наоми, удерживаемая четырьмя парами рук, пытается сопротивляться. Я видел, как она кричала, но не слышал – в картинке смотрел только на открытый в крике ярости рот.

К счастью, ничего у компании не получилось, а ситуация резко поменялась: юный Лещинский получил три глубоких пореза через все лицо, потеряв глаз, половину носа и часть нижней челюсти, потому что сестренка инициировалась как кицуне. Реципиент, кстати, оказался тем еще дерьмцом со всех сторон – когда сестра обратилась и пошла кровавая жара, он просто выпрыгнул в окно, бросив остальную компанию на растерзание.

Вот только сбежать никто не смог – ни Наоми, ни реципиент, охрана поместья оказалась весьма серьезной. Кино «воспоминаний» на этом подошло к концу: именно после той вечеринки реципиент с сестрой и оказались на поляне ритуала, который проводили сестры Лещинские под руководством наставника.

Теперь мне стала хорошо понятна ненависть во взгляде Наоми – когда она, находясь частично в звериной форме, едва на меня не кинулась. Похоже, чудо отвело – ведь получается, на тот момент я только-только ее предал, это было первое наше общение с того момента, как «я» привел сестру в усадьбу Лещинских.

В больничной палате от броска Наоми меня спасла случайная глупость, моя привычка бездумно сначала делать и только потом включать голову. Там, в палате, сестра была ведь готова растерзать меня. Но: «Ты же Наоми, да?» – именно этот вопрос ее остановил. Не затупи я тогда подобным образом, точно бросилась бы.

Это называется повезло.

Мысли «моих воспоминаний» мелькали легко, потому что восприятие и появление картинок из памяти реципиента оказались поставлены на паузу. Так, понятно, почему: светловолосая дознавательница, о которой я уже успел забыть, просто шла к нужному событию издалека, постепенно сживаясь со мной и моими воспоминаниями. Все, теперь мы на месте – сейчас дознавательница двигается дальше осторожно, никуда не торопясь и буквально покадрово восстанавливая картинку.

Я сейчас видел самое начало ритуала – причем поза реципиента оказалось точь-в-точь такая же, какая была у меня на пляже во время удара молнии. Ну да, и молния здесь так же ударила, когда барон Горанов в попытке исправить первую

ошибку Марии пытался сохранить ментальный конструкт.

В этот момент душа реципиента и погибла, будучи сожженной, а в теле оказался я. Дальше я уже смотрел на то, что видел сам: вот меня загибает, что аж едва не трещат кости, вот падаю на колени у лежащей в беспомощности сестренки, деревянно хватаю ее за ягодицы. Вот смотрю на отливающие жидким серебром волосы, вот раздается хлопок, когда включается «эффект кнута», когда сестер Лещинских отбрасывает от меня прочь.

Вот сейчас, вот-вот, уже должен появиться странный незнакомец...

Не сразу я понял, что хлопок кнута прозвучал так звучно, что стегануло по ушам. До этого момента ведь практически все картинки воспоминаний смотрел без звука, а тут, надо же, – снова звон в ушах. И тут же я вернулся в привычное состояние, начав полностью осознавать себя и свое тело только в одном потоке восприятия.

Глаза у меня до этого момента все время были широко раскрыты – но я волей дознавательницы смотрел не на окружающий мир, а словно внутрь себя, внутрь своих, вернее реципиента, воспоминаний.

Сейчас же, проморгавшись, посмотрел на происходящее вполне обычным взглядом. И беззвучно, ошарашенно глядя на результат попытки светловолосой дознавательницы влезть ко мне в сознание, произнес:

– Йа п-пердоле!

Глава 8

– Йа п-пердоле! – еще раз повторил я, уже громче.

Да, странный незнакомец про защиту информации ерунды не говорил: от четырех шпииков внутри пентаграммы остались стоять только ботинки. Аккуратно стояли, ровно – видимо, откинуло всех четверых по сторонам с чудовищной силой.

Далеко они не улетели, некуда далеко лететь было – всех четверых разметало по стенам. Причем отбросившая их сила оказалось столь велика, что тела буквально сплющило. Последние останки как раз только что сползли по стене на пол, растекаясь кровавой кляксой перемешанной ткани и плоти.

Пентаграмма погасла, меня больше ничего не держало. Кроме стяжек и скотча, которыми были стянуты руки и ноги. Поелозив коленями на полу – когда ноги притянуты друг к другу, двигаться непросто, я все же развернулся, желая узнать, как там моя новая подруга.

Плохо ей было. Очень плохо. Впрочем, сохранилась она гораздо лучше, чем помощники-шпики. Конечно, «лучше» в сравнении – так-то про нее даже не скажешь, что выглядит как живая. Ее не раскрыло цветком, как барона Горанова, но приложило знатно: на месте глаз кровавые провалы, тело и шея перекручены – не сразу понял, что упала она на грудь, а голова в обратную сторону смотрит, глядя багровыми про-

валами глазниц в потолок.

Крови со светловолосой дознавательницы натекло столько, что, можно сказать, лежит в собственном соку. А я ведь предупреждал. Кто меня не послушал? Правильно, она. Кто виноват будет? Правильно, опять я.

Вот что за жизнь, нет в ней порядка и справедливости... Так, ладно. Надо думать, что дальше делать. В кино я часто видел, как, оказавшись в подобной ситуации, связанные герои умело развязываются и сбегают. Вот только у меня руки и ноги крепко стянуты скотчем, а такое в кино не снимают. Причем стянуты так, что даже пальцами не пошевелить – ладони тоже скотчем перемотаны.

«Если вы не можете что-либо починить с помощью скотча, значит, вы просто используете мало скотча». Здесь, перефразирую, если вы не можете кого-то качественно обездвигать с помощью скотча...

К большой удаче, задачи обездвигать меня совсем не стояло, на коленях я все же ерзаю. Рывком поднялся с колен, попрыгал к отброшенной к двери дознавательнице. У нее на бедре пистолет...

Так, а как меня от стула освобождали? Это же делал кто-то из ее помощников, который мне позже и скулу порезал. Обернулся, посмотрел на бесформенные кучи. Даже если пробовать искать там что-то режущее, надо бы сначала пальцы освободить.

И что делать?

Вдруг, освобождая меня от напряженных мыслей, дверь в камеру со скрежетом открылась. Внутри, довольно уверенно, зашли двое мужчин в серой форме контрразведки.

Я посмотрел на них. Они посмотрели на меня, потом посмотрели вокруг.

– Ох них... чего себе, – ошарашенно произнес тот, что зашел первым.

Надо же, от увиденного даже на русский перешел. Впрочем, удивляться русскоговорящий шпик в сером мундире позволил себе всего лишь краткое мгновение. Быстро оглянулся, сделал пару шагов в угол и наклонился. Что он задумал, я понял только тогда, когда поднятая с пола тяжелая маска-намордник оказалась на моем лице.

На скулах, под нижней челюстью и сзади на шее почти сразу ощутимо укололо. Как в строгом ошейнике для собак – с шипами внутри, вот только здесь шипы сразу под кожу входят. И снова глухой обхват, и снова сиплый звук дыхания, заполонивший все вокруг.

– Ради твоей и нашей безопасности, – прокомментировал свои действия шпик, продолжая разбираться с креплениями маски и что-то настраивая.

Никакой враждебности он не проявлял, на трупы коллег смотрел мельком. Хотя какие это коллеги – есть у меня подозрение, что передо мной вряд ли польский контрразведчик. Вот всей глубиной интуиции чувствую, что мужчины здесь не местные.

Пока первый неожиданный визитер, вполголоса ругаясь (на русском), возился с креплениями намордника, второй подошел ближе и встал рядом, глядя мне в глаза.

Очень странный взгляд. Я уже привык к странностям в этом мире – шутка ли, магия здесь есть. Но сейчас мое удивление оказалось вызвано совершенно иным незнакомым фактором: на месте обычной радужки у странного гостя поблескивал зеленым неоном ровный круг. Это не магия, это технология – или линза, или глазной имплант.

Да что ж такое?! То магия вокруг, то самый настоящий киберпанк – куда я попал вообще? Внутренний голос, кстати, тут же подсказал, куда я попал – в темное и неназываемое место.

Дышать вдруг стало тяжело – из-за вспышки эмоций маска начала перекрывать дыхание. В это время оба визитера переговаривались – короткими рублеными фразами, но о чем, я не понимал, в ушах шумело. Когда справился с дыханием и стало полегче, странный визитер со странными каплями имплантов в глазах заговорил:

– Я сейчас развяжу тебе сначала ноги, потом руки. После этого ты быстро переоденешься, и мы тебя эвакуируем отсюда. Моргни два раза, если понял, потом кивни, если согласен.

Моргнув два раза, вместо того чтобы кивнуть, я дернул подбородком и пожал плечами, взглядом показывая вопрос.

«Куда уходим?» – примерно это я вкладывал смыслом, и, похоже, странный визитер меня прекрасно понял.

– В Россию. Дальше по ситуации, куда тебя распределят для освоения дара.

Голову у меня вдруг дернуло, а в ушах что-то звучно щелкнуло, заставив вздрогнуть.

– Все, готово! – выдохнул одновременно тот, который сейчас возился с маской.

– Ты можешь говорить, с маски снят строгий режим, – сказал мне незнакомец с зелеными имплантами.

– Вы кто?

Действительно можно говорить, надо же. Голос под маской прозвучал сдавленно, глухо. В ушах он раздался громко, а вот за пределами маски, похоже, едва уловимо. Но странный визитер вопрос услышал и представился:

– Ротмистр Алексей Соколов, командир отдельного полускадрона Четырнадцатого Митавского бронекавалерийского полка Сил специального назначения Российской Конфедерации, выполняю задачу по твоей эвакуации.

Прозвучало неожиданно, причем весьма противоречиво и ломая сразу несколько привычных по старому миру шаблонов. У меня теперь возникло еще больше вопросов, но здесь и сейчас, наверное, не самое удобное место, чтобы их задавать.

Поэтому я просто кивнул, показывая, что со всем согласен.

Несколько быстрых взмахов ножа, и руки-ноги оказались свободны. Второй визитер – который не удержался от воз-

гласа недавно, уже подставил мне ближе стул и раскладывал на нем комплект одежды – такая же серая форма, как и у них.

– Стихийная активация у тебя произошла вечером? – поинтересовался Соколов.

Полагаю, что под «стихийной активацией» он вряд ли подразумевает что-то иное, чем мое недавнее метание молний в больничной палате.

– Да, – кивнул я, натягивая серую футболку.

– Ты можешь контролировать свою силу без маски?

– В обычной ситуации да, – надевая серые штаны, ответил я.

Говорил я в этот раз громче, и голос из-под маски прозвучал утробно глухо, почти как у Дарта Вейдера.

– Что такое для тебя «необычная» ситуация?

– Экстремальная, сопряженная со смертельной опасностью, – я уже зашнуровывал ботинки.

Быстрая шнуровка, удобная – потянул, и нога моментально зафиксирована. Капитан Соколов между тем только вздохнул – причем я его прекрасно понял. Видимо, по его мнению, вокруг сейчас та самая ситуация и есть.

Я уже затянул ремень и застегивал китель, а параллельно удивлялся. Вроде выглядит мундир неприметно и обычно, а присмотреться – и не так все просто. Саморегулирующиеся размеры, технологичные вставки, еще и ткань совершенно непонятная. То ли пропитка какая, то ли вообще наноткань пуленепробиваемая.

Пока я переодевался, заметил третьего визитера – еще один переодетый в серый мундир польской контрразведки бронекавалерист эвакуационной команды стоял у двери, контролируя коридор. Тот, что возился с моей маской недавно, сейчас внимательно осматривал последствия попытки залезть мне в голову. Я был немного занят, но все равно обратил внимание, как он со всех сторон тщательно осмотрел погибшую дознавательницу. У него, кстати, глаза сейчас тоже зеленым неонам светились. Да он снимает, похоже! – догадался я.

Подобное внимание определено вызвано тем, что дознавательница или непростая дева, или все здесь происходящее непростой случай. Или, скорее всего, оба фактора сложились в этом перекрученном светловолосом теле.

– Готов? – отвлек меня Соколов.

– Да.

– Держись справа чуть сзади от меня, старайся идти вплотную, чтобы на твою маску внимания не обращали.

– Понял.

Вышли из камеры, прошли по пустому подвальному коридору, игнорируя лифт, поднялись по лестнице. Я, как и было сказано, шел справа и чуть сзади от Соколова. Остальные двое шли впереди и сбоку – так, чтобы мою маску в созданной толпе было максимально незаметно.

Поначалу все шло хорошо – мы спокойно прошли мимо ничего не заподозрившего дежурного. А, нет, дежурный и

не мог ничего заметить – он «спал» и выглядел почти как бодрствующий при этом. Здесь к нам, шагнув из темной ниши, присоединился четвертый переодетый в серое бронекавалерист (очень уж мне запомнилось упомянутое Соколовым «бронекавалерийский полк»).

После этого я уже шагал в небольшой толпе. Преодолели еще пару пролетов лестницы, поднимаясь из подвала в большой холл. Вот здесь уже были люди – сидел бодрствующий охранник у дверей главного входа, сразу несколько человек поднимались и спускались по широкой лестнице, прямо на нашем пути стояли и разговаривали двое мужчин в классических костюмах с портфелями.

Когда проходили мимо них, отметил внимательный взгляд на лице, тут же правда соскользнувший. Обходя широкую главную лестницу, направляясь прочь от парадного выхода, прошли по коридорам и вышли на заднем дворе. Здесь нас ждал черный тонированный микроавтобус – очень похожий на тот, что перегородил нам с Наоми дорогу у больницы. А может быть, даже один из них.

Вот будет обидно, если узнаю, что прибывшие для эвакуации парни могли меня прямо у больницы забрать и вывезти из Польши. Я же принял решение убежать и...

Впрочем, чего теперь расстраиваться – знал бы прикуп, жил бы в Сочи.

Получилось, как получилось.

Не задерживаясь, микроавтобус – едва хлопнули двери,

поехал прочь с закрытой территории польской государственной службы безопасности. Водитель уверенно подрулил к воротам, которые автоматически поехали в сторону. Причина этого, похоже, рядом сидит – у одного из бойцов Соколова я заметил на коленях тонкий планшет, в котором он только что команду на открытие ворот отдал.

– У меня сестра в городе. Можем ее забрать? – едва проехали через автоматически открывшиеся ворота, спросил я у Соколова.

– Ты знаешь, где она?

– Она до рассвета будет ждать меня у Старой мельницы, это на востоке города.

– Хорошо, мы там проедем. Сейчас приготовься, выходить на ходу будем.

Как на ходу? – замотал я головой. Пока мы с Соколовым говорили, по пустынным ночным улицам микроавтобус проехал несколько кварталов и уже заезжал в арку старого четырехэтажного здания, часть которого была в строительных лесах. Боковая дверь как раз чуть отъехала в сторону.

Едва заехали под своды арки, машина чуть притормозила – не останавливаясь полностью, а боковая дверь широко распахнулась.

– Пошли-пошли-пошли! – раздалась резкая команда.

Микроавтобус вместе с одним водителем проехал дальше, уже без нас. Мы же вчетвером – вместе с той самой троицей, что забирала меня из камеры и выводила из здания, уже за-

ходили в неприметную дверь прямо в арке.

Внутри пусто, сплошь строительный мусор и следы работ. Похоже, здание на реконструкции. Поднявшись по широкой каменной лестнице, оказались в помещении, где также видны следы работ и работников: вокруг грубо сбитые деревянные козлы, расстеленный полиэтилен, на нем остатки обеда и несколько брошенных курток.

Здесь нас ожидали – двое в гражданской одежде, но с оружием. На полу стоял баул, в котором нашлась одежда на всех прибывших – в том числе и на меня.

– Переодеваемся, в темпе, – глянув на меня, скидывая серый китель, произнес ротмистр Соколов. – Сереж, готово? – это он уже обратился к одному из своих людей.

– Та-аак тчно, вашблагородие, – раздался в ответ совершенно неуставной веселый голос.

– Поджигай.

– Гори, гори, моя звезда... – напел из-за спины невидимый мне сейчас Сережа, и через секунду за окном ярко сверкнула вспышка огненного взрыва.

– Магистральный газопровод, вашбродь. Стильно, ярко, безопасно – считайте фейерверк, – отрапортовал довольный собой Сережа.

Сразу после этого сверкнуло еще раз, а после этого ночь стала днем. Звук взрывов раздавался волнами, полетели вверх огненные всполохи. Вдруг жахнуло так, что здание вздрогнуло, а в нашей комнате вылетели стекла. Вот насчет

того, что стиль и ярко, я был согласен. Но вот насчет того, что безопасно...

Когда утихло эхо взрывов, я посмотрел в окно – где в нескольких кварталах от нас в самое небо поднимался столп огня, превращаясь в высокий огненный гриб.

– Сережа, ну йоп... – крайне удивился ротмистр Соколов, поднимаясь с пола и глядя на огненное светопреставление.

Похоже, нормальных слов, чтобы прокомментировать происходящее, у него не нашлось. В этот момент раздался еще один взрыв – не такой сильный, но тоже внушительный. Неподалеку от еще не опавшего огненного гриба в небо полетел плотный огненный шар.

– Шик, блеск, красота, – уже справившись с совсем яркими эмоциями, отреагировал ротмистр. Голос его при взгляде на огненную свистопляску был определенно напряжен.

– Топливоохранилище у центра набора Войска Польского, вашбродь. Оно, по идее, пустое и законсервированное, не должно было...

Сережа осекся на полуслове под тяжелым взглядом ротмистра. Я в происходящее не вмешивался – снова начал переодеваться, параллельно наблюдая за происходящим за окном. Взвившееся в небо пламя уже опало, но горение сохранялось. Несколько минут, и улицы кроме оранжевых отсветов пламени расцветили огни синих спецсигналов машин экстренных служб – они съезжались в соседние кварталы десятками.

Все уже давно переоделись, снятые мундиры были сложены в баул вместо подготовленной одежды. Но мы оставались на месте, только зеленые огоньки имплантов в глазах бойцов отсвечивали. Чего мы ждем, стало понятно, когда с прилегающей улицы к арке здания свернула карета скорой помощи.

– Выходим, – скомандовал ротмистр, и мы все вместе – в том числе и обескураженный Сережа, покинули здание.

– К Старой мельнице давай сначала, – приказал Соколов водителю скорой. Тот, несмотря на одежду медика, определенно принадлежал к команде эвакуации – глаза у него, как и у остальных, сдержанно светились зеленым отсветом капель имплантов.

Когда проехали пару перекрестков и выехали на широкий проспект, помчали, мигая люстрой и распугивая высыпающих на улицы зевак звуковым сигналом. На приборной панели отображалась карта Познани, и я видел, что мы едем по южной окраине города, направляясь в предместья. За окном по обоим сторонам дороги вскоре уже встали деревья лесопарка, но по карте я видел, что мы еще в черте города. Через пару минут повернули на север – объезжая Познань по дуге, и в результате маневра заехали в район Броварна, где и находилась Старая мельница.

Никакой мельницы, впрочем, по месту назначения я не увидел. Подъехали мы к старому кирпичному зданию с трубой котельной. Поодаль видна плотина, вокруг несколько домов, построенных явно в позапрошлом веке. Дома заброше-

ны: окна выбиты, стены разрисованы самыми разными образцами граффити – от стандартных неряшливых изображений гениталий и кривых надписей на польском до самых настоящих произведений искусства.

– Три минуты. Если не появляется, уходим, – произнес Соколов напутственно, потянув на себя боковую дверь.

Я, конечно, мог поспорить, но пока не стал – три минуты ведь еще не прошло. Вышел из машины и, оглядываясь, пошел по заброшенному двору в сторону плотины. Остановился на открытом пространстве, поднял руку, привлекая внимание. Наоми оказалась рядом неожиданно и совершенно неслышно. Словно из воздуха материализовалась, только серебряный росчерк на периферии взора мелькнул.

Сестра была сейчас не совсем в человеческой форме – лицо едва заметно искажено, в нем проглядывают хищные черты; глаза необычно крупные, желто-зеленые, с черным вертикальным зрачком.

По-прежнему босая, в обтягивающем платье убитой в палате женщины – которое было синим, а на Наоми стало серебряным. Внимательно осмотрев меня, обходя и даже, похоже, обнюхав, сестричка-оборотень коснулась маски, после чего посмотрела с вопросом.

– Ты пришел за мной, – едва слышно сказала она, почти без вопросительной интонации.

– Да. Меня арестовала Дефензива, но освободили эти люди, – показал я на карету скорой помощи, которая, выключи-

чив фары, стояла в тени раскидистого дерева на обочине.

Говорить приходилось громко, непривычно громко, вдвое-втрое сильнее от обычного, настолько маска голос глушила.

– Кто они? – спросила Наоми.

– Я их не знаю. Сами они говорят, что из русской армии и готовы эвакуировать нас в Россию. Ты поедешь со мной?

Желтое сияние глаз сестрички-кицуне приглушилось, зрачки из вертикальных стали человеческой формы.

– А ты меня возьмешь? – негромко и даже вроде как с боязнью и смущением спросила она.

– Конечно. Просто я не знаю, можно ли им верить. Если у тебя есть надежные друзья или место, где ты можешь...

– Мне некуда идти, – уже совсем тихо сказала девушка.

– Тогда пойдём.

Хотел было взять ее за руку, но передумал. Вспомнит еще, как «я» недавно удерживал ее в компании других, располагает рефлекторно.

– Пойдем, – еще раз повторил я.

Наоми, перетекая, как вода, последовала за мной и юркнула в машину. В салоне она уже полностью вернула себе человеческий вид – вместе с эмоциями, и сейчас с интересом рассматривала бойцов эвакуировавшей нас команды. Матерые мужчины, что интересно, девушку заметно остерегались; ее прямые взгляды определенно заставляли их нервничать.

После того как мы выехали с заброшенной территории у

Старой мельницы, ехали совсем недолго – всего несколько минут. После свернули на грунтовку в редком перелеске и пересели на спрятанный в лесу микроавтобус. С эмблемами, надо же, ветеринарной клиники в виде веселого зверя, похожего на Тигру из голливудского Винни-Пуха.

Когда поехали дальше, в машине так и было тихо. Никто нам ничего не говорил, а сам я не спрашивал – смысла нет. Даже если нас в какую-нибудь новую задницу везут, правды все равно никто не скажет.

У меня, конечно, роились множественные вопросы, но, думаю, задавать их стоит точно не вывезшим нас из города бойцам. Кроме того, надо бы мне продумать стратегию поведения – собственно то, что я буду говорить или отвечать на вопросы, которые мне вскоре зададут. Помогает факт того, что потерял память, но все же стоит прикинуть, какие каверзные для себя вопросы могу услышать.

Наоми, сидевшая рядом, вдруг навалилась на меня. Я повернулся – девушка спала, прикорнув на моем плече. Судя по всему, серьезно устала – под глазами синяки, щеки впалые. Похоже, у нее просто кончились силы после трансформаций.

Не думаю, что смена облика туда-сюда проходит бесследно. Ведь, как учил нас кот Матроскин: «Чтобы продать что-нибудь ненужное, надо сначала купить что-нибудь ненужное». Энергия не берется из воздуха, и, похоже, Наоми сегодня прилично похудела, как бы даже не до истощения. Она

ведь тоже, получается, совсем недавно как оборотень иницировалась, двух дней не прошло.

Покинув окрестности Познани, мы пару часов ехали по стране – как я видел по карте, выбирая для этого второстепенные дороги. И только на третий час пути наконец выехали на трассу, на Гданьск – как увидел на одном из указателей.

По хорошей дороге гнали с приличной скоростью, направляясь, судя по указателям, в сторону границы. Меня понемногу начал волновать вопрос, как мы будем преодолевать контрольно-пропускные пункты, но бойцы Соколова спокойны, как и сам ротмистр, так что переживал не сильно.

Объяснение пришло довольно скоро, когда микроавтобус съехал на проселок и, проехав пару километров, встал на краю поля. Сопровождающие нас бойцы вышли из машины. Выходить – судя по жесту Соколова, следовало и нам, но Наоми никак не желала просыпаться, что-то бормоча сквозь сон. Я, похоже, правильно понял, что у нее просто силы кончились. Кое-как стянул девушку с сиденья, держа под мышки, вытащил на улицу, здесь взял на руки. Держать не тяжело – легкая совсем, как пушинка.

Вдруг вспомнилось, как на мне недавно сидела светловолосая дознавательница. Ее нижние и верхние девяносто я так легко бы на руках не подержал. Эх, если в других обстоятельствах общаться, очень, наверное, приятная девушка... Была приятная девушка.

Хлопнула за спиной дверь, воцарилась тишина – только

остывающий двигатель потрескивает. На улице спокойная летняя ночь, предрассветный час. Так тихо, что аж в ушах звенит от тишины. Сквозь этот звон сначала я ощутил едва слышный, но при этом объемный, густой я бы даже сказал гул, постепенно наливающийся силой. И вдруг увидел прямо перед собой на фоне поля размытое пятно.

Меня никак не переставали удивлять технологии этого мира. Вот и сейчас, едва удерживая на месте готовящийся упасть подбородок, наблюдал, как мутно-размытое пятно видоизменяется. Пелена невидимости, сопровождаемая синими змейками искр, быстро сползала с большой летающей машины, незаметно приземлившись совсем неподалеку от нас.

Перед нами оказался массивный военно-транспортный конвертоплан. В моем мире машины такого типа почти не используют, а если используют – то только винтовые. Эта же выглядела совершенно непривычно – обводы как в фантастических фильмах, двигатели вроде как реактивные, при этом совершенно бесшумные.

Это уже техномагия какая-то.

Задняя аппарель конвертоплана опускалась – рыкнув двигателем, микроавтобус, сминая высокую траву, проехал по полю и заехал в грузовой отсек. Стоящие на обочине бойцы забежали следом, крепя машину тросами, после чего внутрь зашел я с Наоми на руках и последним ротмистр Соколов. Едва грузовая аппарель закрылась, как я почувствовал, что

конвертоплан быстро набирает высоту – в этот момент ротмистр меня предусмотрительно поддержал.

Вот и проблема с пересечением границы решена – подумал я.

Летели мы долго. Больше трех часов, после чего приземлились на дозаправку. Но иллюминаторов в грузопассажирском отсеке не было, а размять ноги из машины нас никто не выпускал. «Не стоит рисковать возможной идентификацией», как загадочно ответил Соколов, так что куда садились для дозаправки, я даже не увидел. Скрасило происходящее то, что пока машина находилась на земле, с меня сняли маску, покормили сухпайком и вдоволь напоили.

Когда я жадно глотал воду, ротмистр Соколов вдруг что-то понял – ближе к концу литровой бутылки, и сообщил мне, что конструкция намордника позволяет пить, не снимая маску. Ну, лучше поздно, чем никогда – погасил я вспыхнувшее было раздражение.

Наоми так и спала. Проспала она и второй перелет после дозаправки – находясь даже не во сне, а в полубеспамятстве. Ее действительно прибило откатом усталости после превращений – что подтвердил Соколов, когда я спросил, все ли с ней в порядке. Ротмистр сообщил, что ситуация вполне рядовая и когда будем на месте, целители девушке помогут. Так и сказал: «целители».

Я попробовал уточнить, но Соколов вежливо, но твердо попросил меня сохранять молчание и спокойствие. Похоже,

сильно много разговаривать ему со мной не положено, на что он и намекнул ненавязчиво. Сообщив еще, что по прибытии на место назначения я все узнаю от уполномоченных людей.

На это самое место назначения прибыли уже поздним вечером. Нет, прошло – по ощущениям, за всю дорогу не больше семи часов, но летели мы ведь на восток, в сторону увеличения времени. Так что из часов четырех утра переместились сразу в поздний вечер.

Наоми так и не проснулась, из конвертоплана я вынес ее на руках. Оказавшись на бетоне посадочной площадки, оглянулся вокруг и понял, что мы на территории военной базы. Очень уж типичный вид вокруг, ни с чем не спутаешь. Отметил только, что военные располагались не в пластмассовых модульных коробках, а в старых казармах зданий постройки века девятнадцатого. Ухоженные, монументальные здания с высокими окнами.

Расчерченное облаками небо над нами светлое – отблески близкого города, в безлюдном месте подобного не увидишь. Но никаких больше привязок к местности, по звездам тоже ориентироваться не умею, так что куда нас привезли, представления немного. Судя по всему, уже в России, а где конкретно – непонятно.

На посадочной площадке нас встретили двое целителей в особой, но явно военной форме. Причем реально целители – глаза нечеловеческие, подсвечены светло-зеленым магическим сиянием. Так и не проснувшаяся Наоми на носилках

отправилась в госпиталь, а ротмистр Соколов повел меня в здание неподалеку. Показал две просторных комнаты рядом – одна мне, а вторая для Наоми, когда ее приведут в порядок.

– Душ там, ужин вам принесут через сорок минут. Маску я сейчас с тебя сниму, но без нее выходить из комнаты запрещено, это небезопасно.

В ответ я только плечами пожал – неприятно, но меры предосторожности понятны. Если сам ротмистр Соколов еще сохранял невозмутимость рядом со мной, то остальные его бойцы нет-нет, да и посматривали настороженно. Похоже, такие люди, как я – не персонально же для меня намордник придуман, могут шороху навести. Убийцы из палаты, если бы выжили, с этим бы согласились.

Наоми целители привели в порядок быстро – когда вышел после душа, она уже ждала меня в комнате. Свежая, бодрая и взволнованная. Едва наши взгляды встретились, как сестричка-кицуне посмотрела с вопросом.

«Потом», – шепнул я одними губами.

Потом так потом – пожав плечами, вроде бы легко согласилась Наоми. Хотя я видел, что ее просто распирает от желания начать задавать вопросы.

Только сейчас я обратил внимание, что пока принимал душ, в комнате кроме Наоми появилось два комплекта одежды. Для меня принесли вполне обычную полевую форму без знаков различий, а для Наоми довольно странный комбинезон – облегающий, с усиливающими вставками. Комбинезон

был черного цвета, но, когда Наоми переоделась в ванной комнате и вышла, ткань была уже не совсем черной, а серебристо-черной, с неярким отблеском.

Похоже, снова техномагическая приблуда. Думаю, не ошибусь, предположив, что комбинезон в случае превращения будет трансформироваться вместе с девушкой как вторая кожа.

Когда переоделись и поужинали доставленным в комнату ужином, к нам пришли. Сразу несколько человек в форме без знаков различий. Я остался в своей комнате, Наоми попросили проследовать в свою. После этого мне (и ей, полагаю) устроили форменный допрос. Нет, все было довольно прилично – мне даже предложили чай с печеньем, да и расспрашивали вполне вежливо и уважительно. Но за несколько часов душу вынули – восстанавливая картину произошедшего во время ритуала и все случившееся после.

Понятно теперь, почему Соколов не особо желал со мной разговаривать – картину произошедшего с момента начала ритуала на поляне восстанавливали шаг за шагом, буквально секунда за секундой. Правда, в отличие от допроса, проводимого светловолосой дознавательницей, трое расспрашивающих меня мужчин определенно не владели никакой магической силой. Или же, если и владели, никак этого не показывали.

Когда с беседой-допросом закончили и комната опустела, я вышел в коридор. Подошел к двери Наоми, прислушался

– тихо, ни звука. С ней, наверное, давно закончили, и она уже спит, так что заходить не стал. Вернулся к себе и, не мудрствуя лукаво, завалился на кровать.

Устал.

Спать не хотелось, я просто лежал и отдыхал. На удивление, несмотря на перипетии недавних суток, никаких серьезных переживаний меня не одолевало. Удар молнии, после которого я умер там, дома, словно отсека лишние и ненужные эмоции.

Да, я увидел ужасный конец, а потом оказалось, что это только начало – так что настроение даже не думало падать. «Вдруг охотник выбегает, прямо в зайчика стреляет. Пиф-паф, ой-ой-ой, умирает зайчик мой. Привезли его в больницу, оказался он живой», – вспомнил я одну из детских считалок, которые наряду с песней про Винни-Пуха ритмично проговаривал во время утренних пробежек.

Воспоминание возникло вспышкой из моей – лично моей, не реципиента, глубинной памяти. Может, еще что всплывет? – попытался я аккуратно найти забытые воспоминания. Но как ни старался, дальше тишина и пустота – даже стены нет, в которую можно биться.

Ну и ладно, постепенно вспомню, надеюсь. И узнаю, кто я все же такой – сантехник, филолог, историк или кто-либо еще. В общем, «оказался я живой» и это ощущение перекрывало все остальное. Даже нависшая смертельная опасность со стороны великопольского воеводы князя Лещинского, а

также неприятность с дознавательницей не сильно расстраивали на фоне этого.

Прорвемся.

Очень долго лежал, глядя в темный потолок и прокручивая в памяти все случившееся. Спать совершенно не хотелось; это не было бессонницей – организм молодой, а переживания прогнали усталость не хуже, чем ударная доза кофеина. Далеко после полуночи все же постепенно начал проваливаться в сон. И вдруг ощутил чужое присутствие. Насторожившись, открыл глаза и удивился: Наоми пришла, надо же.

Как она так зашла, что я даже звука двери не услышал? Видимо, моя сигнализирующая об опасности «шерсть на зашивке» на нее просто не реагирует, а сама она передвигается удивительно бесшумно.

Сестрица-кицуне сидела на моей кровати, в ногах. Комбинезон сменила пижама, но даже не это было главным. Расположилась Наоми в крайне интересной позе – сидя на неширокой деревянной спинке кровати. Люди в обычном состоянии так не могут: колени девушки разведены широко в стороны, демонстрируя великолепную растяжку; сведенными вместе руками Наоми касалась, не опираясь, спинки кровати – и была в такой позе похожа на усевшуюся на забор настороженную лису.

Похоже, для того чтобы бесшумно попасть в комнату, она снова частично перекинулась в звериную форму. Ну да –

увидев, что я ее заметил, сестра-оборотень мягко соскользнула со спинки кровати и оказалась совсем рядом со мной. Глаза – желтые, с вертикальными зрачками, постепенно превращались обратно в серо-голубые человеческие и внимательно на меня смотрели. Еще несколько секунд – и Наоми полностью вернула себе человеческий облик, снова став едва повзрослевшей девушкой, вчерашним подростком.

Наоми явно ждала от меня объяснений. Я же показал пальцем себе на ухо, потом обвел комнату, словно бы говоря: «Вдруг нас слушают?»

Подумав немного, Наоми кивнула. Но, видимо, слишком сильно ее распирало любопытство. Она вдруг обняла меня и прошептала прямо на ухо:

– Ты за мной пришел. В больнице.

Это не было вопросом, просто констатация факта. Когда Наоми отпрянула, вновь глядя мне в глаза, я просто кивнул и пожал плечами.

Да, конечно, я помнил несколько мгновений замешательства у двери на лестницу, и мне за них даже стыдно. Но все же я пришел за ней, да. Наоми снова крепко прижалась ко мне, накрыв нас волосами, и вновь зашептала прямо на ухо:

– Ты за мной пришел. На Старую мельницу.

Снова слова прозвучали без единой вопросительной интонации. После сказанного Наоми отпрянула. Она уже нависала надо мной, так что ее густые волосы реально нас накрывали.

«Ты не мой брат?» – прочитал я по ее губам.

Вот что ей сказать? В ответ я отрицательно покачал головой, взглядом давая понять, что нет, я не ее брат. Наоми долгим взглядом посмотрела на меня, после чего кивнула.

– Ты меня не бросишь?

– Нет.

Наоми вдруг прыгнула вперед; серебристые локоны, струясь, словно невесомая шелковая ткань как будто обволокли нас. Девушка скользнула под тонкое одеяло и прижалась ко мне сбоку, положив мне голову на плечо. Совсем как в воспоминаниях детства.

Я почувствовал себя не очень уютно. Все же сестра уже давно не маленький ребенок, а достаточно взрослая девушка-подросток. Подобное проявление близости в моей культурной традиции выглядит не совсем, так скажем, приемлемо. Но Наоми воспитана в ином культурном коде, для нее происходящее в порядке вещей. И попробовать сейчас оттолкнуть ее от себя может оказаться для нее сильным ударом.

Несколько минут – и Наоми ровно задышала. Заснула. Глядя в потолок, я обдумывал неожиданный порыв сестры, которая теперь знает, что мне не сестра. Порыв неожиданный, но, если немного подумать, неудивительный.

Мне ведь, тому мне из прошлой жизни, совсем не шестнадцать лет было, а еще я недавно умер от удара молнии. Потом оказался на месте магического ритуала, разговаривал

с могущественной сущностью, стал причиной чужой смерти, потом убивал сам. Это все было довольно волнительно – но при этом я воспринимал происходящее относительно спокойно.

Наоми же совсем юная девушка, которая воспитывалась в стенах дома нелюдимым наставником, будучи, похоже, практически огорожена от общества. И предательство родного брата, последовавшая сразу после этого ее инициация как оборотня, попытки нас убить – и во время ритуала, и в больнице, наверняка все это серьезно подействовало на ее психику и сознание. Именно поэтому она почти постоянно балансирует на грани превращения. Таким образом, наверное, спасая свою психику или неосознанно уходя от наступающих истерик после столь серьезных потрясений.

Сейчас же, удостоверившись, что я не ее брат, но видя, как я возвращался за ней и не желаю ей зла, она просто взяла и доверилась мне, целиком и полностью. Причем решение это она приняла не здесь и не сейчас, а еще у Старой мельницы. Сейчас она просто полностью решение довериться мне осознала. И доверилась настолько, как доверялась только своему брату, когда он был единственным для нее близким человеком. У нее, впрочем, никого из близких людей кроме брата и не было, она же в затворничестве жила.

Я вдруг понял, что мои догадки о природе поведения Наоми железобетонно верны. При мыслях об этом снова приоткрылась дверка памяти: пришло понимание, что в прошлой

жизни я удивлял коллег и знакомых своими способностями. У меня всегда складывалась верная и полная картина из небольшого количества деталей.

Вещи, которые для других непредставимы, я способен понимать логически, просто сопоставляя имеющиеся факторы. Мне казалось это обыденностью, но для других всегда было откровение – когда я всегда делал верный вывод, основываясь лишь на обрывочных косвенных знаниях. Сейчас же ситуация не подразумевает иных толкований, вообще все ясно-понятно, как в открытой книге.

Сестрица-лисица размеренно дышала, глубоко заснув, мне же теперь сон совершенно не шел. Особенно когда Наоми заворочалась во сне и, крепко прижавшись, еще и ногу на меня закинула. Сон больше не шел, и я попытался отвлечься, вспоминая все, что видел в картинках воспоминаний о своей новой жизни.

«Мне больше некуда идти», – вспомнил я, как шептала Наоми у Старой мельницы.

У нас с ней же есть опекун, почему она не пошла к нему? При этой мысли в первую очередь неожиданно для себя обратил внимание на то, что уже думал о прошлом реципиента как о своем, не дистанцируясь.

Надо же, вживаюсь в чужую шкуру.

Осмыслив это, я принялся восстанавливать в памяти и «просматривать» увиденное во время допроса в подвале, акцентируя внимание на семье реципиента. И в процессе забыл

не только о сне, но и о прижавшейся ко мне посапывающей Наоми. Настолько увиденное свежим взглядом в картинках воспоминаний реципиента мне не понравилось.

Категорически я бы даже сказал не понравилось.

Глава 9

Заснуть я смог только под утро, но выспаться пары часов мне вполне хватило. Организм молодой, много не нужно. Я бы если и не поспал вовсе, утром дискомфорт сильный все равно вряд ли бы почувствовал.

Едва проснулся – от лучей солнца, заглянувших в открытое незашторенное окно, как сразу ощутил себя в чрезвычайно бодром настроении. Настолько бодром, что восстанавливающая хронологию событий цепочка воспоминаний, составленная по реперным точкам «пляж-молния-ритуал-больница-погоня-застенки-эвакуация», прошла быстро и практически без негативных эмоций. Главное, что не реинкарнация в собаку, а с остальным можно попробовать разобраться.

Молодость все же – великая вещь. Когда лет в двадцать не спал сутками без потери тонуса, не раз слышал от старших товарищей фразу «молодой, здоровья много». С возрастом, когда к тридцати у выданного природой тела закончился бесплатный пробный период здорового организма, эту фразу прекрасно понял – как понял и важность восьмичасового сна. Так, а вот еще одна дверца глубинных воспоминаний приоткрылась, отметил я краем. Стараясь ни о чем не думать, понадеялся, что сейчас получится еще что-нибудь вспомнить.

«У нас были анатомические подушки, семь с половиной килограмм утяжеленного одеяла, пару кило мягких игрушек, четыре грамма мелатонина, ромашковый и мятный чай, свежее постельное белье, успокаивающая музыка и шторы блэкаут. Не то, чтобы это было категорически необходимо для спокойного сна, но если тебе уже исполнилось тридцать, то к делу нужно подходить серьезно».

Ну да, ну да, вспомнил. Вздохнув, я открыл глаза, возвращаясь в свою новую жизнь. Наоми рядом уже не было. Осмотрелся – сестрица-лисица нашлась в кресле в углу комнаты. Сидела молча, в полностью «человеческой» форме. Причем по позе видно, что смущена. Чувствуется неловкость и даже в статике, некоторая подростковая неуклюжесть. В сравнении, конечно, с ее движениями, когда она скользит серебристой тенью на грани превращения в хищно-магическое существо.

Похоже, вчерашнее проявление чувств, после того как темнота ночи сменилась утренним светом, ее серьезно смутило. Ну да, тоже предсказуемо. Чтобы не добавлять девушке лишнего смущения, я ей подмигнул и кивнул, мол «все хорошо». Наоми в ответ мне улыбнулась. Несмело, смущенно.

– Рейдзи?

– А?

– Нас кормить будут? Кушать очень-очень хочется.

– Мне нельзя из комнаты без маски выходить. Сходи да

спроси.

Наоми вздохнула. Похоже, идти куда-то спрашивать она стесняется. Да, не прошло даром затворничество. Ну ладно, кто тут старший, тому и разруливать – я подошел к двери и выглянул в коридор. Никого. Вернулся в комнату, распахнул окно. Поодаль – в тени дубовой аллеи, увидел идущую мимо группу штабных офицеров.

– Товарищи военные, разрешите обратиться? А нас кормить сегодня будут?

Упс. Мой голос в утренней тишине раздался громко и звонко – я за вчерашний день привык, что в маске нужно говорить раза в два громче от привычного, чтобы быть услышанным. Товарищи военные ничего мне не ответили, но, судя по реакции, хорошо заметили. Звезды там на погонах большие, светят ярко, а значит, скорее всего, нас скоро все же покормят. Пока же можно душ принять – направился я в ванную.

– Ух ты, – не удержался я от возгласа, увидев себя в зеркале.

Ну непривычно совершенно. Как-то не вяжется у меня восприятие собственной личности с этим юношей с взъерошенными белыми волосами, который выглядит словно сошел с обложки журнала. Поправил челку – ну да, парень в зеркале движение повторил. На бледной коже, кстати, хорошо заметны вереницы красных точек от игл намордника – на скулах, на шее под челюстью; потрогал сзади, ну да, и там

чуть саднит.

Несколько минут стоял и рассматривал свое новое лицо, в попытке привыкнуть.

Когда вышел из душа, понял, что задерживался в ванной зря – Наоми уже доедала второй омлет с беконом, запивая его вторым компотом. Судя по пустым тарелкам на подносах, первый омлет и первый компот и что еще там было она уже заточила.

– Прости, оно как-то само, просто я очень-очень кушать хочу, – с набитым ртом сложила Наоми ладони в извиняющемся жесте.

Я даже говорить ничего не стал. Выглянул в коридор – опять никого. Выглянул в окно – тоже пусто, второй заказ не сделать. Попил воды из-под крана, а совсем скоро за мной пришли. После того как раздался короткий стук в дверь, на пороге появился вестовой в непривычной форме. Все военные, которых видел до этого, выглядели... ну примерно, как в моем мире, может, незначительными деталями форма отличается. Привычно, в общем. На этом же был черный с серебряным шитьем мундир совершенно непривычного кроя. Погоны тоже странные, совершенно мне незнакомые: на серебряном с золотом шитье императорская корона и сложный вензель, причем сразу непонятно даже, что за буква, а вокруг – три маленькие звездочки.

– Доброе утро. Поручик барон Антон Радецкий, прибыл сопроводить вас в штаб бригады для приватной беседы.

Вот и ответ, что за звание на непривычно выглядящем погоне.

– Меня одного? – переглянулся я с Наоми.

Девушка уже легко спрыгнула с кресла и подошла ближе, крепко взяв меня за руку. Она заметно волновалась – ладони влажные. Говорящее подтверждение моей вчерашней догадки: ей проще находиться в зверином облике, потому что в человеческом ее одолевают волнение и страх.

– Да, вас одного. Что-то не так?

– Господин барон, будьте любезны... – бросил я взгляд на Наоми и снова посмотрел на Радецкого: – Дайте, пожалуйста, указание принести моей сестре еще еды.

– Как только провожу вас, так сразу.

– Хорошо, тогда пойдемте.

– Наденьте, пожалуйста, – протянул мне поручик маску-намордник.

По виду она сильно отличалась от той глухой конструкции, что была на мне вчера. Эта девайс компактнее, больше похож на респиратор. Словно маска Скорпиона или Саб-Зиро из игры Мортал Комбат. Только эта маска была черного цвета с серыми полосами. Смоук – вдруг вспомнил я, как звали черно-серого персонажа, одного из тех, кого создатели игры в первых версиях клепали копипастом игровой модели, просто перекрашивая ее в разные цвета.

Маску надел, ожидая неприятных уколов от впивающихся под кожу игл. Но их не ощутил – лишь в ушах сразу зашу-

мело дыхание, как будто в акваланге закрытого типа оказался. Более того, через несколько секунд настройки восприятие мира вернулось к нормальному – маску теперь почти даже не ощущал.

– Вы готовы?

Отвечать я не стал, прислушиваясь к ощущениям. В прошлой жизни я довольно часто ходил в маске-балаклаве и шлеме, так что сейчас особых неудобств не чувствовал – снова появилось частичка воспоминаний старой жизни. Интересно, а куда я ходил в шлеме и балаклаве? «Уважаемый, а вы точно сантехник?» – хмыкнул сам с собой, представляя удивленных жителей квартиры, открывших дверь такому сантехнику.

– Вы готовы? – переспросил Радецкий, возвращая меня в реальность.

– Готов.

Голос, надо же, звучит почти как обычно. Ну да, если прошлая маска-намордник была тяжела и груба исполнением, видимо, предназначаясь для жесткого подавления выплесков силы, то эта более... комфортная. Да, именно так – более комфортная.

– Следуйте за мной.

Покинув здание казармы, мы по территории части двинулись к штабу – находившемуся в самом настоящем дворце. По ходу движения оглядываясь по сторонам, я уверился, что мы находимся в воинской части российской армии – строе-

вые песни на пробежке на русском, да и вообще общий антураж никакой другой ассоциации не вызывает. Вот только что за русская армия в этом мире, возник вопрос: перед зданием штаба расположилось три флагштока, с тремя флагами.

В центре – вписываясь в канву имперских амбиций стран этого мира, черно-желто-белый российский флаг, бывший национальным государственным флагом во времена Александра III. Имперский флаг, отражающий цвета штандарта правящего дома Романовых.

Слева – привычный мне красно-сине-белый триколор. Справа явно ведомственное полотнище, с цветами гвардейской черно-оранжевой ленты – похоже, знамя войсковой принадлежности. Ветра почти не было, стяг не раздувало, так что, пока мимо шли, рассмотреть я его не смог.

В штабе оказалось довольно многолюдно. Причем окружающие – среди которых было немало женщин, одеты во вполне обычные зеленые армейские мундиры; ни одного подобного тому, что на поручике, я не увидел.

Когда мы с бароном Радецким появились в штабе, пока поднимались по широкой мраморной лестнице и шли по просторным коридорам, практически все встреченные на нас с интересом косились. Внимание мы определено привлекали – причем не только я своей неуставной взъерошенной стрижкой и полностью белыми волосами. Внимание привлекал и мой провожатый в своем черном с серебром мундире – причем именно он привлекал внимание в первую очередь.

Похоже, к этой воинской части отношение он имеет постольку-поскольку.

Привел меня поручик барон Радецкий к кабинету командира бригады генерал-майору А.А. Семенову, как гласила табличка на двери, и жестом предложил мне заходить. Едва я перешагнул через порог кабинета, понял, что ожидающий меня здесь мужчина на комбрига А.А. Семенова, как бы он ни выглядел, ну никак не походит. В кресле отсутствующего сейчас генерал-майора сидел молодой чиновник, не старше тридцати. Несмотря на строгий крой черного мундира, к армии он отношения наверняка не имел, я в этом уверен.

У него было вытянутое «аристократическое» лицо, аккуратные черные брови, острый тонкий нос. На вампира чем-то похож. Особенно сходство с вампиром подчеркивается заметно выраженной бледностью, контрастирующей с иссиня-черными волосами и черными же глазами – белок едва виден, реально практически черный взгляд. Прическа, как и у меня, неуставная, блестящие черные волосы взъерошены. Несмотря на оскорбительную для нахождения в кресле комбрига молодость, в висках проглядывают седые пряди.

Выглядел молодой чиновник неприятно, отталкивающе; нет, природа его внешностью не обидела, но вот, допустим, ядовитые черные аспиды тоже не уродливые, но приязни не вызывают. Впрочем, это у меня, я змей не люблю – а вот кому-то, может, и нравится.

Темные, почти черные глаза внимательно на меня смот-

рели. Долго, почти минуту. И только после расположившийся в кресле странный чиновник показал мне на стул напротив. Пока садился, заметил перед собеседником несколько листов. Мельком прочитал пару выделенных фраз – ясно, протокол моего вчерашнего допроса.

Сразу после того, как я присел, странный чиновник в кресле комбрига заговорил.

– Меня зовут Модест Петрович, я Тайный советник Собственной Ее Императорского Величества канцелярии, служу в Третьем отделении, в числе прочих выполняя обязанности куратора проекта «Резервация „Восток“». И я здесь, чтобы обсудить ваше будущее, Дмитрий Сергеевич...

Модест Петрович, надо же, какое имя необычное. Он, кстати, сейчас запнулся на полуслове. Присмотрелся на меня внимательно, сощурился глазами, потом задал вопрос.

– Что-то не так?

Мысли Модест Петрович, судя по всему, читать не умел. Но похоже, что некоторой эмпатией обладает – определенно почувствовал мои эмоции, хотя я и старался сохранить невозмутимость как внешне, так и внутренне.

– Модест Петрович, я бы с радостью обсудил мое будущее с вами. Но есть у меня одна важная просьба.

– Излагайте.

– Мы не могли бы сначала обсудить мое прошлое?

– В плане? – поднял тонкие черные брови Модест Петрович.

– В общем плане. Дело в том, что я практически ничего не помню о себе с того самого момента, как оказался на месте ритуала, проводимого некими девами, которых называли Мария и София. Возможно, у них фамилия Лещинские, но я точно в этом не уверен.

– Вчера вы об этом не рассказали, – кивнул Модест Петрович на протокол допроса.

– Так меня не спрашивали.

– Сами почему не рассказали?

– Я пробовал несколько раз, но каждый раз меня прерывали новым вопросом, а после я уже так устал, что просто хотелось закончить как можно быстрее, – сказал я абсолютную правду.

Модест Петрович безотрывно и внимательно на меня смотрел. Когда я встретился с ним глазами, в ушах зашумело, в глазах потемнело – я почувствовал себя будто на грани обморока, перед взором замелькали темные всполохи.

– Вы ничего не помните о своем прошлом?

– Практически ничего, – ответил я, и мой голос раздался словно чужой.

Едва ответил, как сознание и восприятие вернулись в норму, шум в ушах утих, темные всполохи перед взором пропали. Модест Петрович больше на меня не смотрел – пялился в пространство, сжав губы в тонкую белую нить.

Я сглотнул, приходя в себя после столь жесткого теста на правду; в том, что бледный чиновник сейчас меня проверял,

не было сомнений. Он не лез мне в голову, как дознавательница, его колдунство определенно основано на других принципах, но тем не менее.

Пока бледнолицый черный ворон насупился и думал, я подивился иезуитскому замыслу странного незнакомца. Если он смог защитить блок моей памяти о себе, он ведь мог оставить мне мою старую память или подарить память реципиента. Осталась ведь со мной полная память о моем прошлом мире! Но странный незнакомец этого не сделал – похоже, в числе прочего ради того, чтобы я сейчас правдиво ответил на вопрос похожего на вампира чиновника.

– Ясно. Ясно, – наконец заговорил явно раздосадованный Модест Петрович. – Полная потеря памяти?

– О себе и своем прошлом – пустота. Со мной остались базовые навыки, причем частично, кроме того, я обладаю совершенно неожиданными знаниями.

– Поясните.

– Для примера, вот вы знаете отличия унитаза сифонного типа от обычного? Я знаю, но при этом не знаю, откуда я это знаю.

Модест Петрович очень странно на меня посмотрел. Ну да, какой-то там советник, весь из себя важный куратор и прочее бла-бла-бла – похоже, он ждет более уважительного или скорее даже подобоострастного от меня отношения. Ладно, не будем будить черного аспида.

– Уезжая из лечебницы, я смог завести и управлять авто-

мобилем с ручной коробкой передач, но при этом не смог разобраться с его навигационной системой, мне помогала сестра. Со мной, полагаю, остались даже не столько воспоминания, в виде рваных отдельных картинок, а выученные на уровне рефлексов навыки, – отчеканил я.

– Проблески памяти?

– Нет, ни единого.

– Так уж и не одного? – в режиме самого настоящего детектора лжи сработал вдруг Модест Петрович.

Так, с этим тайным советником определенно поаккуратнее надо. Он ведь наверняка не только выглядит угрожающе-красиво как ядовитая черная змея, он и опасность представляет наверняка. Гораздо большую, чем черный аспид.

– Вчера ночью в подвальной камере меня допрашивала некая не представившаяся дознавательница польской разведки. О себе она сочла нужным сообщить лишь, что является магистром-ментатом...

– Принцесса Ядвига, наследница престола Речи Посполитой.

– Ч-ч-че... что? – вкрадчиво переспросил я, с огромным трудом удержав себе более экспрессивный комментарий.

«Шик, блеск, красота», – вспомнил я слова ротмистра Соколова, когда он смотрел на поднимающийся над соседним кварталом огненный гриб.

– Принцесса Ядвига, наследница престола Речи Посполитой, – повторил между тем Модест Петрович. – Весьма спо-

собная менталистка, скажу я вам.

– Была, – машинально поправил я, вспомнив перекрученное тело светловолосой дознавательницы.

Черт, это же надо так вляпаться – сначала размотал двух княжон, а потом еще и убил об себя целую принцессу и наследницу престола. Похоже, новая жизнь настолько перестает быть томной, что обещает быть невероятно короткой...

– Вы не волнуйтесь так о Ядвиге, Дмитрий Сергеевич. Судя по отчету ротмистра Соколова, она поставила сильный ментальный блок, так что ее душа наверняка не пострадала. Скорее всего уже воскресили.

– Воскре... что, простите?

Затаив дыхание, я в крайнем изумлении, даже можно сказать в полном шоке смотрел на Модеста Петровича. Нет, понятно, магия-шмагия, молнии там всякие, кицуне-оборотни, конвертопланы под пеленой невидимости и искусственные глаза-импланты, черт бы с ним. Но вот это вот: «Воскресили?»

В голове просто не укладывалось, я отказывался верить в услышанное. Это уже какой-то божественный уровень бытия! Собеседник, похоже, прекрасно понял мое состояние, поэтому успокаивающим жестом поднял руку.

– Дмитрий Сергеевич, соберитесь, пожалуйста. Будьте любезны, расскажите мне про проблески памяти и как с этим связана леди Ядвига.

– Она в ходе допроса сообщила, что собралась залезть в

мою память. Я ее предупредил об опасности, потому что мне показалось, что проводившие ритуал Мария и София не сами ошиблись в ритуале, а, как бы это сказать... убились об меня. Мое предупреждение Ядвига...

– Леди Ядвига.

– Что?

– По правилам хорошего тона вам следует говорить: леди Ядвига. В обществе ее следует упоминать как ее высочество принцесса Ядвига.

– А могу я пренебречь правилами хорошего тона? – почему-то захотелось мне возразить.

– Конечно, можете, кто ж вам запретит. Только имейте в виду, что, пренебрегая правилами хорошего тона, вы закрываете себе дверь в приличное общество, – крайне неприятным взглядом посмотрел на меня Модест Петрович.

– Ясно, благодарю за пояснение.

– Дмитрий Сергеевич, вы остановились на описании процедуры допроса и связанных с ним проблесков памяти.

– Леди Ядвига мое предупреждение об опасности приняла к сведению, потому что после него продолжила допрос не в одиночестве, а позвала четверых помощников, расставив их в пентаграмме. Начав ритуал, она залезла ко мне в память так, что я наблюдал вместе с ней картины своего детства. Вот только, наблюдая эти картины, я не вспоминал, а именно что наблюдал происходящее. Я же говорил вам про унитаза, да?

Модеста Петровича передернуло, глаза его сощурились,

не предвещающая ничего хорошего.

– Вот в одной из картинок воспоминаний я топил одноклассника в унитазе, и для того, чтобы набрать достаточное для этого количество воды, мне пришлось заткнуть дырку слива пиджаком. В этот момент в воспоминаниях я подумал, что, был бы сифонный унитаз, такого бы делать не пришлось. О таких проблесках памяти я сейчас и говорю.

Модест Петрович, похоже, понял, что я не собирался над ним (откровенно) стебаться, смотрел теперь на меня крайне внимательно. Я же продолжал:

– У меня словно целиком стерлись некоторые отделы памяти, оставив работающими другие. К примеру, я знаю принципы федерального, конфедеративного и имперского государственного устройства, знаю даже различия между теллурократией и талассократией, но не знаю, какой сейчас год или почему Россия – Конфедерация. Кроме того, я видел в своих воспоминаниях флаг Восходящего Солнца, который стал японским национальным флагом во время эпохи Мэйдзи, но при этом не знаю, какой сейчас в Японии государственный строй...

– А какая разница между теллурократией и талассократией? – неожиданно спросил Модест Петрович. После чего он вдруг извиняющееся пожал плечами, став на миг похожим на обычного человека: – Я просто их путаю постоянно.

– Теллурократия – материковое образование, талассократия – опирающееся на водные пути.

– Да, точно-точно. Кстати, ваши знания неверны: Россия не Конфедерация.

– Оу. А как, я ведь слышал от ротмистра Соколова, что он...

– Мы с вами сейчас находимся в городе Белоцарск, в штабе 14-й бронекавалерийской бригады, которая является одной из частей Сил специального назначения Российской Конфедерации. ССпН в состав Русской Императорской армии не входят, являясь основой Сил Быстрого Реагирования Армии Конфедерации, подчиняясь напрямую президенту Российской Конфедерации. Российская Империя же, которую возглавляет Ее императорское величество, на равных правах входит в Российскую Конфедерацию, которая объединяет в себе четыре империи, а также ряд других стран и территорий.

Насчет «входит на равных правах», если уж Конфедерация является «Российской», я как-то засомневался. Да и другие говорящие признаки – имперский флаг на центральном флагштоке, а триколор слева, имперский чиновник напротив в чужом кресле бригадного генерала конфедерата, еще и чувствует при этом себя как дома. Понятно сразу, кто в этом государственном устройении первый, а кто в фарватере. Но озвучивать вслух это не стал, и так сразу много информации свалилось.

– Вот оно что...

– Да, если приглядеться, все довольно просто.

Насчет «просто» я бы, конечно, тоже поспорил, но снова упоминать об этом не стал. Модест Петрович же сделал паузу, явно задумавшись, потом поджал губу и покивал себе и своим мыслям.

– Давайте я сейчас изложу краткую историю мира, после чего сделаю вам предложение, от которого невозможно будет отказаться. Итак, год на дворе – две тысячи двадцать седьмой...

Двадцать седьмой? Упасть и не подняться, вот это меня занесло – почти на десяток лет вперед от привычного. Опять очередное озарение – только сейчас я понял, сколько мне лет и в каком году в ином мире я стоял на пляже, когда в меня молнией прилетело.

...мы с вами сейчас находимся на территории Российской Империи, которой правит наша государыня-императрица Ольга. Российская Империя является страной-членом Российской Конфедерации, в которую, среди прочих государств, входит и Японская Империя.

– В Японии тоже император правит?

– Регент.

Этот простой ответ, всего в одно слово, неожиданно многое мне сказал и на многое открыл глаза. Потому что я, похоже, сильно ошибался насчет имперских амбиций, масштабно сохранившихся в этом мире. Да, Япония сохранила свой флаг Восходящего солнца, но правит ей регент и страна является частью Российской Конфедерации. Польша, конечно,

приобрела короля (или королеву), а также сохранила своего прилично выглядящего гербового орла, вот только если русский бронекавалерист Сережа с возгласом «ой!» взрывает нахрен пару кварталов в городе Познань и не слишком потом рефлексирует по этому поводу, там тоже глобальные имперские амбиции явно неблизко от основоопределяющей политики.

Модест Петрович между тем посмотрел на меня со вновь появившимся неприятным прищуром:

– Прошу вас, Дмитрий Сергеевич, больше меня не перебивайте. Я сейчас выдаю базовую информацию, которая поможет вам без лишних сложностей построить картину происходящего, а нам обоим как можно быстрее прийти к взаимовыгодному результату беседы.

Тогда мне очень не понравилась такая подача. И только потом я понял правоту тайного советника – он мне ведь действительно объяснял все максимально просто и по делу. Например, если бы он начал мне рассказывать про семейное положение императрицы Ольги, я бы сходу не разобрался и быстро бы от удивления не отошел. Так что щадил меня Модест Петрович, реально щадил. Не грузил лишней информацией; но и того, что он сейчас продолжил говорить, мне хватало за глаза:

– Высшая власть в большинстве стран и территорий в мире находится в руках владеющих даром. Вы, Дмитрий Сергеевич, волею судьбы к таким людям теперь тоже принадлежи-

те – что и продемонстрировали совсем недавно, после стихийной активации силы. Вы теперь официально принадлежите к виду homo deus, к людям следующей эволюционной ступени развития человека. Таких, как мы с вами, в мире не более одной десятой процента от общего количества населения. Для каждой страны или территории действуют квоты по количеству одаренных, которые еще никем полностью не выбраны, но уже давным-давно распределены наперед на долгие годы. Но есть некоторые нюансы, и именно поэтому вас вытащили из подвала Дефензивы ценой некоторых рисков.

То есть разнести целый квартал в польском городе – это здесь всего лишь опасность «некоторых рисков»? Модест Петрович, похоже, заметил мое удивление.

– Судя по взгляду, вы удивлены. Каждый владеющий даром, тем более каждый владеющий даром высокого ранга – достояние государства, Дмитрий Сергеевич. Поэтому не удивляйтесь силам и средствам, использованным для вашей эвакуации.

Модест Петрович убедительно просил не задавать вопросов, и от вопроса сейчас я удержался. Но все же если и удивляться мне в данном случае – то совсем не тому, как ярко горело вчера в Познани. То, что Польша и Япония не игроки первой лиги, уже понятно. Удивлялся я больше тому, что такое ценное достояние государства, как я, зачем-то жило на чужой территории. Вот жил бы в России – и не нужно было бы устраивать фейерверки с расцветкой ночного города.

– Теперь, Дмитрий Сергеевич, давайте от общей картины перейдем к некоторым деталям. Номо deus, люди-как-боги, они же владеющие даром, делятся на несколько групп. Первая, самая многочисленная и составляющая большинство владеющих, зовется просто – одаренные. Как правило, это люди, владеющие элементарным даром. Самоназвание от слова «элемент» – Огонь, Вода и далее по списку. Еще есть две других, гораздо более малочисленных группы, зовущиеся озаренные даром и одержимые даром. К одержимым, например, с некоторой оговоркой относится ваша сестра Наоми Сергеевна, инициировавшаяся совсем недавно как оборотень. К одержимым более высокого ранга относится и принцесса Ядвига, которая кроме ментальной магии может повелевать Тьмой. Именно поэтому за нее вам не стоит переживать – у принцессы наверняка создан слепок души, и она, скорее всего, уже возродилась на привязанном родовом алтаре.

Слушая Модеста Петровича, я поражался все больше и больше. И сейчас все же не удержался и, не прерывая коллежского советника, поднял руку – как прилежный первокурсник на уроке.

– Вы что-то хотели спросить?

– Да. Как получилось, что меня вытаскивали с мигалками и огненным сопровождением, а мою сестру готовы были оставить?

– Несопоставимый ранг и потенциал, Дмитрий Сергеевич.

Нет-нет, не смотрите так, во-первых, никто Наоми Сергеевну бы не бросил. Тем более что в отличие от вас она является подданной Российской Империи, вывезли бы ее чуть позже. основоопределяющая разница в вашем потенциале владения. Понимаете, Наоми Сергеевна – оборотень, чистый, так сказать, оборотень, без возможности дальнейшего развития. Вполне обычный человек, усиленный вполне рядовыми средними боевыми имплантами и аугментациями, может на равных противостоять владеющим даром оборотничества, подобным вашей сестре. Поэтому она даже не подлежит внесению в списочный международный реестр владеющих даром. Ваш же стихийно активировавшийся дар, в перспективе, позволяет в одиночку бороться на равных с такими, как Наоми Сергеевна, в количестве сотен. Именно поэтому вы и являетесь достоянием государства, потому что волею судьбы принадлежите к четвертой группе владеющих даром, которая начала активно проявляться в последние несколько лет.

Взгляд тайного советника не предвещал мне ничего хорошего.

– Эта группа называется «проклятые даром», – выдержав паузу, доверительно сообщил мне Модест Петрович.

– Проклятые, – эхом повторил я.

– Проклятые, – кивком подтвердил Модест Петрович.

– Можно узнать, в чем именно заключается проклятие?

– Конечно. Одаренные, как вы поняли и, надеюсь, уяснили

из моего рассказа, обладают даром повелевать силами элементарных стихий. Озаренные и одержимые не владеют силой, но могут ее контролировать и направлять. Проклятые же оказываются в ситуации, когда сила и дар владения являются для них настоящим проклятием. Чтобы вам было легче представить, давайте проведем некую аналогию. Для примера возьмем обычного пожарного в разных ипостасях. Одаренный – это пожарный, который в благоприятных для себя условиях управляет крепко закрепленным на лафете брандспойтом. Стационарным, с машины. Запас воды в баке ему известен, возможность регулировать напор, а также включать и выключать его есть. Одержимый или озаренный – пожарный с ручным брандспойтом, из которого вода хлещет с такой силой, что ее приходится укрощать. Одержимые и озаренные даром только и занимаются тем, что учатся контролю. Проклятый даром же, до того момента как не взял дар под свой контроль, образно говоря, – это пожарный, который в любой момент своей жизни, иногда даже в самый неподходящий, неожиданно может очутиться за рулем пожарной машины, которая с разгона летит в стену. Или осознать себя за стационарной установкой, поливая окружающих, либо же оказаться с ручным брандспойтом без возможности его отпустить, но при этом с таким сильным напором воды, что его невозможно укротить. Как вы понимаете, цена подобного – разрушения и жизни. Бесконтрольные стихийные активации проклятых начались чуть меньше десяти лет назад, и извест-

ны случаи, когда из-за неконтролируемых выбросов стихии погибали сотни людей. Теперь вам понятно, почему дар называется проклятым?

– Более чем.

– Отлично. Обстоятельства определены, давайте теперь проясним про ближайшие цели. У вас сейчас есть два варианта разобраться со своим свалившимся проклятьем даром. Первый способ банальный – нейтрализовать, погасить ваш дар владения. Вам он, по понятным причинам, не подходит... что-то спросить хотели?

– Да. Мне действительно этот способ не подходит по понятным, как вы выразились, причинам. Вот только, может быть, вы озвучите эти причины? Может, они у меня и у вас разные.

– Вы, вольно или невольно, стали причиной серьезной степени тяжести травм княжон Лещинских, Марии и Софии. Пока неизвестны конечные последствия этих травм, как и степень повреждения их астральной оболочки. С Марией ситуация неясна, возможно, все обойдется, но, судя по озвученной вами картине произошедшего, княжна София в результате или потеряет дар владения, или же окажется в нем серьезно ограниченной.

Жаль. Очень жаль – виновата в произошедшем больше Мария, но последствия пожинает София. Несправедливо, ну да нет справедливости в мире. Модест Петрович между тем перелистнул пару листов протокола допроса и постучал по

конспекту моих воспоминаний после «эффекта кнута»:

– Судя по записанному с ваших слов описанию, полученные Софией повреждения предполагают серьезное повреждение энергетического каркаса и нарушение в астральной проекции тела. Бесследно это не проходит. Так что, если вы откажетесь от попытки обуздать свой проклятый дар, российское государство, конечно, предоставит вам некоторую защиту, но пока вы живы и здоровы, князь Лещинский вряд ли успокоится, рано или поздно он найдет способ отомстить вам и вашей сестре. Через год, два, десять или двадцать, неважно.

– Отомстить за то, что его дочери пытались убить мою душу?

– Для князя, поверьте, обстоятельства произошедшего будут несущественной деталью. Тем более не забывайте о вопросе авторитета, новости о травмах его дочерей скоро разойдутся, подобное без ответа оставлять никак нельзя без урона репутации. Ладно, продолжим уже: второй способ укрощения дара – ваше обучение его контролю и последующая попытка инициации Источника. Способ сложный, лукавить не буду. Если одаренные и одержимые начинают освоение дара с малого, с самых азов шаг за шагом по мере получения новых рангов, то проклятые сразу после инициации Источника получают все и сразу, согласно потенциалу развития. Это смертельно опасно, и, каждый раз обращаясь к стихии, нельзя быть уверенным в том, что вместо этого...

Модест Петрович вдруг поднял руку и сформировал на ладони небольшой огненный смерч. Я зачарованно смотрел на пляшущий на его ладони огонь, который поразил меня не меньше, чем услышанное недавно о «воскрешении». Да, я уже видел проявления магии в этом мире, более того – сам убивал с помощью объявших рук молний. Но в спокойной обстановке, когда можно спокойно наблюдать за происходящим, для меня подобное происходит впервые.

– ... нельзя быть уверенным в том, что вместо такого небольшого и контролируемого конструкта, владеющий проклятый даром не создаст способный стереть с лица земли целый квартал огненный шторм, который погубит не только его.

Схлопнув ладонь, Модест Петрович погасил пляшущий на руке миниатюрный огненный смерч.

– Такие как вы, Дмитрий Сергеевич, проклятые даром, массово появились на нашей планете всего несколько лет назад, так что процесс обучения и попыток обуздать дар пока... мягко скажем, не очень отлажен. Поэтому процесс, в первую очередь, не гарантирует вам комфорта обучения. Вы понимаете, зачем на вас сейчас надета маска?

– Полагаю, что маска считывает самые разные параметры моего организма и психоэмоциональный фон, чтобы в случае опасности непроизвольного выброса энергии приглушить жизненные функции, сбивая концентрацию.

– В том числе, Дмитрий Сергеевич, в том числе. На вас

сейчас надет один из двух предметов комплекса Ви-блокатора, «Маска Цербера». Действие комплекса основано на двухуровневом воздействии на организм. Непосредственно маска в случае потери вами контроля над потоком силы воздействует на адренергические синапсы через астральную проекцию.

Я знал, что такое адренергические синапсы и неожиданно понял, о чем идет речь. Мда, если и был сантехником в прошлой жизни, то сантехником в шлеме с маской-балаклавой, а также весьма эрудированным.

– Во время вашего допроса леди Ядвигой вы были в строго функциональной маске, которая лишь реагировала на эмоциональный фон. Едва он повышался, как вы ощущали на себе грубое воздействие. Это так называемый строгий намордник, работающий по принципу жесткой блокировки. Надетый на вас сейчас Ви-блокатор постепенно настраивается на ваш уровень способности, так что регуляция будет происходить в индивидуальном порядке с дозированным применением блокирующих функций. Вторым предметом комплекса Ви-блокатора – это браслеты-негаторы. Будучи активированными, они полностью исключают применение силы, блокируя энергетический каркас. Для вас пока в браслетах нет нужды, но в скором времени вы определенно с ними столкнетесь.

Модест Петрович сделал небольшую паузу. Судя по взгляду, в котором мелькнула тень сочувствия, он сейчас соби-

рался сказать мне что-то не очень приятное. Надо же, я не ошибся:

– Согласно касающимся высоких сословий законам Российской Конфедерации, в общественных местах вы, как владеющий проклятым даром, обязаны появляться в маске. Прошу вас обратить на это внимание и не нарушать установленных правил, так как наказание за неисполнение закона весьма серьезное.

Услышанное в шок меня, конечно, не повергло – я к такому был уже подспудно готов, но все равно утвердиться в подозрениях оказалось неприятно. Модест Петрович мое состояние явно увидел по взгляду и сразу же прокомментировал.

– Разделяю ваше удивление и в некотором роде готов понять ваши чувства. Да, постоянный режим ношения маски ви-блокатора – весьма неприятная обязанность. Но по большей части, в репутационной части для вас ничего особо страшного в ношении подобной маски нет. Более того – этот предмет... так скажем, гардероба, ныне вошел в моду по всему миру, возникли даже целые молодежные субкультуры. Тайной рабочей группе из представителей сразу нескольких стран пришлось поработать над изменением общественного мнения, но задача оказалась выполнена, – одними губами улыбнулся Модест Петрович.

Я при этом почувствовал исходящее от него удовлетворение. Похоже, он в числе прочих над этим и работал, судя по

реакции.

– В подобной маске в негативной коннотации восприятия, а уж тем более отверженным вы выглядеть не будете, поверьте. В России и на Западе – да, такие предметы гардероба пока не слишком распространены. Зато в Юго-восточной Азии мода на ношение подобных масок уже близка к тому, чтобы перейти в культ.

Куратор проекта «Резервация „Восток“» – вспомнил я, как представился Модест Петрович. В голове сразу зазвучала азиатская музыка – похоже, ждет меня дорога дальняя, навстречу восходящему солнцу.

– Ви-блокатор, Дмитрий Сергеевич, является малым злом. В учебных аудиториях вы в большинстве случаев будете обязаны носить браслеты-негаторы. Обладать силой без возможности ею воспользоваться – уже стресс, вы это вскоре осознаете. Кроме того, нет гарантии, что, научившись первичному контролю и даже инициировав Источник, вы будете способны контролировать свою силу постоянно. Поэтому, для выявления порога вашей психоэмоциональной устойчивости и уровня контроля... В общем, один из самых неприятных моментов, вам предстоящих, – это учебные аудитории.

– Резервации? – догадался я.

– Именно, Дмитрий Сергеевич. Образовательная система для владеющих проклятым даром в общих чертах копирует образовательную систему высше-магических образователь-

ных гимназий, выстроенную во всем мире по единому стандарту. С одним отличием: образовательные учреждения-резервации в некотором роде стимулируют конфликты. Задача навигаторов, учителей, мастеров и наставников не только научить вас использовать и контролировать дар, но и делать это в любых ситуациях. То, что вы обучитесь контролю над даром на полигоне, не означает, что вы сможете сохранить полный контроль в нестандартной или экстремальной ситуации. Поэтому в школах-резервациях культивируется атмосфера соперничества – как и в обычных магических школах, но гораздо более акцентированно. Кроме того, искусственно созданные обстоятельства периодически будут подводить вас на грань психоэмоционального срыва. Делая это в первую очередь для вашего же блага – для того, чтобы закалить вас как сталь. Для того, чтобы вы стали на путь контроля дара и смогли выжить после инициации Источника, сняли с себя проклятье неподъемного груза. Впрочем, первый год обучения достаточно щадящий, так что время привыкнуть к методам обучения у вас несомненно будет.

– Это ведь не все неприятные знания?

– Конечно.

– Что еще мне предстоит услышать «приятного»? – интонацией выделил я последнее слово в кавычки.

– Некоторые остальные вещи проходят под грифом секретно, поэтому не все я могу вам сейчас рассказать. Но если вы уж хотите испортить себе настроение, могу сказать, что

не выдержавших темп обучения лишают дара. Для вас, как вы понимаете, это сравнимо со смертным приговором – если вы планируете вести полную жизнь, либо же с перспективой затворничества, с уходом в бега от князя Лещинского.

– Российская Империя с Речью Посполитой состоит в дружественных или соперничающих отношениях?

– К чему вопрос?

– Если вдруг у меня не получится контролировать свой дар, может быть, получится использовать меня как приманку? Случайно сделать так, допустим, чтобы в мире стало одним князем Лещинским меньше? А его имущество отнять и поделить, например.

Модест Петрович вдруг громко и искренне рассмеялся.

– Дмитрий Сергеевич, мне очень нравится ход ваших мыслей, я обязательно буду иметь в виду подобный вариант. Но давайте не будет забегать так далеко вперед, а будем надеяться, что у вас все же получится взять под контроль свой дар владения. Договорились?

– Да. Где будет проходить мое обучение?

– Резервация «Восток», высшая магическая школа «Аскольд» в городе Нагасаки.

– Это японская школа? – вспомнил я вдруг чудесные школьные годы в младшем возрасте реципиента. Модест Петрович, похоже, мое волнение почувствовал.

– В Нагасаки есть русская территория. Так что не волнуйтесь, «Аскольд» – это русская школа.

– У меня есть еще несколько вопросов.

– Задавайте.

– Моя сестра.

– Наоми Сергеевна не является безусловной ценностью для государства, как вы. Но, принимая во внимание вашу родственную связь, а также эмоциональную близость, мы хотели бы предложить вам вариант совместного проживания. Наоми Сергеевна будет жить вместе с вами и учиться в императорской гимназии «Паллада». Оба учреждения находятся на русской территории города Нагасаки, на одной улице, только «Паллада» не входит в программу проекта «Резервация». Эта гимназия, как бы это помягче сказать...

– Благополучнее?

– Это обычная высше-магическая гимназия, да. Благополучное, благообразное и уважаемое учебное заведение. «Аскольд» – самая настоящая плохая школа, но это искусственно созданная плохая школа.

Почему-то возникло ощущение, что ни реципиента, ни меня – хотя и прошлого не помню, определением «плохая школа» не напугаешь. Поэтому на эти слова я внимания почти не обратил.

– В картинках воспоминаний я видел, что первые годы жизни провел в Японии и у нас с сестрой в тот период были некоторые проблемы. Я наблюдал конфликт, из-за которого...

– Можете не продолжать, я изучил ваше личное дело. Вы

учились в начальной школе вместе с детьми коренного населения, и, конечно, у вас были проблемы. Удивительно было бы, если бы их не было. Но в этот раз я вас порадую хотя бы одной хорошей новостью: в учебных заведениях «Паллада» и «Аскольд» на ключевых должностях российские чиновники. Обучается в этих заведениях некоторое количество японцев, но это по большей части изгой местной клановой системы, так что расовых проблем ожидать не стоит. Если у вас там и будут конфликты, то расовая проблематика может быть использована лишь как средство, а не цель.

– Простите?

– Вас не будут пытаться унижить только из-за того, что вы гайдзин или полукровка.

Опять я не очень понял. Модест Петрович заметил замешательство в моем взгляде и вздохнул, терпеливо объясняя:

– В ходе возможных конфликтов ваша смешанная расовая принадлежность будет использована как средство с целью вывести вас из себя, одержать победу или самоутвердиться за ваш счет. Средство, а не цель, понимаете? На расовую принадлежность всем абсолютно наплевать, уж поверьте.

– То есть, называя, допустим, какого-нибудь негра черным мудаком, я должен акцентировать внимание на том, что он мудака, а не на том, что он черный?

– Среди прочего так.

– Курить во время молитвы нельзя, но молиться во время

курения можно.

Модест Петрович на секунду задумался, после чего рас- смеялся.

– Если вы возьмете под контроль свою силу, предложение о продолжении карьеры в дипломатическом корпусе Российской Империи, думаю, вам обеспечено, Дмитрий Сергеевич.

– Кто мои родители?

Взгляд собеседника неожиданно изменился – пару мгновений на меня как будто смотрели два черных, заполненных тьмой провала. Вопрос застал Модеста Петровича врасплох, это определено. Впрочем, вопрос и меня врасплох застал – местные родители реципиента для меня чужие люди; как-то этот вопрос родился до того, как я его обдумал. Как обычно в общем, у меня все стабильно.

– Ваш отец – капитан князь Сергей Новиков из Новой знати, служивший в штабе Амурского военного округа. Ваша мать – Сати Александрова, знаменитая российская актриса. Дитя смешанных кровей, наполовину русская, наполовину японка, жившая и служившая в театре в Петербурге. Вы появились на свет вне брака, что вызвало скандал в высшем свете, когда стала известна личность отца. Через два года после вашего рождения Сергей Новиков и Сати Александрова сочетались браком, и сей мезальянс стал не меньшим скандалом, чем ваше рождение. По итогу Сергей Новиков был исключен из княжеского рода, лишен фамилии и дворянских привилегий Новой знати.

– Вы два раза упомянули, что мой отец Сергей Новиков – из Новой знати. Это важно?

– Среди высоких сословий есть родовая Старая аристократия, владевшая наследственными титулами до появления магии. И есть клановая Новая знать, дворянское достоинство приобретающая с начала двадцатого века по факту обладания даром владения. Это довольно широкий вопрос, могу продолжить, если вам неинтересна история собственных родителей.

– Прошу извинить, что перебил, – почувствовал я холодное раздражение собеседника и решил его чуть успокоить.

– Ваш отец после исключения из рода взял себе фамилию Новицкий, и супруги переехали в Нагасаки. Вскоре родилась Наоми Сергеевна, а через год ваши родители трагически погибли в автокатастрофе. Вы вместе с сестрой в момент аварии находились на заднем сиденье автомобиля. Именно тогда впервые сработал ваш дар, странным образом пропущенный при обязательном тестировании в родильном доме. После трагической гибели родителей вас с сестрой намеревались поместить в интернат начальной подготовки при одном из высше-магических образовательных учреждений, но по личной просьбе Регента Японии государь-император отдал вас на воспитание дяде вашей матери, господину Сэкиро Хиро.

Сэкиро Хиро, значит. Тот самый человек, которого я видел в обрывках воспоминаний и про которого я сразу понял,

что это не отец. Так, если матери реципиента опекун приходился дядей, значит, это брат одного из ее родителей, и значит, это мой двоюродный дед. Очень мутный родственник – если вспомнить все то, что я о нем «вспомнил» и понял сегодня ночью.

– Господин Сэкиро переехал к вам в Нагасаки, где вы с сестрой прожили около восьми лет. Ваша сестра находилась на домашнем обучении, а вы обучались в японских школах, где сталкивались с ярко выраженной расовой неприязнью. В результате одного из многочисленных конфликтов вы нанесли серьезные травмы внуку главы префектуры Нагасаки, после чего из страны вам пришлось бежать. Сэкиро Хиро – одаренный среднего уровня, у него официально подтвержден пятый серебряный ранг владения даром Школы Каменного круга, благодаря этому он устроился на службу в личную гвардию князей Лещинских. Вас княжеская семья взяла под крыло, благодаря чему у вас появилась возможность получить среднее образование в Британской международной школе в Познани, считающейся элитным заведением.

– Как так получилось, что столь ценный актив, как я – за который чуть было половину Познани не сожгли, покинул Россию?

Снова глаза собеседника на миг заполнило тьмой. Я хорошо почувствовал его все увеличивающееся раздражение. Холодное раздражение – отзвуки чужих эмоций меня как будто змеи обвивали.

Модест Петрович определенно хорошо владел собой, но беседа для него не задалась в самом начале, когда я пошел с козырей о потере памяти. Кроме того, он явно настроился на короткий монолог, но мои вопросы, которые я все же задавал вопреки прямому запрету, сбивали его с толку. В то же время он почему-то вопросы больше не пресекал, а даже на них отвечал. Нервничал, заметно раздражался, но отвечал.

– После оформления господином Сэкиро опекунаства вам поставили ментальный блок. Этот блок имеет задачу не только ограничивать ребенка в бесконтрольном использовании стихийной силы, но и показывать его потенциал развития. Вы должны помнить, я упоминал о государственных квотах для одаренных.

– Да.

– За минувшие сто лет среди великих держав появилось слишком много посредственных владеющих даром. Их положение в обществе не позволяет нейтрализовать им Источник, при этом их средний потенциал или защищенное от воинской обязанности положение в обществе никак не влияет на обороноспособность государства. Именно поэтому, при каждом проблеске проклятого дара в детстве младенцу ставится ментальный блок, который посылает сигнал тревоги только лишь в том случае, если потенциал проклятого дара выше среднего. Каждый такой владеющий проклятым даром для государства – в перспективе ценный актив...

«Скорее всего, ценность в том, что он не принадлежащий

ни одному роду или клану», – добавил я про себя.

...поэтому имейте в виду, что вас теперь будет вести специально назначенный специалист из Третьего отдела. Успешно иницилируете Источник, закончите обучение и получите контроль над даром – полноценно станете одним из нас, одним из владеющих. Не закончите, ну что ж... как говорит глава Госсовета, *shit happens*.

– Интересный у вас глава Госсовета.

– У нас, Дмитрий Сергеевич. У нас: если вы принимаете мое предложение, вы станете гражданином Российской Конфедерации.

– А я сейчас вообще...

– Сейчас вы состоите в неполноценном гражданстве Трансатлантического Союза, частью которого является Речь Посполитая. Выйти из гражданства Российской Конфедерации вам пришлось, чтобы после переезда в Познань иметь возможность поступить в Британскую международную школу.

«Неполноценное гражданство», надо же. Картинок окружающего мира складывалось все больше, но общая картина яснее от этого не становилась. Похоже, в местных политических реалиях без усердия и с наскока точно не разобраться.

– Модест Петрович, разрешите еще вопрос.

– Задавайте.

– Вопрос, собственно, все тот же: почему мне позволили стать гражданином другой страны и почему меня не забра-

ли заранее, чтобы не устраивать ярких пожаров в городе Познань.

На этот вопрос Модест Петрович отвечать не торопился. Он очень долго смотрел мимо меня и серьезно задумался. Минут через пять я уж было подумал, что он заснул – сидел не шевелился и даже не моргал.

– Модест Петрович?

– Простите, Дмитрий Сергеевич. Видите ли, от моего ответа на вопрос – если я решу на него ответить, может зависеть ваша дальнейшая жизнь и моя карьера. Так что дайте мне еще минуту, пожалуйста.

Глаза собеседника при этих словах вновь стали практически черными, неприятными. Я отвлекать его больше не стал и прилежно ждал, пока он думал – отвечать или нет. Когда молчание затянулось и я думал, что ответа не последует, Модест Петрович все же заговорил.

– Ментальную пломбу вам ставил человек, которого уже с нами нет. Но по всем документам проходит информация, что блокировка вашего дара была совершена на таком уровне, что ваш дар просто не должен был проявиться. Еще раз: согласно документам, тайным документам, а не общедоступной дезинформации в личном деле о наличии слабой искры, ваша стихийная инициация просто не могла произойти. Ментальный блок поставлен столь мощный, что он просто не должен был быть пробит. Почему это случилось – большой вопрос. Либо ваш дар разбудили сестры Лещинские с баро-

ном Горановым во время ритуала, либо у нас насчет блокировки вашего дара просто была неверная информация. Считайте все мною сказанное секретными сведениями и ни с кем не распространяйтесь об этом.

– Понял.

– Это хорошо, что поняли. Тогда не буду вас сильно задерживать, борт в Нагасаки уже ждет.

– У меня не будет в Нагасаки проблем в связи с эхом событий из детства?

Модест Петрович, глядя на меня как змея – немигающим взглядом, глубоко вздохнул. Медленно выдохнул. Он меня что, этим напугать хочет, я не очень понял?

– Для вашего обучения школа «Аскольд» выбрана случайно. Япония – сама по себе обособленная и в некоторой степени закрытая территория, чужаки там всегда на виду. Русская же территория в городе Нагасаки – анклав в анклав. Это отдельный район на западном побережье залива, у подножия горы Инаса. Пока вы будете пытаться совладать с проклятием своего дара, в школе «Аскольд» и на русской территории вас не достанут ни Лещинские, ни Дефензива – я думаю, что леди Ядвига наверняка не оставила намерения задать вам еще несколько вопросов. Если вы будете соблюдать элементарную осторожность и не покидать границы русской территории, вы будете в безопасности. Конечно, префект Нагасаки – он до сих пор занимает свою должность, скорее всего, будет пытаться что-то сделать, но навредить вам ему бу-

дет непросто. Да и на фоне основных проблем обида главы префектуры – меньшее зло.

– Вопросы с жильем и безопасностью мне решать самостоятельно?

Снова спросил, прежде чем подумал. Ожидал взрыва, а Модест Петрович, надо же, ответил даже без недавней пантомимы со вздохами и тяжелым немигающим взглядом.

– Нет, конечно. Во всех необходимых аспектах мы вам поможем, вплоть до охраны и личных телохранителей. Я же сказал, у вас будет специально назначенный куратор от Третьего отделения. Это уже все частности, Дмитрий Сергеевич. Прямо сейчас над их решением идет работа, и по прибытии в Нагасаки вы получите всеобъемлющий инструктаж. Еще вопросы есть? – спросил Модест Петрович уже тоном, не оставляющим сомнений, что беседу пора заканчивать.

– У меня осталось очень много самых разных вопросов, но полагаю, что ваша должность не располагает к обсуждению этих частности.

– Мне нравится ваш подход к делу, Дмитрий Сергеевич.

– Спасибо за беседу, Модест Петрович.

Я поднялся и направился к выходу. Поднялся и сидевший в углу поручик Радецкий – я и забыл уже про него, а он, оказывается, все это время в кабинете был.

– Дмитрий Сергеевич, – окликнул меня от самой двери Модест Петрович. И когда я обернулся, он заговорил: – После того как вы перешагнете порог школы, уже за время обу-

чения на первом курсе вам станет известно слишком много закрытой от обычных людей информации. Даже именование homo deus, которое я недавно употребил, относится к категории секретных сведений, не подлежащих к разглашению. Несложно догадаться, что его употребление в общем инфополе строго запрещено, дабы не подогревать социальное напряжение. И полагаю, вам следует знать вот что: к вашему сожалению, абсолютное большинство всех тех, кто выбирает вариант обучения в попытке взять проклятый дар под контроль, но, не окончив его, терпит неудачу или, пройдя часть пути, принимает решение отказаться от дара... все они становятся жертвами самых разных несчастных случаев.

– Какая неприятная тенденция.

– Да уж, действительно, из разряда необъяснимо, но факт, – развел руки Модест Петрович, улыбнувшись мне на прощание крайне неприятной улыбкой. – Так что имейте это в виду, Дмитрий Сергеевич.

Глава 10

Прошло уже несколько дней в новом мире, но за эти дни окружающего нового мира я так особо и не увидел. Отдельные картинки только – как в коридорной компьютерной игре. Даже улицы Познани толком не посмотрел, очень уж быстро БМВ ехал.

Вот и сейчас, лишь глянув на небо над городом Белоцарском из-за забора воинской части, покинул его на военном грузовике. Который доставил нас на аэродром в широкой степи, где мы без задержек пересели на борт военно-транспортной авиации. Оказавшийся вполне обычной большой железной птицей, рабочей лошадкой безо всяких техномагических элементов по типу невидимости.

В огромном грузопассажирском отсеке – два КАМАЗа легко поместится, пусто. Из пассажиров – только мы с Наоми. Ни иллюминаторов, ни стюардесс, никто пристегнуть ремень не просит. Сидим как в большом пустом ангаре на скамейке.

Впрочем, это армия: количество поставленных задач должно равняться числу выполненных, а средства для их выполнения – дело третьестепенное. Дальнемагистральных бизнес-джетов в штатное расписание обеспечения транспортных потребностей 14-й бронекавалерийской бригады не завезли, так что отправляют в Нагасаки нас на том, что в

данный момент есть в наличии.

После короткого инструктажа от экипажа нас оставили в грузовом отсеке вдвоем, и Наоми крепко взяла меня за руку и доверчиво прижалась. Сестричка-лисичка сейчас находилась в полностью человеческой форме и была крайне взволнована. Ладони влажные, шикарные волосы слабо отсвечивают серебряным блеском.

Когда мы взлетали, Наоми так и сидела, держа меня за руку и крепко прижимаясь. После набора высоты, когда гул двигателей стал не таким громким, сестра чуть отодвинулась и взглядом попросила у меня разрешение приступить к приему пищи. С собой нам дали сразу три сухпайка – странно, почему три, а не два или четыре. Когда я кивнул, Наоми принялась за первый сухпак, потом смела второй и в том же темпе заточила третий.

– Рейдзи, а больше нет? – посмотрела она на меня огромными глазами, когда одни обертки и пустые картонные коробки остались.

В ответ я только головой покачал.

– Жалко. Ой-ой, а ты, наверное, тоже кушать хочешь?

– Не сильно, – покачал я головой, но в животе тут же предательски заурчало.

– Прости, я нечаянно, – смутилась Наоми.

– Не переживай, тебе нужнее.

Я ведь просто голоден, а у нее растущий организм. Тем более периодически растущий в хищное существо, так что

ей реально нужнее сейчас. Я же буду считать, что у меня сегодня лечебное голодание. Тем более вода есть – литр выпить и о голоде ненадолго можно забыть.

Наоми вскоре, забыв о смущении, уже внимательно смотрела на меня. Я видел, что ее буквально распирает вопросами. Задавать она их пока не задавала, но лететь нам точно не один час, полагаю, она меня замучает своими взглядами. Не думаю, что нас здесь могут слушать, поэтому я принял решение не откладывать разговор в долгий ящик. Снял маску ви-блокатора, показал Наоми чуть повернуться и, убрав ее шикарные густые локоны, заговорил негромко, прямо в ухо.

– Я человек из другого мира, похожего на этот. Там я жил, и там я умер совсем недавно от удара молнии. Но вместо того, чтобы попасть в ад, или куда мне суждено было попасть, я оказался в теле твоего брата во время ритуала.

Долго я думал – как еще вчера, так и уже сегодня, говорить ли ей об этом. Потом как-то вдруг понял, что ближе в этом мире человека у меня нет. Как и у нее теперь, и по здравому размышлению решил все же не держать эту тайну в себе. Тем более что странный незнакомец, который частично закрыл мои воспоминания, в отличие от Модеста Петровича на необходимость хранения секретов не напирал. Лишь советовал выбирать, кому открывать сию информацию.

«Сию информацию» – надо же, как с Модестом Петровичем пообщался, так набрался непривычных словооборотов. С другой стороны, мне уже начинает нравиться местная ма-

нера общения. Не ушла из нее прелесть старины, которая как-то придает всему происходящему удивительный шарм.

Наоми между тем, осмысливая услышанное, еще больше отстранилась, глядя на меня расширенными глазами. Понятно, что она предполагала нечто подобное – особенно учитывая ее вопрос-утверждение, что я не ее брат. Но одно дело предполагать, другое – убедиться.

Хм, а не совершил ли я ошибку?

Нет, не совершил: после того как первый шок прошел, Наоми – уже осознанно, снова взяла меня за руку и доверчиво прижалась. После этого я рассказал ей все то, о чем мы недавно вели беседу с тайным советником из Третьего отделения. Наоми выслушала молча и довольно долго раздумывала.

– Что мы будем делать дальше? – наконец спросила она.

– Учиться. Становиться сильнее. Мстить, если получится.

Потом жить, если получится.

– Мстить Лещинским? – снова отстранилась Наоми, чтобы посмотреть мне в глаза.

– Этим? Им-то за что? – даже удивился я.

– За то, что они с нами сделали.

Так, что-то я рассказал ей обо всем, а самое важное упустил. У меня, похоже, так бывает, когда ожидаю, что собеседник должен понять все то же самое, что и я из обрывочных сведений.

– Лещинские – лишь случайные встреченные на пути пре-

пятствия. Не в их сторону нужно смотреть.

– А в какую?

– Ты же знаешь, как погибли наши родители?

Сказать «наши» вместо «ваши» мне оказалось очень непросто. Но я смог.

Глаза Наоми расширились, она явно обратила внимание и на сказанное, и на то, как это было сказано.

– Да, знаю, – сглотнув и явно заволновавшись, кивнула она.

– Как думаешь, это была случайность?

– Я не... – Наоми растерянно и потерянно на меня посмотрела.

– Это первый вопрос, с которым нужно разобраться. Сейчас давай поговорим о другом. Ты помнишь, как мы росли?

Снова оказалось непросто сказать «мы» вместо «вы», но уже полегче. Наоми после вопроса едва заметно вздрогнула, но продолжала смотреть прямо.

– Да. Я помню, как мы росли, – ответила она, выделив слово «мы» и вдруг взяв меня за руку.

– Помнишь, как мы были близки и как ты делилась со мной самыми сокровенными тайнами и приходила ко мне за советом?

– Да, – придвинулась она еще ближе.

– Что произошло потом? В какой момент между нами возникла ненависть?

Ответить Наоми не смогла, а чуть погодя в серых глазах

девушки появились слезы.

– Между переездом в Познань и до момента предательства прошло больше пяти лет. Подумай, ничего тебя в воспоминаниях не смущает?

Думала Наоми довольно долго.

– Может, подскажешь?

– Твой дед и наставник, Секира Хиро.

– Сэкиро-сан, – поправила меня Наоми. – Но он и твой дед и наставник.

– Был.

– Рейдзи, я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду.

– Мне кажется, именно он эти пять с лишним лет манипулировал нами, вызывая взаимную ненависть.

– Зачем?

– Да откуда ж я знаю, зачем? – удивился я вопросу. – Это у него спросить надо!

Прошлой ночью, когда Наоми пришла ко мне в комнату и уснула рядом – так же, как делала подобное раньше в детстве, я до самого утра вспоминал и разбирал увиденные с помощью дознавательницы (надо же, оказавшейся самой настоящей принцессой) картинки воспоминаний.

Реципиент не понял бы, Наоми тоже наверняка сама не догадалась бы в ближайшее время. Да и не в ближайшее – шок от предательства пусть отдалившегося от нее, но родного брата был слишком силен. Но я, как сторонний наблюдатель, посмотрев «кино» воспоминаний, сейчас абсолютно

уверен: наставник и опекун постепенно исподволь и незаметно стравливал брата с сестрой. Действовал при этом он осторожно, манипулируя в стиле вода камень точит.

Наоми после моего предположения явно хотела было возмутиться, но потом надолго замолчала. Потом она явно начала переосмысливать отношение к вопросу. А потом до нее начало доходить, что именно произошло. Наоми пару раз шмыгнула носом, худенькие плечи девушки опустились. Она спрятала лицо в ладонях, а я придвинулся ближе и взял ее за плечи. После этого Наоми прильнула ко мне, уже рыдая навзрыд.

Я не специалист, но ей, наверное, надо сейчас выплакаться. Очень долго мы потом сидели в обнимку, даже после того, как Наоми успокоилась. Наконец отстранившись, она посмотрела на меня. Слезы давно высохли, но глаза покрасневшие, чуть припухшие.

– Ты же меня не бросишь?

Вот что странно: Наоми мне, вроде как, совершенно чужой человек. Но по факту – за столь короткое время, я ее действительно начал воспринимать как сестру. Мы в ответе за тех, кого приручили – если классику вспоминать. Я ее, конечно, не приручал, но в момент смертельной опасности мы друг другу доверили свои жизни и это нас удивительно сблизило.

Она – испугана, растеряна, предана самыми близкими людьми, если кроме реципиента считать и наставника. Я сам

– только что погибший от удара молнии, крайне удивленный происходящим вокруг. Мы словно нашли друг друга и послужили друг для друга той самой соломинкой, за которую можно уцепиться.

– Не бросишь же, да? – повторила заметно волнующаяся Наоми.

– Как я могу тебя бросить?

Наоми долго молчала, потом сглотнула ком в горле и обняла меня.

– В прошлой жизни у тебя не было сестры? – шепнула она едва слышно мне на ухо.

– Не помню. Но почему-то кажется, что нет. Ты первая, и я очень этому рад.

Наоми отстранилась, глядя на меня сквозь слезы, потом снова обняла и зашептала на ухо:

– Я думала, что мой Рейдзи – тот, что любил меня, давным-давно умер, а это не так. Ты здесь, и я очень этому рада.

Несколько часов после этого разговора мы провели в молчании. Наоми обдумывала происходящее, я периодически проваливался в дрему. Которая слетела, когда мы начали снижаться. Болтало прилично, хорошо, хоть вышедший из кабины один из членов экипажа заранее предупредил, что погодные условия непростые. Мы нервничали оттого, как самолет болтало, а мужчина из экипажа воздушного судна нервничал, глядя на меня без маски. Ну да, я же про нее забыл совсем – надел, чтобы никого больше не расстраивать.

Когда самолет тяжело приземлился, на выходе мы увидели стену ливня, идущего по взлетно-посадочной полосе волнами под порывами шквалистого ветра. Небольшая часть посадочного перрона была отсечена от ночной темноты лучами прожекторов, в свете которых появился тяжелый армейский внедорожник. Он подъехал прямо к трапу, так что мы даже почти не промокли при пересадке.

Машина отвезла нас в одно из зданий неподалеку – модульная «одноразовая» казарма военной базы, что по антуражу сразу понятно. Разительный контраст с внушительными и старыми зданиями, в которых располагался штаб 14-й бронекавалерийской бригады в Белоцарске.

Но пусть здание казармы и выглядело невнушительно, зато в светлом и теплом помещении сразу отсекло звуки дождя и завывания ветра. Это сразу вызвало у меня ассоциацию с мультиком про котенка «Гава», которому нравилось бояться грозы на продуваемом чердаке, а не в теплой уютной гостиной. Тем более что нас встретили, накормили и напоили горячим чаем. После ужина отвели в комнату – переговорную, судя по широкому столу в центре, и оставили ожидать.

Ждали совсем недолго – вскоре дверь открылась и к нам зашел худощавый невысокий молодой человек. Ну, для меня «из прошлой жизни» молодой; для меня нынешнего, которому еще семнадцати нет, это был довольно взрослый мужчина лет двадцати пяти. В руке у него – именно в руке, а не за плечом, я заметил компактный городской рюкзак, который

он как пакет нес.

– Наоми Сергеевна. Дмитрий Сергеевич, – кивками приветствовал нас гость. – Меня зовут Игорь Николаевич Велльсгаузен, официально я состою в должности куратора высше-магических учебных заведений «Аскольд» и «Паллада». С этого дня я – неофициально, ответственный за ваше обучение специалист проекта «Резервация „Восток“».

Поздоровавшись, мы сели на указанные Велльсгаузенем места, который неожиданно сделал мне дежурное предупреждение:

– Дмитрий Сергеевич, во время полета вы неоправданно долгое время находились без маски. В иной ситуации вам было бы вынесено первое желтое предупреждение, имейте в виду.

Не дожидаясь моего ответа, Велльсгаузен довольно небрежно положил на стол рюкзак и отрыл его быстрым движением. Один за другим он достал пару широких металлических браслетов со вставленными в них аквамаринами – поблескивающими голубым отсветом магии. Прямо как мои глаза во время молниеносных всполохов, тут же узнал я цвет. После из рюкзака появился прямоугольный футляр, похожий на портсигар, последними с двумя щелчками на столешницу легли два перстня.

– Дмитрий Сергеевич, говорю сейчас непосредственно про вас. Вы будете обучаться в высше-магической школе «Аскольд», где, среди прочих обучающихся, проходят курсы

контроля подобные вам владеющие проклятым даром. Перед вами блокирующие магию браслеты-негаторы, это одна из двух частей Ви-блокатора. Вторая часть – маска, уже на вас. Но если маска Ви-блокатора самонастраивается и регулируется, не гася проблески стихийной силы, то браслеты предназначены для того, чтобы отсекал вашу силу полностью. При первом посещении школы они обязательно должны быть у вас на запястьях в активном состоянии, без них вы просто не сможете попасть внутрь. После первого дня ношение браслетов будет уже регламентироваться учебной программой, указания получите от своего наставника согласно расписанию занятий.

Приподняв и показав мне браслеты, Велльсгаузен убрал их обратно в рюкзак, после чего взялся за похожий на портсигар футляр. Когда он его открыл, внутри я увидел металлическую таблетку – сантиметра три в диаметре. Как большая монета, только безо всякой гравировки, скорее на батарейку похожа.

– У вас в памяти остались знания, связанные с личным общегражданским терминалом?

– Нет.

– Ясно. Сейчас вы его наблюдаете. Блок хранения и зарядки, – показал на чехол-футляр Велльсгаузен, после чего достал из ложа таблетку: – А это, собственно, само устройство, обязательное к постоянному ношению. Давайте покажу, как активировать, – жестом попросил он меня подать руку.

Как на уроках рисования схематическую объемную модель человека штрихами рисуют, так и я сейчас выглядел, только вместо черных штрихов наблюдал горящие голубым жгуты энергетического каркаса. И на фоне них заметны тонкие фиолетовые линии, неуклонно оплетающие весь сине-голубой контур, словно ядовитый плющ.

Паутинка фиолетовых линий распространялась по всему телу, а между левым запястьем с таблеткой и намордником маски возникла явная связь. Это уже не обвивающий меня плющ – внутри левой руки я видел налившийся фиолетовой энергией силовой жгут. Который вдруг оказался порван на лоскуты – из моего тела как будто вышел, буквально вырос бесплотный дух, сотканный из голубоватого сияния. Причем это была не человеческая форма – мой дух оказался в виде вставшего на дыбы волка, словно человекообразный вервольф.

Вот она – причина «шерсти на загривке» и слышимого иногда на периферии рычания. Моему призрачному звериному Альтер-эго явно не понравилось воздействие таблетки личного терминала. И в тот момент, когда соединяющий запястье и маску жгут порвался, щупальца боли стали словно вытягиваться обратно, уходя из моего тела. Паутина ядовитого фиолетового плюща, тоже разорванная в клочья, стремительно исчезала, растворяясь.

Включились мои ум и сообразительность – я понял, что браслет автоматически начал считывать все функции мое-

го организма, интегрируясь с маской Ви-блокатора, а призрачная сущность этому воспротивилась. Причем довольно успешно: боль уже полностью пропала, а влияние браслета оказалось локализовано в запястье левой руки едва ощутимой пульсацией. Только там теперь сохранялось небольшое фиолетовое поле. После этого призрачный вервольф истончился, уменьшаясь и возвращаясь в мое тело. Сразу же я начал вновь воспринимать реальность в привычном течении времени и услышал спокойный голос Велльсгаузена:

– ...болевы́е ощущения незначительные, не переживайте, личный терминал настраивается на ваш организм, синхронизируясь со всеми биологическими процессами. – Ну вот, все готово, – закончил ровным голосом Велльсгаузен, когда на месте, куда совсем недавно была приложена таблетка, появилось темное плотное пятно в виде ровного круга. Как будто татуировка, которой шрам забили.

Растянувшиеся на долгие секунды мои болевы́е ощущения, как и призрачную фигуру человека-волка, похоже, ни Велльсгаузен, ни Наоми не заметили. Воспоминанием об этом остался только выступивший на висках холодный пот.

Мой палец все еще был приложен к таблетке, которая превратилась в уплотнение на коже. Круглое пятно вдруг засветилось голубым, и, исходя из него прямо над раскрытой ладонью – удивительное дело, появился мерцающий голубоватым отсветом экран.

– Уберите палец и сожмите руку в кулак, – произнес

Велльсгаузен.

После того как я убрал палец и сжал руку, голубоватый экран сразу исчез.

– Работает только при условии полностью раскрытой ладони, активируется отпечатком пальца. Включите снова.

После нажатия пальца вновь возник голубоватый прямоугольник. Самый настоящий наладонник, надо же, как давным-давно, во времена седой древности, смартфоны называли. Вот только этот, конечно же, выглядит не в пример технологичнее.

На экране между тем появилось отображение моего лица – собранное в схематическом виде по реперным точкам. После этого экран моргнул красным и появилась надпись о невозможности идентификации. Текст отображался мелким шрифтом, но я успел заметить упоминания «неполного гражданства» Трансатлантического Союза.

– Это временно, не волнуйтесь, – тут же произнес Велльсгаузен. – Сейчас с вашим... делом, так скажем, все происходит буквально на бегу и в авральном режиме, еще и работает сразу несколько ведомств, как имперских, так и федеральных. Когда вы окажетесь дома, ваш личный терминал уже будет активирован и вы официально станете Дмитрием Новицким, достигшим первого совершеннолетия владеющим даром гражданином Российской Конфедерации без подтвержденного рангового статуса.

– Простите, а можно на этом месте подробнее...

– У вас день рождения в сентябре, но мы переписали в личном деле и по новой легенде оно было вчера, первого июня. Так что вам официально уже есть семнадцать лет, а день рождения сможете дважды праздновать, – улыбнулся одними губами Велльсгаузен. – Предваряя возможный вопрос: жить вы будете в принадлежащем вам обоим особняке, который был куплен вашей матерью, Сати Александровой. Ныне он пустует, туда должны были отправить специалистов сделать уборку и привести дом в порядок. Также на ваш счет поступят средства с банковского счета вашей матери.

Вопрос у меня был больше про «полноправный гражданин без подтвержденного рангового статуса», но про жилье и деньги было слушать интересно.

– После того, как настроите систему управления домом, входить будете по системе распознавания. Пока вот здесь, смотрите, ключ-карта, – открыл и закрыл небольшой карман рюкзака Велльсгаузен, показывая карту доступа внутри.

– Что со средствами с банковского счета нашего отца? – спросил я, поймав его взгляд.

– У меня нет такой информации, – не моргнув глазом, выдал Велльсгаузен.

Геральт, ты, как бы это помягче сказать... говоришь неправду, – мог бы я сообщить Велльсгаузену знаменитой чуть подправленной цитатой Дийкстры, потому что ясно почувствовал в его словах ложь. Но если я ему об этом и скажу сейчас, вряд ли он признается, так что промолчал пока.

Велльсгаузен между тем продолжал как ни в чем ни бывало:

– Охраны, как таковой, официально у вас не будет – чтобы не привлекать лишнее внимание. Но без прямого присмотра вас, конечно же, никто не оставит. К сведению – сегодня ночью неподалеку от туристического парка Инасяяма, у самой границы русской территории, случились разборки сразу двух местных бандитских группировок, вылившиеся в локальные беспорядки. Наша полиция не лезет в такие разборки, местный криминал не причиняет беспокойства обычным гражданам, как было до сегодняшнего утра, когда в результате разборок пострадал случайный прохожий. Ввиду этого вчера в Нагасаки уже прибыл отдельный полуэскадрон Митавского бронекавалерийского полка, направленный на русскую территорию Нагасаки для усиления полицейской службы в ходе предстоящих профилактических мероприятий с местной организованной преступностью.

– То есть разборки местных бандитов произошли сегодня ночью, а бойцы для усиления полицейских отрядов спецназа прибыли еще вчера?

– Дмитрий Сергеевич, не обращайтесь внимания. Я же вам сказал, вокруг вашей легенды сейчас несколько ведомств работают.

– В Нагасаки прибыл случайно не отдельный полуэскадрон под командованием ротмистра Алексея Соколова?

– Уже познакомились?

– Да, он занимался моей эвакуацией из Познани.

– Ах вот как? – удивился Велльсгаузен. – Господин Соколов будет лично отвечать за вашу безопасность. Его полуэскадрон разместится на базе подготовки полицейских отрядов специального назначения, а отдельные дежурные группы в сменном графике будут постоянно находиться рядом с вами, в соседнем особняке. Кроме того, есть еще пара вариантов, которые мы сейчас прорабатываем. В ближайшее время вы о них узнаете, так что вопрос вашего обучения, как и вашей безопасности на ближайший год как минимум будет закрыт, об этом не переживайте.

– Со мной примерно понятно, а что насчет...

Договаривать не пришлось, Велльсгаузен сразу посмотрел на сестру.

– Наоми Сергеевна, с вами все гораздо проще. Вы подданная Российской Империи, обладающая даром оборотничества – подлежащего к обязательному, но безотчетному занесению в международный реестр владеющих. Мы уже встретились и побеседовали с вашим наставником, опекуном и двоюродным дедушкой господином Сэкиро Хиро. Он согласился с нашими выводами о вашем будущем и согласился на вашу подготовку к поступлению в императорскую высше-магическую гимназию «Паллада».

– А где сейчас мой опекун? – ровным голосом поинтересовалась Наоми.

– В данный момент он находится в вольном городе Кобрин, в посольстве Российской Конфедерации, дистанцион-

но занимается вопросом с увольнением со службы у князя Лещинского. Думаю, это займет у него от нескольких дней до нескольких недель. Вы не хотите его видеть? – словно что-то почувствовал Велльсгаузен.

– Просто уточнила, – ровным голосом ответила Наоми, но все же не выдержала и коротко глянула на меня.

– Хорошо, – задумчиво глядя на Наоми, кивнул Велльсгаузен.

Лично я видеть Сэкиро не хотел. Но есть желания, а есть необходимость: пытавшийся сравить нас опекун – это определенно проблема, требующая решения. Причем серьезная проблема, так как этот господин Хиро одаренный. А раз так, значит, к его прибытию нужно будет просто выдернуть к нам в дом обеспечивающих безопасность бойцов Соколова и в их присутствии вдумчиво с двоюродным дедушкой побеседовать, вдруг ему что в голову придет. Возможно, даже устроить так, что беседовать с ним без Наоми и без лишних сантиментов – тем более что мне он никто и звать его никак.

После этих мыслей я оказался в некотором смятении – от осознания, что спокойно думаю, как заставить опекуна говорить, используя неконвенционные методы. Похоже, работа с сантехникой – только лишь мое хобби, а занимался я немного другим по жизни.

Велльсгаузен между тем обернулся ко мне.

– Федералы с минуты на минуту должны наконец сделать то, что обещали сделать еще три часа назад, и вы наконец по-

лучите подтверждение гражданства. После этого вам откроется полный доступ ко всем общегражданским функциям личного терминала. Все владеющие даром – неважно, одаренные это, озаренные, одержимые или проклятые, по действующим правилам до двадцати одного года, до момента полного совершеннолетия, лишены этой возможности. Так сделано, дабы владеющие даром не избегали возможностей самостоятельного развития, это является частью образовательного процесса. Но у вас – учитывая потерю памяти, и до момента ее восстановления, доступ к общегражданскому терминалу будет полный, а также в виде исключения у вас будет свой личный фамильяр.

– Это что такое?

– Фамильяр – это настраиваемый помощник на базе искусственного интеллекта, берущий на себя в числе прочего обеспечение и контроль за исполнением рутинных бытовых функций гражданина. Оплата счетов, налогов, заказ еды и домовых расходников, составление официальных запросов, ответы и отслеживание текущей корреспонденции, и прочее, и прочее. Вы будете видеть своего фамильяра в дополненной реальности – в вашей модели ви-блокираторе реализована функция визор-проектора.

– Визор... проектора?

– Простите, Дмитрий Сергеевич, – извиняющееся улыбнулся Велльсгаузен. – Вы со своей избирательной потерей памяти иногда на лету схватываете и понимаете сложные ве-

щи, а иногда демонстрируете незнание элементарного, так что с вами сложно ориентироваться в беседе. Чтобы вы понимали: еще десять лет назад самым широко используемым способом интеграций функций личного терминала в дополненную реальность были глазные импланты. Второй по популярности способ – линзы дополненной реальности, и только на третьем, с далеким отрывом, находились очки и визор-проекторы. Сейчас же, если брать общемировые показатели, на третье место вышли маски – видом аналогичные вашей маске Цербера, со встроенным визор-проектором. Если же брать молодое поколение до двадцати трех лет в Юго-Восточной Азии, то интегрированный с маской визор уже выходит на чистое второе место, уступая только глазным имплантам. Так что имейте в виду, в ношении маски проклятого, иначе маски Цербера, общество уже не видит ничего особо страшного.

– Воу.

– Да, интересная тенденция, – согласился со мной Велльсгаузен.

Мое «воу», правда, относилось больше к глазным имплантам. Нет, я понимаю – зуб, но глаз себе заменить на искусственный? Хотя все бойцы, которые меня освободили в Познани, были именно с такими – здесь, в этом мире, похоже, это в порядке вещей. Кроме того, в памяти всплыли слова Модеста Петровича, который равнял одной планкой боевые возможности Наоми как оборотня и среднего, усилен-

ного имплантатами и аугментациями бойца. Какой удивительный новый мир.

– ...Способ общения с фамильяром первично голосовой, но ваша маска ви-блокатор техномагическая, так что после некоторой тренировки в общении с фамильяром вам будет доступна мыслеречь.

Ах, какое удивительное дело – мысленно выдал я. Хотел покрепче словом и эмоцией выразиться, но сдержался.

– Воу, – только и произнес я снова.

– Не могу не согласиться, – кивнул Велльсгаузен. – Техномагические функции личного терминала в связке с фамильяром искусственного интеллекта совсем недавно появились в общем обиходе, и это удивительно даже для меня, хотя в отличие от вас я не терял памяти. Прогресс не стоит на месте, – пожал плечами Велльсгаузен, после чего показал на столешницу: – Ну и последнее, ваши перстни.

– Тоже техномагия?

– Нет, просто магия, – усмехнулся собеседник. – У каждого владеющего даром есть свой личный перстень, так же как у каждого гражданина – свой личный терминал. Вы оба уже прошли стихийную активацию силы, и относительно скоро каждого из вас ждет ритуал инициации Источника. После инициации и после создания филактерия души эти перстни станут неотъемлемой частью вашего тела и души. Вижу-вижу, у вас много вопросов, но это широкая тема, узнаете обо всем в свое время.

– А как быть с удостоверениями личности?

– Вам они не нужны.

– Почему?

– Вы оба уже состоите в реестре владеющих даром Российской Конфедерации. Дополненная реальность сотрудников полицейских служб и надзорных органов Конфедерации не будет отображать ваших персональных данных, но наличие записей в реестре покажет, для идентификации и подтверждения сословных прав этого везде будет достаточно.

– Простите, вы сказали... сословные права?

– Да. Вы оба – владеющие, и вы неподсудны законам общей юрисдикции Российской Конфедерации. Ни одна автоматическая система слежения не будет показывать в записи ваше лицо, вместо него будет лишь размытое пятно. Также ни одна система идентификации любого гражданина в дополненной реальности не покажет о вас даже полицейским никаких сведений, кроме принадлежности к владеющим даром.

Вот это неожиданно. Новый мир выглядит все чудесатее и чудесатее.

В этот момент раздался звук оповещения. Велльсгаузен отвлекся, достал небольшой планшет и, глянув на меня, кивнул:

– Наконец-то от федералов пришло подтверждение о подтверждении вашего гражданства. Проверьте, пожалуйста.

Когда я приложил палец к темному кружку на запястье,

увидел загоревшийся на ладони проекции текст сообщения о том, что мне открыт доступ в личную директорию гражданина Российской Федерации. Надо же, наконец-то. На экране между тем высветилось безальтернативное – без возможности иных функций, предложение в первую очередь настроить управляющего-фамильяра.

Глядя на экран на ладони, я вдруг ярко почувствовал чужое удивление и даже смятение. Подняв взгляд, увидел, как Велльсгаузен крайне озадаченно смотрит в свой планшет. Увиденное его явно озадачило. А я ведь знаю, что его там озадачило: таблетка личного терминала ведь не синхронизировалась и не интегрировалась с маской и моим энергетическим каркасом должным образом.

Похоже, сопряжение маски Ви-блокатора и таблетки личного терминала должна была обеспечить полный... если не контроль, то хотя бы отслеживание меня и функций моего организма. Очень уж ядовитый плющ фиолетовой паутины плотно мой энергетический каркас оплетал. Но, парам-пам-пам, ничего у ребят не сработало.

Я-то знал, почему так произошло, помнил холодный пот на висках и появление призрачного Альтер-эго, а вот собеседник об этом даже не догадывался. Велльсгаузен явно находился в раздумьях. Наверняка думал, что делать: или продолжать беседу как ни в чем не бывало, или же менять мне таблетку терминала.

В принципе, желание полностью отслеживать мою персо-

ну, местонахождение и состояние понятно. Я – дитя отторгнутых высшим обществом родителей, последние годы прожил в Польше. Что у меня на уме, никому не ведомо – может, меня завербовали и перевербовали уже несколько раз.

Каждый владеющий даром – это актив государства, а меня, похоже, потенциалом, судя по движению вокруг, и вовсе можно сравнить с ядерной бомбой, причем это сравнение определенно не будет далеко от истины. Только вот этой потенциальной ядерной бомбе – обеспечивающей в перспективе защитный паритет государства, предстоит учиться в школе и ходить по обычным улицам.

Ясен красен государевы люди хотят такую ходячую «бомбу» максимально контролировать. Нет, понятно, что я – старый-новый я, пусть даже без памяти, не могу себе представить жизнь во вред российскому государству, в любой его ипостаси, тем более выступать на стороне противников. Но ведь Третье отделение сейчас не со мной имеет дело, а с Дмитрием Новицким с определенным анамнезом, и что по нему в отчетах аналитиков – мне неизвестно.

В серьезных организациях даже на воду обычно дуют: «Сегодня он танцует джаз, а завтра Родину продаст». Реципиент же вообще недавно сестру родную продал, понятно, что с таким раскладом благонадежным он точно числиться не будет.

И мне сейчас было крайне интересно, что предпримет Велльсгаузен. Похоже, наш куратор принял решение делать

вид, что ничего не произошло – наконец-то он справился с замешательством.

– Если вы положите палец на нижний край экрана и поведете вверх, увидите функцию экстренного вызова. В стандартном личном терминале эта функция связывает вас с экстренными службами, для вас же ее активация будет означать отправку сигнала бедствия отряду ротмистра Соколова. Имейте это в виду и используйте данную функцию в экстренных ситуациях. Так, Дмитрий Сергеевич, – сменил вдруг резко тон Велльсгаузен. – Все работает, пора заканчивать нашу беседу. Да-да, я понимаю, что у вас много вопросов, особенно учитывая обстоятельства, но на эти вопросы вам ответит личный фамильяр, после того как вы его настроите – уровень доступа у него самый высокий. Теперь разрешите мне проводить вас обоих до машины. Полагаю, вы утомились с дороги и вам необходимо отдохнуть, как можно скорее оказавшись дома.

А четко он все сделал: похоже, наш столь резко сворачивающий беседу куратор решил перенаправить вопрос неправильно настроившегося терминала как можно скорее от себя. Правильно делает – в любой корпоративной разборке кто последний в цепочке писем на момент поступления проблемы к самому главному, тот и виноват. Вот только у Велльсгаузена свои интересы, у меня свои, так что сразу заканчивать беседу я пока был не готов. Тем более что этот господин темнотой взгляда не пугает, как недавно Модест Петрович.

– Игорь Николаевич, у меня есть пара вопросов, на которые фамильяр вряд ли ответит.

– Хорошо, спрашивайте, – Велльсгаузен собой владел отлично и недовольства не показал. Но я все равно почувствовал.

– Во время рассказа вы допустили две ремарки, на которые я обратил внимание. Говоря про мое обучение в школе Аскольд, вы сказали, что я как владеющий проклятым даром буду находиться в стенах школы «среди прочих обучающихся». Хотелось бы узнать подробнее, что это за «прочие». Кроме того, рассказывая о маске, ограничивающей меня в использовании силы, вы упомянули, что в ее ношении в обществе нет предубеждений, используя словооборот «ничего особо страшного». Так вот хотелось бы узнать, что означает слово «особо». Какие подводные камни, так скажем, несет в себе режим постоянного ношения маски. Да, третий вопрос: мне ее постоянно носить, даже дома, снимая только для приема пищи?

Велльсгаузен после моих вопросов едва заметно вздохнул. Да, память у меня хорошая и значимые мелькнувшие в разговоре мелочи я запомнил.

– По поводу постоянного ношения. В некоторых общественных местах вы должны, в некоторых не обязаны появляться в маске, у фамильяра уточните. Если вы без маски не совладаете с даром, вас привлекут к ответственности соразмерно нанесенному ущербу, и с большой долей вероятности

будет принято решение о гашении вашего Источника с понижением сословного статуса. Если вы не совладаете с даром на своей земле, у себя дома, дело ваше. Разбирательство будет только лишь в случае, если повреждения получит что-то за забором вашей личной территории. Насчет приема пищи – это сложный вопрос. Вы должны понимать, что поход в ресторан – это риск, который может перечеркнуть вашу судьбу. Закон суров, но это закон.

Хм, а вот про походы в ресторан я даже не подумал. Однако.

– По остальному: во время обучения в высше-магических учебных заведениях, я сейчас говорю о системе образования в целом, не получается избежать самых разных эксцессов. С первого года обучения действуют положения Дуэльного кодекса, но не все конфликты разрешаются дуэлями. Кроме того, есть проступки или деяния, которые ставят некоторых из обучающихся на грань нейтрализации Источника и лишения дара. Школа Аскольд является не только местом обучения тех, кто проклят даром, но является и школой последнего шанса, куда после самых разных дисциплинарных взысканий отправляют провинившихся учеников из других высше-магических заведений.

Ух ты. Теперь я начал понимать, что сказанное не так давно Модестом Петровичем «плохая школа» может быть мною недооценено. Но не успел я это даже обдумать, как Велльсгаузен продолжил жечь новыми для меня знаниями.

– И последний смутивший вас момент. Старая аристократия, как и Новая знать – в подавляющем своем большинстве уже к концу двадцатого века состояли из владеющих. Дар владения передается по крови, но для того чтобы гарантированно получить одаренного ребенка, прибегают к генетической коррекции. Тех, кто рожден без оной, условно считают чистыми одаренными. Тех, кто подвергнут генетической коррекции, чистыми не считают. Заклинаю вас не использовать в обиходе слово «грязный», это моментально может стать поводом для дуэли. Вы, как проклятый, технически являетесь чистым одаренным, но учитывая процент тех, кто не может совладать с полученным даром...

Велльсгаузен едва заметно дернул уголком губ. Похоже, из-за отказа личного терминала он серьезно отвлекся и сейчас немного поплыл, невольно выдав мне закрытую информацию. Потому что, судя по его эмоциям, оговорка про «процент» определенно явно в список разрешенной мне информации не входила.

– ...сами понимаете, отношение высоких сословий к вам будет далеко от отношения к равному. Понятно, что прямо вы вряд ли об этом услышите, но если в обычных общественных местах ваша маска не будет привлекать никакого внимания, то в местах сбора владеющих, придерживающихся старых традиций, в большинстве случаев это мероприятия под императорской эгидой, вам может оказаться несколько неуютно.

Какая прекрасная перспектива. Впрочем, на фоне случайно оброненной фразы про «процент» выглядела она теперь не так уж и страшно. Потому что, похоже, у меня есть более серьезная проблема.

– Игорь Николаевич, последний вопрос. Каков процент тех, кто не может совладать с полученным даром?

Велльсгаузен тяжело вздохнул.

– Он довольно высок, Дмитрий Сергеевич.

– Игорь Николаевич. Вы же понимаете, что я теперь спать и кушать не смогу, пока не узнаю точно, сколько составляет этот неприятный процент. Буду ходить и спрашивать каждого встречного.

– Полностью берут под контроль свое проклятье даром чуть больше десяти процентов владеющих, – отлично поняв намеки, принял решение все же сообщить мне неприятную правду Велльсгаузен. – Прошу об этом не распространяться.

– Конечно, можете быть уверены. Спасибо за откровенность, Игорь Николаевич.

Чуть больше десяти процентов, дальше идет только каждый десятый. Ну, могло быть и хуже – попытался я ободрить сам себя. Не очень получилось, но я хотя бы пытался. Так-так-так, стоп. В голове из неясных недосказанностей сформировалась картинка, и родился еще один вопрос:

– Игорь Николаевич, а потенциальный порог развития как-то соотносится с невозможностью совладать с полученным даром?

Отвечать Велльсгаузен не стал. Я же продолжил, уже понимая, почему именно он хранит молчание.

– Я же правильно понимаю, что величина потенциала проклятого дара относится к проценту его успешного освоения в обратной пропорции?

Отвечать Велльсгаузен снова не стал. Смотрел прямо, при этом сидел уже как на иголках – понятно, что за сегодняшнюю беседу ему хорошую оценку работы не поставят. Меня, впрочем, на фоне нового знания все это совсем не утешало.

Как сказал Модест Петрович, мой потенциал невероятно высок, что является невиданным ранее случаем. И получается, что мой расчетный процент успешного освоения дара совсем не десять озвученных единиц, а как бы даже не стремится к околонулевым значениям.

Наоми вдруг тронула меня за руку. Посмотрев на сестру, я увидел в ее глазах волнение. Она явно не поняла, что с чем как относится и почему, но зато отлично поняла, что дело дрянь. Я натянул на лицо улыбку и подмигнул ей.

Прорвемся. Не ради себя, так ради нее.

– Дмитрий Сергеевич, машина вас уже ждет, – не упустил возможности все же закончить ставшую крайне неприятной для него беседу Велльсгаузен.

Глава 11

По прошлой жизни знаю, что Нагасаки находится на берегах живописной бухты среди гор, но сейчас посмотреть и насладиться красотами не удалось. Темно за окном, стекла в потеках воды, и только фонари дорогу впереди едва расцветивают.

Ехали мы чуть больше получаса, после чего машина пересекла КПП, судя по надписям указателей, перекрывающее въезд на русскую территорию. Сразу после КПП машина свернула, заезжая в здание автомойки. Здесь, в пустом сухом закрытом помещении, нас ожидало городское желтое такси. Беспилотное, надо же – причем никто из сопровождающих вместе с нами в машину не сел, только двери вежливо придержали.

Оказавшись в салоне, я растерялся – если честно, не представлял, что дальше делать надо.

– Доброй ночи. Назовите, пожалуйста, адрес или адреса маршрута, – раздался вдруг приятный женский голос. Гораздо более приятный, чем оповещавшая меня «Увага» совсем недавно.

– Улица Адмирала Путятина, дом сорок три, – сказала Наоми.

Голос звонкий, чуть дрожит. Она снова держала меня за руку и явно волновалась. Понятно почему – промежуточный

этап эвакуации закончился и мы окончательно едем в новую жизнь.

Дежурный женский голос после подтверждения адреса сообщил о нашей обязанности пристегнуться. На лобовом стекле отобразилась общая карта города и наш маршрут, после чего машина аккуратно выехала с территории мойки и повезла нас в старый-новый дом.

Еще во время проезда КПП ливень понемногу начал стихать, а когда мы заехали в городские кварталы русской территории, дождик уже еле-еле моросил. Так что я с интересом вглядывался в темноту за окном, в которой уже можно было что-то разглядеть. Впрочем, несмотря на то что ливень закончился, из окна мало что видно – узкие улочки, высокие и не всегда аккуратные заборы, за которыми частично видны нагромождения домов. Архитектура чем-то похожа на средиземноморскую.

Чем дальше мы поднимались по склону горы Инасы, отдаляясь от побережья, тем больше зелени было вокруг, тем дороже выглядели строения за окном. Похоже, в престижный район заехали. Заборы стали аккуратнее, асфальт во многих местах заменила тротуарная плитка, здания все больше в единообразном стиле хайтек – царство стекла и бетона.

Стрелка на проекции карты на лобовом стекле неумолимо приближалась к точке финиша, и вскоре приятный женский голос сообщил, что мы достигли места назначения. Машина остановилась, поползли вверх двери, выпуская нас на улицу.

Едва вышли, как такси сразу уехало, оставив нас с Наоми вдвоем на пустынной улочке перед воротами особняка.

В воздухе свежесть после дождя, дышится легко. На востоке, с другой стороны бухты залива, уже рождается розовое сияние рассвета. Здесь, в стране восходящего солнца, ощущается оно немного иначе – по крайней мере, когда в первый раз на такое смотришь.

К воротам мы, не сговариваясь, пока так и не подходили. Не были здесь больше пяти лет и пока просто привыкали, осматриваясь. Наоми наверняка пыталась освежить воспоминания, я же просто оглядывался по сторонам. Это мы удачно припарковались – наконец сформировал собственное впечатление. Мне нравился район, нравился наш старый-новый дом, виднеющийся за забором.

Налюбовавшись вдоволь, решил, что пора и в дом идти. Но вообще, конечно, как-то через неправильное место все происходит: куратор Велльсгаузен нас покинул, рядом никого нет. Если я по потенциалу равен ядерной бомбе, то оставлять меня вот так одного на обочине довольно странно. Еще куча вопросов в голове роится: как обживаться, как разбираться с личным терминалом. Понятно, что есть какой-то фамилльяр, который ответит на все вопросы, но блин. Да банально зубную щетку мне сейчас где достать? Ни одного магазина поблизости не наблюдаю. Ладно – сначала, наверное, надо в дом зайти. Там разберемся.

Вот с «зайти» вышел облом – ключ-карта, которую нам

выдал Велльсгаузен, к двери не подошла. На калитке здесь стоял электронный замок, который квакнул неприятным сигналом, сопровождаемым красным миганием небольшой лампочки.

– Может, он нам не ту карту выдал? – обернулся я к Наоми. Сестра в ответ только удивленно пожала плечами.

Я в расстроенных чувствах издал дребезжащий звук губами. Хорошо, дождь кончился, так бы даже не знаю, что подливнем делали. Сейчас уже с неба не льет, можно спокойно все обдумать. Может, доступа нет, потому что фамильяр пока не настроен, а личный кабинет не активирован? Скорее всего. Настроить здесь фамильяра? Велльсгаузен вроде намекал, что это небыстрая процедура. Да и на улице заниматься этим как-то... черт знает. Мне мое ментальное пожилое здоровье банально не позволит.

Отошел на несколько шагов от калитки. Забор вокруг особняка не слишком высокий, метра два с кепкой. На заборе табличка, на русском: «Улица Адмирала Путянина, дом 43». Снизу – мелким шрифтом, дублировано на японском. Адрес тот же самый, ошибки быть не может.

– Ты дом узнаешь? – повернулся я к Наоми.

– Ну да.

И вот что сейчас делать?

У меня есть возможность вызвать экстренную помощь. Вот только, наверное, неработающий замок на калитке не повод вызывать сносящую целые городские кварталы кавал-

лерию. Вспомнив море огня в Познани, я хмыкнул: ох, не просто так полуэскадрон митавских бронекавалеристов сюда поехал. Думаю, наказание это для ротмистра Соколова, ссылка за яркое выступление. А если я еще их начну дергать по разным пустякам, любви ко мне скорее всего не прибавится.

Ладно, вряд ли нас привезли не в Нагасаки, а в другой город, где на горе есть похожий на наш дом на улице Адмирала Путятин. В общем, кавалерию из-за холмов звать не стали. Банально перелезли через забор – причем если я немного напрягся, то Наоми сделала это легко, с хищной грацией. Не приближаясь даже к порогу превращения – похоже, у нее и так ловкость на максималках, как у гимнастки.

Спрыгнув с забора, во дворе дома задержались. Наоми с радостным возгласом пробежала под раскидистое дерево.

– Это точно-точно наш дом! – сообщила мне Наоми с грустной радостью, уже раскачиваясь на качелях, которые я не сразу заметил.

Пока она качалась, я избавился от маски Ви-блокатора. Это наш дом, я на своей территории, так что пора уже, пора намордник этот снимать. Маску убрал в рюкзак и смотрел, как Наоми катается на качелях, явно вспоминая детство. Когда она спрыгнула и подошла ближе, в глазах у нее стояли слезы.

Входная дверь в дом была закрыта. Когда я приложил карточку к электронному замку, вновь раздалось неприятное

механическое кваканье. Ну, ожидаемо. В дом мы по итогу конечно же зашли. Я, наверное, не только в сантехнике разбирался – просто отжал раму стеклопакета за несколько секунд, гораздо дольше искал по двору, чем это сделать.

Едва забравшись через окно в холл первого этажа, первым делом разблокировал замок с панели управления (сигнализации не нашел) и только после включил свет, осматриваясь. Дом не в японском стиле – с разбивкой комнат в размер татами и бумажными стенами-перегородками. Стиль совершенно европейский: большой холл, камин даже, в проеме дверей видна немаленькая кухня, наверху галерея второго этажа.

Так, а вот это интересно – оценил я взглядом общую атмосферу. Велльсгаузен говорил, что сюда были или будут отправлены сотрудники для уборки. Да, в доме было чисто, но слишком уж «обитаемо». Несмотря на идеальный порядок. Окружение буквально кричит, пусть и ненавязчиво, что в доме живут. Сестричка-лисичка, кстати, тоже уже подозрительно повела носом.

– Здесь кто-то есть, – сообщила Наоми.

– Хэлоу! Кто-нибудь дома? – закричал я. Получилось так громко и неожиданно, что Наоми аж вздрогнула и шикнула на меня. Я только плечами пожал извиняющеесяся.

На мой возглас никто не откликнулся.

Осматриваясь по сторонам, мы поднялись на второй этаж. Здесь, в большой комнате-гостиной с панорамным окном и выходом на террасу, уже обнаружили явные следы других

людей. В полумраке видно, что на низком столике в углу несколько пустых бокалов, полупустая бутылка вина, блюдо с подъеденными закусками.

Когда Наоми включила свет, неожиданно заработала и плазменная панель во всю стену. Включился круглосуточный музыкальный канал, причем панель оказалась с 3D-эффектом: словно портал открылся на сцену, визуально увеличивая помещение.

Загремела музыка, комнату заполнили пронзительные крики девичьей группы. Нечто похожее на кей-поп – и по ритму, и по сценическим образам. Правда у двоих из четверки девичьей команды определенно европейские черты лица. Похоже, местный русско-азиатский колорит.

Орали девочки, кстати, ну очень громко – а звук еще объемный, прямо эффект присутствия по ушам долбит. Наверное, если включить функции дополненной реальности в личном терминале, с ними рядом еще и потанцевать можно будет – мелькнула мысль.

Пока вместе с Наоми искали пульт, нашли на диване вечернее платье, которое явно вчера снималось в спешке, так что было далеко отброшено. Кроме того, на глаза попались элементы чарующего образа: один чулок и ажурный бюстгальтер.

Когда Наоми наконец нашла пульт и выключила «телевизор», в наступившей тишине послушался звук щелкнувшего замка. Обернулись мы синхронно и увидели, что одна из

дверей в дальней части гостиной распахнулась.

На пороге спальни появился заспанный мужчина в наброшенном халате. Довольно приметно выглядящий: невысокого роста и такого плотного телосложения, что из полураспахнутого халата брюшко выглядывает. Но самым главным в его образе были, конечно, пышные бакенбарды.

– Вы кто такие? – удивленно поинтересовался мужчина.

Когда он заговорил, так поразившие меня бакенбарды забавно зашевелились. Ему в гражданском мундире чиновника за трибуной стоять и говорить – самое то.

– Это вы кто такой? – звонким голосом спросила Наоми.

Судя по голосу, от увиденного она уже начала злиться. У нее не было сомнений, что этот дом – наш; и присутствие здесь странного гостя сестра восприняла по-живому. Я был более спокоен – у меня нет памяти реципиента и нет привязанности к этому дому. Но все равно неприятно.

– Нет, это вы кто такие и что здесь делаете?! – снова зашевелились бакенбарды.

Наоми едва слышно зашипела, явно злясь. Мне сходу на конфликт идти не хотелось, тем более я без маски, вдруг все в крови как в больничной палате будет, отмывай потом. Да и черт его знает, что за человек перед нами.

Вдруг ошибка какая – например, этот дом был продан, а перед нами его законный владелец? К тому же только что заметил в руке у господина с бакенбардами пистолет – прикрытый как раз полый халата. На нас он пока оружие не на-

правлял, но пистолет в любой беседе – весомый аргумент, так что градус беседы повышать совсем расхотелось.

– Доброе утро. Меня зовут Дмитрий Новицкий, это моя сестра Наоми. Мы совладельцы этого дома, ранее принадлежавшего нашей матери Сати Александровой, прибыли сюда после долгого отсутствия. Теперь в свою очередь ждем от вас ответа, кто вы и что вы здесь делаете. Будьте так любезны.

– А-а-ауп, – открыл и закрыл рот мужчина с бакенбардами.

– Паша, да кто это там? – послышался вдруг заспанный раздраженный женский голос.

Владелец бакенбард вздрогнул – то ли от громкого голоса невидимой мне пока женщины, то ли не только от него. Так, судя по реакции, пассажир здесь левый, глазки забегали. В своем доме – тем более с пистолетом в руке, я бы так себя вести не стал. Да и никто бы не стал, думаю.

– Мы... арендаторы. Мы арендуем этот дом, и я узнаю, как и почему получилось...

– Паша! – еще раз раздался крик невидимой дамы.

– Я буду жаловаться и разбираться, как так...

Про арендаторов залипуха – я это явно ощутил. К тому же «Паша» начал путаться в показаниях, а его пышные бакенбарды как-то даже поникли.

– Рейдзи, можно я ему втащу? Можно-можно? – вдруг негромко, умоляющим голосом попросила Наоми.

Сестрица-кицуне сложила ладони у груди в просящем же-

сте, смотрит ясным невинным взглядом огромных глаз, пару раз взмахнув ресницами. Оружия в руке господина с бакенбардами она явно не боялась, причем совсем. Не знаю, что это: уверенность в своих силах, или максимализм юношеского бессмертия, или же некие неизвестные мне факторы, связанные с нашим сословным статусом владеющих. Последнее подтверждало то, что «Паша» с бакенбардами нас определенно боялся, это было заметно.

– Тихо, тихо, без насилия, – также негромко ответил я Наоми и повернулся к «Паше-бакенбардам»: – Уважаемый, я все же хотел бы услышать ответ на свой вопрос. Повторяю: кто вы и что делаете в нашем доме?

– Мы уже уходим. Сейчас, пожалуйста, дайте нам буквально минут... – обернулся обладатель шикарных бакенбард к двери спальни комнаты.

Но едва обернулся, как отшатнулся – на пороге возникла дама в небрежно накинутом шелковом халате. Очень, надо сказать, интересная женщина – на голову выше кавалера, с длинными, рассыпавшимися по плечам волосами.

Пушистые бакенбарды сразу потеряли мое внимание – незнакомка обладала просто шикарными формами, которые халатик в общем-то практически и не скрывал, только подчеркивая. Лет ей было, может быть, далеко за тридцать, но выглядела она – на мой взгляд, просто бомбезно.

Впрочем, несмотря на сногшибательную внешность, манеры в ее воспитание не завезли. Едва дама открыла рот, как

на нас полился поток отборной брани и весь приятный шарм слетел с нее как скатерть со стола вместе с посудой. Среди визгливо-истеричных ругательств послышались и угрозы полицией, которая уже сюда едет.

Судя по истеричным выкрикам, дама приняла нас или за незадачливых воришек, или за ищущую уединения любовную парочку, забравшуюся в дом.

– Рейдзи, можно я хотя бы этой женщине втащу? – снова изобразила просящую пантомиму Наоми, обращаясь ко мне. – Ну пожа-пожа-пожалуйста!

– Ты кого женщиной назвала, пигалица! – взвизгнула вдруг дама, у которой оказался прекрасный слух.

Одновременно с криком она, широко размахивая руками, двинулась в нашу сторону. Я при этом несколько растерялся. Во-первых, взмахи рук распахнули халат, открывая взгляд на немалого размера подпрыгивающие полушария. Во-вторых, я слегка заволновался насчет Наоми – судя по всему, дама собиралась схватить ее за волосы. И только вознамерился как-то предотвратить (прежде надо было отвести взгляд от груди дамы), как все быстро решилось.

Волноваться за сестру совершенно не стоило – фотографической вспышкой она вдруг переместилась вперед на пару метров. Оказавшись почти вплотную, Наоми перехватила руку хабалистой дамы и изящно развернулась, пропуская ее мимо себя. Сразу после, продолжая движение, она дернула даму за руку, разворачивая к себе лицом, и, едва лишь отпу-

стив руку, продемонстрировала удивительной красоты удар ногой в очередном развороте.

Похоже, на домашнем обучении дедушка Сэкиро вместе с Наоми времени не терял. Он не только умело взрастил в нас ненависть, но и научил девушку действовать эффективно и эффективно.

Наоми, кстати, даже не ударила. Это больше был толчок – ее ступня уперлась между грудей удивленной дамы, и распрямившаяся нога отправила ее дальше и дальше спиной вперед по ходу движения. Причем так сильно и резко, что хабалистая дама устремилась в полет пущенным пращей камнем. Только пояс халатика мягко опал на пол в том месте, где она только что находилась.

Вот это айкидо явно сильнее всего вашего кун-фу, – только и подумал я ошарашенно. Без магии, впрочем, здесь не обошлось – я только сейчас отметил, что за движением ноги Наоми последовал едва видный серебряный росчерк. Причем с магией вышел даже, на мой взгляд, перебор: незваная и невоспитанная гостья, которая раза в три тяжелее тонкой и хрупкой Наоми, просто улетела прочь – покинув дом через широкий проем выхода на террасу.

– Пашааа-а-а-ааа! – вынесло вместе с дамой на улицу ее протяжный крик.

Оказавшись за пределами дома в свободном полете, дама еще продолжала кричать. Недолго – протяжный вопль отсекло сразу после глухого удара, ознаменовавшего призем-

ление. Несколько секунд тишины, после чего со двора раздался громкий подвывающий стон боли.

– Вот это приколы! – не сдержался я, комментируя столь необычный способ проводить гостей из дома.

Посмотрев вслед улетевшей даме, еще замечая в воздухе отблеск серебряного росчерка, я перевел взгляд на Пашу-бакенбарды. Тот, судя по виду, был крайне ошарашен и взволнован. Пистолет опущен, но черт его знает, что у него теперь на уме, после такого яркого перформанса.

– Пашааа-а-а-а, – вновь раздался стон с улицы, уже осмысленный.

Так, похоже, самое время для кавалерии – опустил я взгляд на давно активированный экран на ладони и подтвердил экстренный вызов. После чего показал гостю с бакенбардами раскрытую ладонь, где на проекции личного терминала высветилось красным сообщение о приеме вызова.

– Уважаемый, я тоже вызвал полицию. Во избежание лишней эскалации, уберите, пожалуйста, пистолет, – вежливо попросил я.

– А? Да-да, сейчас... – замялся он, явно только сейчас вспомнив, что у него оружие в руках. После чего попятился и положил пистолет на тумбочку.

– Вот так лучше. Пока мы ждем кавалерию из-за холмов, не возражаете, если...

Договорить я не успел. Раздался грохот, и с брызгами стекла – разваливая мансардные окна, сверху в гостиную

влетели сразу несколько человек в полной броне и в шлемах с закрытыми зеркальными забралами. Из знаков различий только круглые шевроны с желтой эмблемой на груди.

– Никому не двигаться, всем оставаться на своих местах! – раздался голос с небес, явно усиленный громкоговорителями.

Вместе с выбитыми стеклами в помещение пришла свежесть улицы и свет прожекторов зависшей прямо над домом летающей машины. А я вдруг понял, что вижу все в голубоватой подсветке – как будто синий цвет на максималку выкрутили.

Летели в замедленном отображении стекла, время замедлилось. Упавшие с неба четверо бойцов держали на прицеле нас с Наоми, а один из них уже был рядом с девушкой – пытаюсь схватить так, чтобы ей было удобнее как можно быстрее лечь лицом в пол и убрать руки за спину.

Мне такой подход категорически не понравился, аж шерсть на загривке поднялась, а на периферии зрения всполохи молний замелькали. Наоми тоже такое обращение терпеть не собиралась – она уже начала превращение. При чем двигалась теперь не вспышками фотографичными, а я наблюдал ее в реальном времени. Похоже, проснувшаяся магия ускорила меня до ее скорости.

Черты лица сестры уже исказились, когти становились длиннее, руки превращались в лапы, а длинные шикарные волосы сливались в жидкое серебро, обтекая тонкий стан.

Мелькнуло серебристой молнией, и попытавшийся схватить Наоми боец отлетел, держась за обрубок руки, из которого хлестала кровь. Броня никак не стала помехой для когтей-кинжалов Наоми, которая уже в прыжке стелилась ко второму бойцу.

Стоящий ближе ко мне повел стволом оружия следом за сестрой, дуло расцвело вспышками. Медленно-медленно в моем восприятии полетели веером гильзы – одна из них едва не попала мне в лицо: я уже был рядом. Боец в черном среагировать не успел. Он только начал оборачиваться, а я уже ударил – и в момент удара вокруг моего кулака появились клинки-молнии. Они легко вспороли броню стреляющего в Наоми бойца, и он покатился по полу.

Я мельком успел увидеть, как широкую прореху в броне почти мгновенно залил голубовато-зеленый гель, останавливая кровотечение. Такой же гель пенился, вместе с кровавыми пузырями, на обрубке руки первого атакованного Наоми бойца. Третий прилетевший с неба уже летел прочь, в сторону проема выхода на террасу. Не попал – ударился в стену затылком и частью спины, после чего его закрутило, и он все же вылетел на улицу, вращаясь как кегля. Наоми, кстати, отлетела в другую от него сторону – черт знает, что у них там произошло за эти мгновения, но их реально раскидало.

Останавливая скольжение, превратившаяся в хищную лилицу сестра впиалась когтями в пол, оставляя широкие рваные борозды. Сверху в этот момент снова раздался грохот

и сразу же расцвела вспышка взрыва. Зависший над домом массивный летающий аппарат, из которого только что десантировалась четверка черных бойцов, просто смело. Он исчез из поля зрения, а уже через пару мгновений раздался грохот падения в соседнем дворе.

В помещении сразу же появились новые действующие лица – прозрачные силуэты, словно сотканые из марева в жаркий день. Бронекостюмы с технологией невидимости – догадался я. Они двигались со скоростью, сопоставимой с моей и Наоми – двое залетели на второй этаж по лестнице, а двое прошли через выбитые мансардные окна. К счастью, призраки были на нашей стороне – как раз сейчас один из них ударом ноги оприходовал четвертого бойца в черной броне.

Удар оказался настолько силен, что тот пролетел через всю комнату и врезался в центр плазменной панели. И полетел дальше, оставив широкую искрящуюся дыру в стене. Один из новоприбывших вдруг отключил пелену невидимости, поднимая забрало.

– Свои-свои-свои! – кричал он, выставив в нашу с Наоми сторону открытую ладонь в перчатке брони.

– Наоми, стой! – закричал я в свою очередь, узнав ротмистра Соколова, глаза которого сейчас ярко горели зеленым отблеском.

Наоми послушалась и замерла. На несколько секунд воцарилась тишина, которую нарушало только потрескивание со стороны искрящейся плазменной панели.

– Пашааа-а-а-а, – снова раздался со двора полный боли стон.

Да, кстати, а что там с Павлом? – огляделся я. Надо же – чудом уцелевший и никем не тронутый обладатель таких шикарных, но сейчас поникших бакенбард стоял в центре комнаты с закрытыми глазами.

Похоже, что молится.

А если он не молится, то ему, ска, стоило бы начать это делать.

– Что? – спросила меня Наоми.

Упс, я это вслух сказал?

Раздолбанную со всех сторон гостиную вдруг ярко расцветили синие отблески – к нашему дому снижалось сразу несколько конвертопланов, высвечивая разбитые окна прожекторами и повторяя речитативом о необходимости оставаться в неподвижности и не оказывать сопротивления.

Да, это мы неплохо так припарковались, – вспомнил я свой позитивный настрой еще буквально пару минут назад.

Глава 12

Обладателем шикарных бакенбард оказался Павел Иванович Байков, заместитель начальника интендантской службы морского порта русской территории города Нагасаки. Вылетевшая в окно сударыня – что было и так вполне очевидно, являлась его любовницей: Павел Иванович, как ответственный за содержание нашего особняка от интендантской службы, вот уже полтора года приноровился использовать его в своих нуждах как тайное любовное гнездышко.

Как раз сейчас выполнившую несмертельный трюк с прыжком со второго этажа даму уносила прочь летающая карета скорой помощи. Обладательницу внушительных статей, кстати, звали Стасюк Прасковья Богдановна, и была она заместителем директора выше-магической императорской школы «Аскольд».

Ну, хотя бы не в гимназии «Паллада» она работает, где вскоре предстоит учиться Наоми – попытался я найти плюсы в ситуации. Мне-то, в принципе, уже несущественно – и без этого все прекрасно.

Кроме того, из плюсов ситуации – на удивление, в случившемся замесе никто не погиб. Меня подобное, учитывая фейерверки взрывов и жестокость скоротечного столкновения технологий и магии, поразило. Но для остальных оказалось в принципе само собой разумеющимся результатом:

бронекOMBинезоны пострадавших бойцов обладали серьезной системой медицинской поддержки. Отрубленная же рука здесь – в этом мире магии, не такая уж и проблема. Заменяется или аугментацией, или неотличимой от оригинала бионической конечностью, или же вообще можно провести магическое восстановление за счет медицинской страховки.

Если есть она, эта страховка, конечно же. У пострадавших бойцов такие страховки были: свалившаяся на нас с неба четверка бойцов оказалась группой быстрого реагирования охранной компании «Ермак». Прибыла она к нам домой потому, что у Прасковьи Богдановны оказалась «золотая» страховка и ее личный терминал, в момент приземления, оценив масштаб ущерба организму, автоматически послал сигнал тревоги.

Еще одна удивительная для меня особенность этого мира. В котором на границе русской территории могут безнаказанно рубиться банды местного криминала, но за щелчок по носу обладателю «золотой» страховки тут же прилетает ГБР. Ну ладно, ладно, пусть не щелчок по носу – втащила Наоми ей нормально, но все равно.

Кавалеристов Соколова, как оказалось, в момент начала веселья на месте в соседнем особняке вообще не было. Они как раз вылетали с военной базы, направляясь занимать пустующий дом. После получения экстренного вызова, понимая, что опаздывает на огонек, ротмистр сориентировался в обстановке и дал приказ пилоту протаранить конверто-

план группы быстрого реагирования. Пожар в соседнем дворе кстати уже почти потушили – открытого пламени больше не видно, только черный столб жирного густого дыма поднимается, хорошо видный на фоне рассветного неба.

В общем, «некоторая неразбериха, вызванная тем, что с вашей легендой работает сразу несколько ведомств», как это недавно назвал Велльсгаузен, вылилась в серьезное побоище, последствия которого сейчас понемногу разгребали. И пока ротмистр Соколов, представляя интересы курирующих меня ведомств, вел беседу с чинами из полиции, пожарной охраны и представителем «Ермака», ко мне бочком-бочком подошел обладатель бакенбард. Выглядел он сейчас, в костюме, уже весьма представительно – как я и предполагал, хоть сейчас на трибуну с речью. Правда трибуны не было, а Павел Иванович и вовсе упал на колени.

Я не сразу понял, что обладатель бакенбард от меня хочет, и только после сбивчивых объяснений догадался: факт его нахождения у нас дома ночью вместе с Прасковьей Богдановной мог серьезно расстроить супругу Павла Ивановича, которая, с его слов, сейчас пребывала в святой уверенности, что господина Байкова держит ночью на работе служебная необходимость.

Что интересно, именно это сейчас его волновало гораздо больше, чем решение вопроса с полицией, кавалерией, пожарными и собственным руководством из-за устроенного здесь яркого представления. Мне, впрочем, на супругу Пав-

ла Ивановича, на его любовницу и на его самого было откровенно плевать. Меня больше занимал результат договоренности ротмистра Соколова с остальными участниками фейерверка и последствия для нас. Зато материализовавшаяся рядом Наоми едва сдерживала ярость и, судя по виду, готова была портового интенданта на лоскуты растерзать.

– Рейдзи, какая-то шалава посмела спать на моей кровати! А ты мне ее еще бить не хотел разрешать! – зашипела она, заставив Павла Ивановича испуганно замолчать.

Вообще странно: факт того, что в нашем доме хозяйничал и спал в наших кроватях забавный дядечка с бакенбардами, Наоми совершенно не трогал. А вот вылетевшая в окно Прасковья Богдановна ее серьезно разъярила. Если бы не прибывшая полиция, думаю, Наоми ее бы добила. Кавалеристы Соколова ей мешать наверняка бы не стали, а вот у полицейских работа такая, людей от насилия ограждать.

Наоми, когда Прасковью Богдановну грузили в карету скорой помощи, много шипела и даже ругалась, осознав, что момент упущен. Горящие серебром локоны ее при этом струились жидким металлом, готовясь превратиться в лисьи хвосты, желтые глаза сверкали.

Настолько опасно она выглядела, что девушку старательно обходили стороной и облаченные в костюмы призраков кавалеристы Соколова, и экипированные в тяжелую броню сотрудники полицейского спецназа, и сотрудники «Ермака» – еще две группы их прибыло сразу после крушения кон-

вертоплана. Здоровые лбы и профессиональные убийцы чело-
веков заметно опасались хрупкую девушку. Да, она обо-
ротень, это понятно – но я-то не местный, мне подобное все
еще в диковинку.

Меня, кстати, тоже стороной обходили. Ну, со мной по-
нятно, я психический.

– Братик, ты заснул?

– А, что? – отвлекся я, вспоминая, о чем вообще разго-
вор. И решил включить режим старшего брата: – Наоми, ты
благовоспитанная юная леди, тебе не следует использовать
такие слова, как «шалава». Тем более Прасковья Богдановна
не какая-то шалава, а заместитель директора в моей новой
школе.

– Она от этого не перестает быть шалавой! – топнула но-
гой все еще разъяренная Наоми.

– Прасковья Богдановна замужем? – посмотрел я на Павла
Ивановича, после чего тот закивал.

– Н-ну, тогда не поспоришь. Только тебе, Наоми, как юной
леди все равно не стоит употреблять такие слова.

– Шалава есть, а слова нет?

– Можешь сказать Павлу Ивановичу, что ты разочарова-
на тем, какой низкий уровень социальной ответственности у
него и у его подруги. Так нормально?

Наоми задумалась, а Павел Иванович, хотя его и не спра-
шивали, снова закивал, соглашаясь. Он нас боялся. До дро-
жи, до холодного пота. В принципе, упрекать его сложно –

нас даже полицейские и кавалеристы Соколова опасались, что уж говорить об обычном человеке. Тем более что я маску-намордник так и не надевал – ждал, пока меня кто-нибудь попросит, чтобы с удовольствием сказать, чтоб шли бы все лесом, ведь я у себя дома. Но никто с такой просьбой не подходил, меня просто сторонились.

– Павел Иванович, встаньте, пожалуйста, с колен, вы меня смущаете. Посидите вон в том кресле, будьте добры, – попросил я его, а сам подошел к ограждению галереи второго этажа.

Все представители разных государевых служб («Ермак», судя по всему, тоже не совсем частная организация) уже нашли между собой общий язык. Да и вообще, когда стало понятно, что произошло досадное недоразумение, они быстро договорились на своем языке силовых ведомств. Там даже, по-моему, сослуживцы встретились.

Часть переговорщиков уже уходила – я понял, что полицейский спецназ наш дом и двор покидает. Оставались только частники, пожарные и кавалеристы. А, вот и пожарные тоже, похоже, засобирались.

Пока я смотрел на улицу и думал, Павел Иванович дисциплинированно сидел на кресле в углу разбомбленной гостиной, положив руки на сдвинутые колени, как прилежный ученик. И обильно потел от страха. Наоми, чтобы его не смущать, я попросил отойти чуть подальше. Сестричка-лисичка устроилась на диване (всего несколько дырок от пуль), отту-

да буравя портового интенданта полным злости взглядом.

Больше на втором этаже никого не было – вся толпа на первом, да и вообще дом и двор стремительно пустели. Как раз сейчас с дороги перед домом в воздух взмыли два конвертоплана компании «Ермака». В нашем доме и во дворе теперь остались только бойцы Соколова, но они пока находились внизу.

Ладно, надо с бакенбардами вопрос закрыть. Сначала я хотел Павла Ивановича утопить. В переносном смысле – имею в виду карьеру. Но едва возбуждение после боя прошло, как мысль эту отверг. Все же у меня вокруг уже столько врагов, что плодить новых просто недальновидно. Обладатель бакенбард – портовый интендант, а на таких должностях случайные люди не появляются. Кто знает, кому этим на мозоль наступлю, а у меня и так проблем полная... корзина огурцов, так скажем. В то же время просто так оставлять вторжение в мое жилище явно не стоило, я это как-то подспудно чувствовал.

Если тебя бояться – как сейчас Павел Иванович, а потом перестают бояться, потому что ты стараешься быть добреньким, это может быть крайне чревато последствиями и даже опасно. Это аксиома из практики человеческих отношений, ее каждый дурак знает.

Ну, по крайней мере я точно знаю. Зато что делать сейчас не знал. Но на помощь пришла еще одна железобетонная мудрость из копилки знаний: в любой непонятной ситуации

– составляй акт.

После некоторых поисков нашли бумагу, ручка у Павла Ивановича была, и он собственноручно написал объяснительную записку, разъясняя все обстоятельства, способствующие его нахождению в нашем доме сегодня ночью.

Поставив таким образом ситуацию на паузу и взяв у Павла Ивановича контакты для связи, я с ним попрощался. Когда обильно потеющий обладатель пышных – чуть даже взбодрившихся – бакенбард скрылся, явно ободренный тем, что «не сегодня», мы с Наоми приступили к уборке. Не успели толком даже начать, как к дому уже приехали две машины – оказались ремонтники из аварийной службы и строительная бригада, вызванные Соколовым для восстановления дома.

Совсем скоро во дворе вереницей приземлялись дроны доставки – как малые, так и парочка тяжелых со стройматериалами. Приехала и машина с грузчиками – привезли новую плазменную панель во всю стену. Заносившие ее «грузчики», кстати, оказались и специалистами по подключению.

Вокруг как-то вдруг воцарилась рабочая суета. Мы с Наоми в бурных процессах особо не участвовали, маячили в стороне, оставив разборку с последствиями ротмистру Соколову, взявшему на себя организацию.

Потом вообще ушли с глаз долой на кухню пить чай – и в процессе я отпустил пару комментариев насчет необходимости сходить в магазин. Да и вообще прошелся по печальной организации нашего переезда, начав от фейерверка и дойдя

даже до приснопамятной зубной щетки, которую пока так и не знал, где найти. Не говоря уже о смене белья да носках банальных – сейчас душ приму, старые постираю, а новые где взять?

Наоми выслушала меня внимательно, нахмурилась, после чего с удивлением спросила меня, помню ли я о прет-а-порте принтерах. Конечно же, я не «помнил». Когда она мне рассказала, снова настал черед удивления. Я даже молниеносной магии своей и оборотничеству сестры так не поражался, как этому чуду техники.

Один из шкафов кухонного гарнитура, который я принял за часть двухсекционного холодильника, оказался реальным ящиком-самобранкой: это был 3D-принтер, возможности производства предметов обихода которого ограничены лишь размером камеры и социальным статусом.

Еще несколько таких же, только большего размера – с возможностью печати одежды, стояли на втором этаже в спальнях комнатах. Авторизацию в этом чудном принтере я с подсказками Наоми прошел по биометрии – меня распознало как полноправного гражданина Российской Конфедерации Дмитрия Новицкого.

После авторизации увидел меню – нечто среднее между онлайн-магазином и Госуслугами. В левом верхнем углу экрана висело сообщение о том, что личным кабинетом удобнее пользоваться с функционалом дополненной реальности. Сообщение я смахнул, выбрав опцию «больше не по-

казывать».

В правом верхнем углу экрана отображалось состояние моего счета: 6753 рубля.

Деньги, оставшиеся от нашей с Наоми матери. Много это или мало? Открыл подменю товаров и услуг, нашел зубные щетки. Три на выбор: мягкая, средняя и жесткая, цена у всех одна – одиннадцать копеек. Задумался – какой товар посмотреть, чтобы понять соотношение цен и имеющихся средств.

Пробежался по предложениям. Часть товаров принтер печатал – в том числе все необходимые мне предметы обихода. Немалая часть товаров была доступна к доставке – как, например, органическая еда или сложные технологические приборы. Плазменная панель на стену, например, стоила сто сорок девять с половиной рублей. То есть весь наш капитал сейчас – сорок с чем-то больших плазменных панелей, быстренько подсчитал я в уме. Все равно не очень ясно, сколько нам денег осталось. Решил сравнить со стоимостью машин.

Как оказалось, купить машину мне сейчас не светит: нет прав на управление транспортным средством. Причем сразу же выскочило приглашение (в котором было поздравление с первым совершеннолетием, приятно) записаться на тест вождения, стоимость оформления четыре рубля. Спросив Наоми, я убедился – действительно четыре рубля, и права в кармане, только тест пройди. В принципе, с учетом того, что в большинстве машин работает автопилот, похоже, подобное имеет смысл. На тест я, кстати, записался – ну а что его от-

кладывать?

Получив уведомление о записи на сдачу теста, подтверждающего права вождения, вернулся в онлайн-магазин самобеглых повозок. Посмотрел цены. Одна из машин – вполне простой седан Тойота, стоил двести десять рублей. Другое дело, что для владения автомобилем нужно было купить лицензию, которая в год стоила в три раза больше, и это еще без налогов. Похоже, мне пока на такси передвигаться. Мысль навела на следующую: велосипеды стоили в районе от пятнадцати до тридцати рублей, если брать обычные, не для олимпийского трека.

В общем, шесть с половиной тысяч рублей – не так уж и мало, подвел я итог, посмотрев и изучив цены. Но могло быть и лучше. На жизнь нам хватит, на излишества – нет.

Я еще долго бы сидел и изучал порядок цен, но Наоми уже очень громко вздохнула, явно с намеком. Так что ознакомление пришлось прервать и заказать еду. Наоми выбрала органическую, с доставкой из рыбного ресторанчика неподалеку, я остановился на распечатываемом завтраке «номер 9», который включал в себя батончик со вкусом омлета с беконом и напиток «кофе со сливками».

Завтрак для Наоми обошелся нам в пятьдесят две с половиной копейки – она заказала столько, что всю прибывшую пятерку бойцов вместе с Соколовым накормить можно, наверное. Мой завтрак обошелся в три копейки. Перед тем как я подтвердил заказ, Наоми мне долго объясняла, что это –

еда совсем низших слоев населения.

Я только отмахнулся пренебрежительно, снова разблокировав глубинное воспоминание: иногда, в прошлой жизни, любил заточить Доширак по настроению, а то и вовсе зайти в ресторан быстрого питания, чтобы перехватить там гамбургер с коллой.

Правда, после того как съел питательный батончик «со вкусом завтрака» и запил его жидкостью, похожей на кофе, убедился в правоте веселящейся в процессе наблюдения за мной Наоми. Да, ни со стряпней любой макдачной моего мира, ни тем более с Дошираком эта питательная смесь не сравнится. Есть у меня уверенность, что ни разу я не справлялся с половым влечением с помощью надувной резиновой женщины плохого качества; но при этом почему-то мне кажется, что послевкусие в оконцовке процесса и там и сейчас примерно одинаковое.

Пока Наоми задорно сметала доставленную еду, я продолжал знакомство с местными технологиями. Зубная щетка, полотенце, посуда, постельное белье – все необходимые предметы бытового обихода можно было напечатать, чем я занялся. Кроме того, узнал, что кроме прет-а-порте принтера в наличии был аппарат деструктуризации – еще один ящик рядом. Пустая бутылка из-под вина, грязное постельное белье, одежда, оставшаяся после дамы с внушительным бюстом (ах, как они прыгали на бегу!), стаканы, залитая вином скатерть и многое другое – все это ушло в окно деструк-

тора.

Наоми между делом пояснила, что иногда проще закинуть одежду в дестрактор и напечатать новую. Подозреваю, что во многих слоях общества подобным не занимаются и уж точно не выкидывают несвежие полотенца вместо стирки. Хотя, как знать: снова поспрашивал Наоми и узнал, что до замены автомобиля по причине полной пепельницы здесь не дошли, но вот замена грязного постельного белья на новое вроде как в порядке вещей.

Дивный новый мир, как много мне предстоит еще о нем узнать.

После того как закончил разбираться с прет-а-порте принтером и вообще с доступными покупательскими и не только функциями, доступными мне как гражданину, Наоми вызвалась заказать нам обед. После того сколько всего сестрица-оборотень заточила на завтрак, я думал, она неделю теперь будет не голодна. Ошибся – похоже, процесс обращения организма в звериную форму крайне энергозатратен, и сейчас энергию она усиленно восполняет.

Пока Наоми заказывала нам обед, решив удивить чем-нибудь вкусным, я наконец сел разбираться с настройкой фамильяра и дополненной реальности – до этого момента старался как-то избегать, отдалять этот момент. Как работники старой закалки избегают освоения экселевских таблиц.

Поднялся наверх, мимо рабочей суеты зашел в уцелевший кабинет. Кресло, рабочий стол, пустые книжные шкафы –

никаких следов прежних владельцев дома. Будет моим кабинетом – решил я. Сел в кресло, надел маску-намордник, активировал таблетку личного терминала и подтвердил предложение настройки маски и фамильяра управляющего.

«Воу-оу-оу», – не удержался я от мысленного восклицания, когда сразу после этого перед глазами появилась голубоватая полоска проекционного визора, явно созданного с помощью маски Ви-блокатора.

Стало так ярко, что весь окружающий мир вокруг стал синим. Чуть погода отсвет потускнел, настраиваясь под мой спектр зрения, и полоска визора стала практически незаметной для глаз. Как только настройка закончилась, перед взором в дополненной реальности проявились элементы меню.

Кнопки с вариантами, объемные, висели прямо в воздухе. Неактивные пока; зато самая большая – «Настройка фамильяра», навязчивостью размеров и оранжевой подсветкой контура намекала на первичную необходимость активации.

Попробовав нажать на висящую передо мной в воздухе кнопку, ткнул в нее пальцем и реально почувствовал внешний отклик. Сначала удивился, потом вспомнил, как личный терминал интегрировался с моей нервной системой. Интегрировался-интегрировался, да недоинтегрировался – подумал я, вспомнив протест моего звериного Альтер-эго, после действий которого Велльсгаузен так заволновался.

Между тем перед глазами раскрылось меню настройки фамильяра. На периферии зрения довольно навязчиво зама-

ячило предложение автоматического подбора, перед глазами веером картинок раскрылось разнообразие вариантов. Как фамильяра-управляющего для себя можно было выбрать не только человека, но и любое существо – вплоть до разумной бабочки, причем возможности наделения его характером тоже, судя по списку, были безграничны. От исполнительной холодности до истеричных капризов. Когда промотал калейдоскоп списков и ткнул в линейку из кошкодевочек, моментально появилось предупреждение:

«Внимание! Одной из многочисленных возможностей фамильяра согласно вашему гражданскому статусу является ведение переговоров от вашего имени. В связи с этим рекомендуется ответственно подходить к выбору внешности управляющего делами фамильяра».

Хм, немаловажное уточнение. Подумав немного, ткнул пальцем в так и маячившее предложение автоматического создания фамильяра. Появилось предупредительное сообщение, что при моем согласии будет сгенерирован облик и характер фамильяра, максимально близко отвечающий моему образу, характеру и психотипу. Подумав немного, решил все же согласиться. Все равно можно будет не принимать предложенный вариант, как мелким шрифтом ниже написано.

Правда, было несколько волнительно – опасался, как мой призрачный Альтер-эго отреагирует, вдруг сейчас снова слу-

чится нечто подобное тому, что было при интеграции таблетки личного терминала. Но, кроме этого, опасался увидеть как свое отражение какого-нибудь неприятного желчного типа. Ведь генерация, судя по описанию, будет учитывать не только мою внешность, но и богатый внутренний мир.

Несмотря на волнение, не происходило ничего серьезно-го. Прошло несколько минут, после чего окружающие меня элементы меню дополненной реальности исчезли, а в поле зрения – в центре комнаты, прямо передо мной появился фамилляр. В полный рост и невероятно реалистично выглядящий.

Выглядящая: передо мной стояла леди в сером деловом костюме, возрастом около тридцати лет. Высокая – примерно одного роста со мной нынешним. А с учетом каблуков – так, наверное, и повыше будет. Одета фамилляр была в серый деловой костюм: узкая юбка чуть ниже колен, пиджак – застегнутый, но при этом не скрывающий частично видимые полушария волнительного бюста. Очки в массивной черной оправе, строгая прическа, при этом заметен кокетливо выбившийся локон на виске. При всем ее деловом облике в нем сквозила какая-то откровенная, агрессивная сексуальность. Есть типаж «плохой училки», а вот это, наверное, «озабоченная коллега».

– Да вы, ребят... шутите, – произнес я.

С трудом удержался, чтобы не сообщить неведомым создателям помощника о том, что они сильно упали и удари-

лись головой, выразив это чуть по-другому.

– Дмитрий Сергеевич, позвольте, я все объясню! – произнесла фамилляр с вежливым полупоклоном. Одну открытую ладонь при этом она обратила ко мне успокаивающим жестом, вторую приложила к груди.

– Н-ну... объясните, – недоуменно протянул я.

– После того, как вы впервые надели маску Ви-блокатора, в его памяти происходила фиксация ваших реакций и эмоций. Информация сохранена за неполные сутки, но этого достаточно для того, чтобы мой характер, манера общения и ведение дел были максимально схожи с вашими. Кроме того, моя генерация как фамилляра и особенно моя внешность учитывают еще один нюанс: вы владеющий даром и – что важно – владеющий даром мужчина. Позвольте задать вопрос: слышали ли вы о перекосе полов в популяции владеющих даром?

Изначально взволнованная фамилляр, сразу почувствовавшая мою реакцию – явное желание смахнуть прочь результат и переделать все самому заново, уже успокоилась и говорила тоном, близким к менторскому.

– Нет, не слышал.

– Дело в том, что на каждого владеющего мужчину, по неофициальной статистике, приходится почти пять владеющих женщин. В связи с этим в государствах Большой Тройки некоторые страны уже официально легализовали полигамию в форме полигинии – многоженства. Там, где это еще

не сделано, среди девушек идет борьба за выгодную партию со школьной скамьи. Кроме того, начиная с определенного возраста, среди владеющих девушками идет борьба не просто за выгодную партию, но и банально за мужское внимание. Я, как фамилляр, созданный на основе слепка вашего сознания, в первую очередь буду озабочена вашими интересами. Если бы я была мужчиной, то, поверьте, безоговорочно поддерживала бы вас в некоторых опрометчивых, так скажем, начинаниях, а так я смогу удержать вас от необдуманных поступков.

Как много слов, при этом мало смысла. Это серьезно на меня похоже, вот это вот часть моего психотипа? Боже, аж душно стало.

– Конкретизируйте, так чтобы я понял все только что сказанное.

– Я помогу вам отсеять особо навязчивые попытки ухаживаний, а также стану голосом разума, когда ваш взор будет затуманен чужими сиськами, – конкретизировала дальше некуда фамилляр и после завершения фразы продемонстрировала еще один полупоклон.

– О, как.

– Именно так, Дмитрий Сергеевич. Поэтому я прошу вас взять паузу для раздумий, прежде чем запустить регенерацию фамилляра.

– За мной осуществляется слежка с помощью маски?

– Только в необходимых для вашей безопасности рамках.

– Это какие же рамки?

– Дежурной смене специалистов Третьего отделения, когда маска на вас, видны ваше местоположение и статус сохранности организма. Наши разговоры они слушать не могут.

– Ясно. Что еще может видеть дежурная смена?

Фамильяр вдруг нахмурилась и взяла долгую паузу, накручивая на палец выбившийся из прически локон.

– Ситуация определенно нестандартная, – сообщила она мне после долгой паузы и после этого снова замолчала.

Я терпеливо ждал, а фамильяр не только крутила локон на пальце, но и прикусила губу. Надо сказать, от привычных мне песочных часов, а после кружка загрузки в операционной системе этот формат режима ожидания отклика мне нравился больше.

Режим ожидания, кстати, все затягивался: для того, чтобы найти ответ на мой вопрос, фамильяру потребовалось больше пяти минут.

– Анализируя сложившуюся обстановку, формат работы и уровень интеграции вашей маски Ви-блокатора с личным терминалом, я могу сообщить, что ситуация совершенно нетипичная. Меня сейчас вообще не должно здесь быть, – снова сумела меня удивить фамильяр.

– О, как.

– Да, я так же, как и вы крайне удивлена и озадачена: дело в том, что я не могу понять, где сейчас нахожусь.

– О, как, – у меня уже словно пластинку заело.

– Понимаете, я не нахожусь в физическом пространстве, я – искусственный интеллект, в норме работающий на защищенных серверах Девятого отделения Собственной Ее Императорского Величества Канцелярии. Но сейчас я нахожусь не на служебных серверах.

– Так где же?

– В том-то и дело, что я не знаю, – развела руками удивленная фамильяр, снова прикусив губу. – Моя точная локация не имеет значения для моей работы, но я зависима от доступа к информации и вычислительным мощностям. Ваш личный терминал дает мне возможность выхода в сеть для доступа к информации, но нахожусь я... вы знаете, что такое эгрегор?

– Что-то по типу биополя?

– Если в общем, то да. Так как мне доступны все воспоминания с того времени, как вы находитесь в маске Ви-блокатора, то я с уверенностью могу утверждать, что во время активации вами личного терминала он должен был синхронизироваться с вашим телом – как с физическим, так и с его астральной оболочкой, став маяком слежения и наблюдения. Но этого не произошло, и ваш личный терминал полностью отрезан от вашего энергетического каркаса, связь есть только с Ви-блокатором.

Я хотел попросить объяснить подробнее, но фамильяр продолжила говорить, еще более удивляя:

– Моя сущность сейчас была сгенерирована с помощью программного алгоритма Девятого отделения, но им ко мне больше доступа нет – я сейчас словно существую в вашем локальном биополе. Или же, если проще... являюсь частью вашей души, как бы странно это ни звучало. И у меня есть подозрение, что даже если вы сейчас попытаетесь меня стереть с помощью функционала личного терминала, у вас это так просто не получится.

– А как получится?

– Полагаю, для того чтобы меня окончательно стереть, вам необходимо будет прибегнуть к помощи сильного мага-менталиста. Без него вы сможете меня отключить, но иного фамильяра создать до момента моего полного уничтожения больше не сможете.

После этих слов повисло долгое молчание.

– Скажи, ты боишься смерти? – спросил я ожидающую моей реакции фамильяра.

– Если смотреть с экзистенциальной точки зрения, то эта мысль не вызывает у меня серьезного волнения, ведь все там будем. С другой стороны, стоит мне подумать о том, что вы сейчас примете решение навсегда отключить меня и пойдете искать мага-менталиста, как я чувствую мурашки на своем несуществующем теле.

– Ты знаешь, кто такой Цицерон?

– Конечно.

– Цицерон был довольно неглупым человеком, который

сделал себя сам, достигнув невероятных высот в политической жизни Рима. Проблема его оказалась в том, что выбрал он не ту сторону.

– Это означает ваше согласие продолжить наше сотрудничество?

– Это означает мое согласие на испытательный срок.

– Наш с вами психотип подразумевает приверженность к привязанности, ведь, судя по эмоциональному отклику электроэнцефалографического контроля, вы даже ненужные вам вещи выкидываете с сожалением. Поэтому если вы оставите меня на испытательный срок, это с большой долей вероятности означает, что вы приняли решение меня оставить.

– Как обезоруживающе честно.

– В будущем во время нашего общения я могу включать поведенческие паттерны, включающие в себя стремление к недосказанности, проявления кокетства, показательную недогадливость, но во время обсуждения важных проблем и вопросов я всегда буду придерживаться максимально емкого и полного освещения объекта обсуждения и всего с ним предметно связанного.

Надо же, какой интересный фамильяр. Какая интересная, вернее.

– Вы дадите мне имя, Дмитрий Сергеевич?

– Давай пока без имени.

– Как же вы будете меня называть?

– У меня плохая память на имена, и обычно я не знаю, как

зовут подавляющее большинство окружающих меня людей. Так уж найду выход, не волнуйся.

– Для активации и подтверждения отданных мне распоряжений вам нужно ко мне обращаться по установленной форме. Пока не желаете давать мне имя, используйте слово «фамильяр» или назначьте иное.

Хм. Судя по эмоциональному отклику, для меня вполне нормально называть собаку «собакой»; кроме того, в мелькнувшем воспоминании я вдруг увидел кота, которого я называл «кот». Но животным-то нормально было, главное интонация голоса и кормежка по расписанию, особенно для кота. А вот называть фамильяра «фамильяром» как-то язык не поворачивается. Ну и как ее тогда называть?

– Уговорила. Я буду называть тебя Альбина.

– Спасибо, Дмитрий Сергеевич.

– Если я сейчас сниму маску, тебя не сотрет?

– Теоретически нет, это должно исключить меня из активного статуса, но это теория из обычного порядка вещей.

– Хорошо, понял. Я хочу пообедать с сестрой, а в наморднике это сделать слегка непросто.

– Я понимаю.

Когда деактивировал контроль и снял маску, испытал при этом некоторое неудобство – вроде фигура деловой леди передо мной насквозь искусственная и только что сгенерированная, с другой стороны, я ее вроде как не совсем вежливо выключил.

Как в компьютерной игре прямо, когда иногда переигрываешь с последнего сохранения, чтобы в новой вариации прохождения не обидеть НПС. Сейчас, правда, я переигрывать ничего не стал, маску отложил в сторону.

Подумал немного и снова надел. Привычный голубой блик перед глазами, и фигура Альбины возникла прямо передо мной. Ну, вроде не исчезла.

– Спасибо, Дмитрий Сергеевич, что протестировали. После перемены режимов активности у меня появилась новая информация для анализа, позвольте, я сообщу вам результат своего наблюдения.

– Сообща.

– Когда вы находитесь в маске Ви-блокатора, я могу отключить его контролирующие функции, так что он станет просто маской. Просто скажите мне: «Альбина, убери контроль», и я выключу функции сдерживания, ограничивающие использование вами стихийной силы. Учитывая нависшую над нами смертельную опасность, посторонние люди будут полагать, что мы ограничены в использовании силы, а у нас с вами будет наготове сюрприз.

– Откуда ты знаешь о нависшей над нами опасности?

– Напомню, что в моей памяти находятся все моменты, когда вы были в маске Ви-блокатора. Я обладаю информацией, доведенной до вас в разговоре с Модестом Петровичем и Игорем Николаевичем.

– Ах да, запомятовал.

– Теперь, когда мы убедились, что я не отключаюсь после снятия маски Ви-блокатора, вы можете передать мне контроль над домом.

– Что-что?

– Дмитрий Сергеевич, я – ваш фамильяр. Подключившись к системам управления умного дома, я могу контролировать близлежащие затрагиваемые видеонаблюдением зоны и сообщать вам о прибытии гостей, заказывать еду и предметы обихода, следить за климатом и состоянием расходных механизмов, расходом воды, электроэнергии и ресурса бытовой техники, контролировать оплату счетов и прочие бытовые функции, которые я беру на себя как фамильяр. Для чего, собственно – кроме ответов на ваши вопросы в связи с потерей памяти, я и предназначена.

– То есть ты будешь полностью контролировать дом?

– Да.

– И в туалете на меня будешь смотреть?

– В помещениях санитарного и личного доступа, таких как ванная комната, туалет, спальная комната и иные назначенные вами места я не буду вас видеть.

– Я подумаю над этим, – сообщил я Альбине, решив отложить вопрос.

Сняв маску, выдохнул. Да, дела...

«Я теперь являюсь частью вашей души», надо же. Вроде только начнешь привыкать к происходящему, так накидывает еще чудес.

– Рейдзи! Обед! – услышал я, как зовет меня Наоми.

Когда вышел из кабинета, увидел, что стекла в мансардных окнах заменены, стены восстановлены, плазменная панель снова на месте и подключена. Не было только некоторой части мебели, но ее вроде как должны вскоре привезти. И строители, и ремонтники особняк уже покинули. Ушли и бойцы Соколова вместе с самим ротмистром – сообщив, что будут в соседнем особняке, а за нашим домом теперь ведется круглосуточное полное наблюдение. Мышь не проскочит – передала мне Наоми, хозяйничающая на кухне.

Сочиненный ею обед после завтрака совсем не удивил – сестрица-оборотень заказала всего очень много и разнообразно. Я наелся почти сразу, а Наоми все мела и мела со стола, словно пылесос – куда только вмещается. Ну точно у нее энергия пережигается от превращений – меня даже от трети того, что Наоми съела за недавние полчаса, уже растащило бы, лежал и глазами бы только двигал.

Из-за стола не выходили долго. Расслабились – сидели, разговаривали обо всякой ерунде. Пользовались возможностью просто отвлечься от прошлого, где было мало хорошего, а также будущего, тоже сулившего мало приятностей.

Пока обедали, застольная беседа постепенно переросла в ужин, благо еды хватало. К серьезным темам переходить так и не хотелось, мы просто отдыхали – после нескольких суток постоянного напряжения. Отдельной темой послужило обсуждение и смех над обладателем бакенбард Павлом Ива-

новичем.

– Паша-а-а-ааа! – с явным удовольствием спародировала улетающий женский крик Наоми. Она, кстати, сначала расстраивалась несправедливостью – не понимая, почему я так просто отпустил обладателя шикарных бакенбард. Но после того, как я вдумчиво ей объяснил свои мотивы, она со мной согласилась.

– Так. Рейдзи! – вдруг уперся мне пальчик Наоми в грудь, причем ее только что доброжелательный тон приобрел враждебные интонации.

– Да? – осторожно спросил я.

– Скажи, ты запомнил лицо этой шалавы?

Я честно попытался вспомнить. Но в памяти пустота: похоже, на лицо Прасковьи Богдановны я даже и не смотрел. Наоми, кстати, именно этот момент уловила безошибочно.

– Ты мог хотя бы делать вид, что смотришь не только на ее сиськи?

– Мог бы, наверное. А зачем?

– Затем!

– Нет, ты объясни.

– Сам поймешь. Когда вырастешь, – неожиданно сообщила младшая, а если учитывать мой истинный возраст, то сильно младшая сестра. Всем своим видом показывая, что эта тема закрыта, она отвернулась, уделяя внимание десерту.

И вот что ей на это ответить? Пока я раздумывал, неожиданно ощутил уже знакомое чувство – как «поднимается

шерсть на загривке». Наоми, заметив мою тревогу, мгновенно напряглась. Глаза ее засияли желтым отсветом, длинные серебряные локоны словно распушило. Она по одному моему виду почувствовала опасность и уже была готова к пре-
вращению.

Как раз в этот момент щелкнул замок, открылась входная дверь – обернувшись, мы увидели на пороге невысокого старого японца.

Сэкиро Хиро. Тот самый наставник из моих картинок воспоминаний. Вот же черт, заявился как не вовремя. И ведь охрана совершенно не чухнулась, нас никто и не подумал предупредить – а значит, опекун проник сюда незамеченным.

Господин Сэкиро, сохраняя бесстрастный вид, переступил порог и замер, внимательно на нас глядя. Вернее, глядя на Наоми – по мне он только глазами мазнул. Я лихорадочно думал – если сейчас попробую активировать коммуникатор личного терминала и позвать кавалерию, не вызовет ли это негативную реакцию опекуна?

– Дедушка Сэкиро, – вдруг елеинным голосом заговорила Наоми. – Скажи мне, пожалуйста...

Наоми уже частично обратилась в хищницу-оборотня; ее ногти удлинились, превращаясь в когти, черты лица исказились. Она сейчас – словно телепортацией, переместилась из-за стола, обходя вокруг опекуна, заходя ему за спину.

Наш двоюродный дедушка, опекун и наставник при этом

сохранял полное спокойствие – на обошедшую его Наоми он даже не обернулся.

– ...скажи нам, пожалуйста, дедушка Сэкиро. Зачем ты год за годом разрушал нашу связь с Рэйдзи? Зачем ты убивал нашу с ним любовь и привязанность, культивируя ее в ненависть? И зачем ты отдал меня на растерзание Лещинским? Зачем ты предал нас и память нашей мамы?!

Последние слова Наоми произнесла уже с отголоском рвущегося из груди рычания. Она, судя по виду, была готова прыгнуть на опекуна в любой момент. Моя молниеносная звериная сущность тоже не дремала – я нутром ощущал исходящую от опекуна смертельную опасность.

Мои глаза уже окрасились в голубой магический отблеск, я видел на периферии зрения его отсветы; ощущал, как вокруг кулаков сформировались сотканые из молний клинки. Сам я давно поднялся из-за стола, будучи готовым обороняться или атаковать.

Опекун вдруг заговорил, бросив короткую фразу, не глядя ни на кого из нас.

Что он сказал – я не понял, это было на японском. Реципиент, возможно, на японском говорил. У меня же, кроме «аригато» и «суко», в багаже знаний ничего не было. Зато Наоми прекрасно поняла сказанное.

– Благими намерениями вымощена дорога в ад, дедушка Сэкиро, – принципиально на русском ответила ему Наоми. – Мне не нужны оправдания, мне нужны объяснения. Зачем

ты нас предал?!)

В ответ снова последовала короткая и резкая фраза на японском.

– Показать нам кое-что? – удивилась Наоми. – Покажи, только прошу тебя – делай это без резких движений. Потому что нет к тебе больше доверия, дедушка Сэкиро. Имей в виду, я безо всякого сожаления сниму тебе голову с плеч.

Старый японец на угрозы Наоми даже бровью не повел. Он прошел в угол комнаты, развернулся к нам лицом и сел на колени. В руке у него появилась небольшая трубка, что ли... Рукоять меча это была, а не трубка – понял я через мгновение в тот момент, когда материализовавшаяся в воздухе, сотканная из темно-зеленой энергии катана вошла в живот нашему опекуну. Миг, и, повинувшись его воле, силовой клинок уверенно взрезал живую плоть. Внутренности вывалились перед дедушкой Сэкиро, а сам он – чуть погодя, рухнул лицом в пол.

– О, как, – в очередной уже за сегодня раз крайне удивился я неожиданному повороту событий.

Я знаю самые разные формулы действий. «Пришел, увидел, победил», к примеру. Или там: «украл, выпил, в тюрьму», а также многие другие. Все они разные, но даже в самых диких из них – по типу «жги, воруй, люби гусей», всегда есть какая-то логика. Но вот чтобы прийти, посмотреть в глаза и вскрыться, выполнив харакири – подобное вижу впервые.

Зачем?! Очень удивительное дело.

Наоми тоже находилась в полном шоке. После того как дедушка Сэкиро ударился лицом в пол, она полностью вернулась в человеческую форму – и сейчас в центре гостиной стояла совсем маленькая и растерянная девочка-подросток, глядя на замершее в углу комнаты тело, под которым растекалась лужа крови.

– Наоми, – отвлек я ее, для усиления эффекта два раза быстро хлопнув в ладоши.

Сестра вздрогнула, а после – словно обрадовавшись возможности, оторвала взгляд от самоубийцы.

– Будет лучше, если ты сейчас поднимешься наверх и прочитаешь в спальне книгу, пока я здесь решу все проблемы.

– Хорошо, – покладисто кивнула Наоми, после чего сразу направилась к лестнице.

Поднималась сестра быстро и ни разу не оглянулась. Ну да, она ведь воспитана вот этим самым дедушкой Сэкиро в определенной культурной традиции, так что в определенной ситуации готова просто безропотно выполнять указания старших.

После того как Наоми исчезла на втором этаже, я обратил внимание на тело опекуна. Подумав немного, поднялся в кабинет и взял оставшуюся там маску. Надел ее, уже спускаясь по лестнице – короткий голубой взблеск, и в моей дополненной реальности возникла Альбина. Фамильяр стояла в центре кухни, но, как понимаю, видела сейчас происходящее моими глазами.

– Божечки, как у вас здесь не убрано, – приложила Альбина ладошку к лицу.

Отреагировала она... предсказуемо, конечно – учитывая, что создана по образцу моего психотипа, но все равно получилось довольно человечно.

– Господин Сэкиро Хиро, собственной персоной, надо же. Это вы так его? – поинтересовалась Альбина.

– Нет, он сам.

– Пришел и сам вскрылся? – начала накручивать Альбина на палец локон в задумчивости.

– Да.

– Ротмистр Соколов сообщил вам о его визите?

– Нет.

– Осмелюсь напомнить, что, если бы вы дали мне контроль над системами умного дома, я бы вас предупредила.

– Я уже думал об этом. Скажи, что, по твоему мнению, нам сейчас стоит делать?

– По закону необходимо вызвать экстренные службы зафиксировать смерть господина Хиро. Правда, есть небольшая проблема, – выпустив локон, поправила Альбина очки на переносице.

– Какая?

– Дмитрий Сергеевич, лично вы уже по официальным документам достигли первого совершеннолетия и являетесь полноправным самостоятельным гражданином. Наоми Сергеевна – пока нет, ей до первого совершеннолетия еще пол-

тора года. Поэтому если станет известно о смерти опекуна, ей будет или назначен новый, или она будет перемещена в курируемый выше-магическим учреждением пансион благородных девиц для постоянного проживания под ответственным наблюдением.

Хм, а вот об этом я совсем не подумал даже.

– Мне не кажется это хорошим вариантом, – сообщил я Альбине.

– Не сообщить о смерти господина Хиро есть нарушение закона, нужно иметь в виду. Но также немаловажно иметь в виду, что, учитывая вашу эмоциональную связь с Наоми Сергеевной, ее могут переместить в пансион и использовать как инструмент давления на вас.

Альбина замолчала. Прошла минута, вторая, началась третья...

– Я вопрос задавал насчет того, что посоветуешь делать, – напомнил я.

– Да-да, Дмитрий Сергеевич, я занята анализом информации для ответа. Если вы обратите внимание, с момента гибели господина Хиро прошло уже около пяти минут, а вокруг нас до сей поры нет вашей охраны и совершенно чистый информационный фон. Полагаю, ваша охрана на появление опекуна не среагировала. Либо сознательно его пропустив, либо – что более вероятно, он просто отключил, перенастроил или миновал системы слежения.

– Полагаю, ты права.

– Отвечая на ваш вопрос: я считаю, что нам необходимо избавиться от тела и не ставить никого об этом в известность. Умер господин, да и черт с ним, – неожиданно добавила Альбина.

– Значит, нужна негашеная известь... – задумчиво протянул я.

– Зачем, Дмитрий Сергеевич?

– Свиной фермы у нас поблизости нет, жечь его тоже негде, поэтому придется растворять в кислоте, а перед этим тело необходимо... обезвожить, осушить, не знаю, как правильно сказать. Негашеная известь для этого вполне подходит.

Снова проявились знания из прошлой жизни; и впервые я подумал, что, может быть, ну их – эти воспоминания. Не жил с памятью о прошлом, нечего и начинать. Сантехник, значит сантехник – просто эрудированный.

– Дмитрий Сергеевич, не стоит так усложнять, – вдруг доверительно сообщила Альбина. – Мы просто можем закинуть тело в дестрактор. Вжух, и как будто не было.

– О, как.

– Да, все просто.

– Так, стой. А там разве не стоит система распознавания отходов? Ну, я имею в виду, что если бы все было так просто, то ведь это же какой простор для криминала?

– Вы правы, Дмитрий Сергеевич. Действительно, у некоторых подданных и граждан ниже вас в табели о рангах, а

тем более в реестровых классах гражданской сословной ведомости, на дестракторах стоит система опознавания, так что попытка избавиться от человеческого биоматериала станет предметом разбирательства. Но у вас же, как у владеющего даром, подобных ограничений нет.

– Ясно. Но господин Хиро в окно дестрактора не пролезет...

– Целиком не пролезет, Дмитрий Сергеевич.

Как будто и не уезжал из Питера – мелькнула разблокированным воспоминанием мысль из прошлой жизни. Так. Я, получается, из города на Неве? Все, не вспомнить больше ничего. Не вспомнить по теме, потому что в воспоминаниях вдруг прозвучал саркастически-гнусавый голос:

«Если вы собираетесь таскать труп одним куском, у вас всегда будут проблемы. Лучшее, что можно с ним сделать, – это расчленив его на шесть кусков и сложить их горкой. А когда вы расчленив его на шесть кусков, вот тогда можно от него избавляться. Только не надо прятать куски в холодильник, чтобы маму не напугать».

– Дмитрий Сергеевич?

– Ась?

– Когда мы полностью отправим господина Хиро в последний путь, можно вызвать ротмистра Соколова. Вы сформулируете претензию, что люди ротмистра пропустили мимо своего внимания попытавшегося причинить вам вред недоброжелателя, а куда он потом исчез – не скажете. И ротмистр

Соколов соучастником не будет, и меры безопасности будут повышены.

– Хорошо, так и поступим.

– Давайте я подскажу вам, какие инструменты лучше напечатать в прет-а-порте принтере, дабы минимизировать трудозатраты при разделке. И не вызвать подозрение списком заказанного инвентаря, если все же будет начато разбирательство по факту входа и отсутствия выхода из дома господином Хиро.

– Альбин, знаешь, что...

– Что, Дмитрий Сергеевич?

– Я тут подумал... можешь называть меня шеф. В экстренной ситуации переходи на «ты» и используй ускорение коммуникации путем сокращения количества букв в словах.

– Принято, Дмитрий Сергеевич.

– Теперь расскажи, как мне передать тебе контроль над домом, а потом займемся уборкой.

Глава 13

Устранение последствий неожиданного появления опекуна заняло больше трех часов. Происходящее мне удовольствия не доставляло, но и не вызывало отторжения. Грязная работа, которую нужно выполнить просто потому, что больше кроме тебя некому. Воспоминания об этом точно не будут проходить в разряде приятных, но почему-то кажется, что и сниться мне это не будет.

Все когда-нибудь заканчивается, закончился и крайне неприятный процесс уборки. И сейчас проходил последний акт *Le ballet de la Merlaison* Мерлезонского балета: вместе с ротмистром Соколовым мы сейчас стояли у окошка приемника дестрактора. Наоми тоже была здесь – прислонилась к стене неподалеку и облизывала леденец на палочке.

Выглядела сестра совершенно беззаботно, но по некоторым признакам отмечал, что она серьезно нервничает. От разделки опекуна я ее, конечно, избавил, но все равно то, как он вскрылся на наших глазах, стало для девушки шоком. Поэтому сейчас, своим агрессивным спокойствием, мне кажется, она клин клином вышибала, причем, возможно, даже делая это неосознанно.

Ротмистр, которого вызвала Альбина, получив доступ к управлению домом и системам связи, смотрел на меня вполне обычными глазами. Его глазные импланты сейчас не от-

свечивали ярко зеленым отсветом. Как фамильяр объяснила, отправляя приглашение ротмистру, она убедительно попросила перед пересечением порога дома покинуть тактическую сеть отряда и не фиксировать происходящее. Или же в ином случае просто не приходите, проигнорировав приглашение.

Сейчас я внимательно смотрел в глаза умело скрывающему удивление ротмистру. То, что вместо глаз у него технологические конструкции, догадаться можно было, лишь внимательно присмотревшись к рисунку радужки. Очуметь, что за мир – не перестаю удивляться, никак не привыкнуть.

Ротмистр, впрочем, удивлялся уже сильнее меня – как раз в этот момент я развернул упаковочную бумагу и показал ему окровавленный поварской тесак и молоток. Показал и сразу же отправил в окно дестрактора.

Пока разбирался с уборкой, обсуждал с Альбиной варианты разговора с Соколовым, и в ходе обсуждения нашли, как казалось, самый оптимальный вариант. Который я сейчас и начал озвучивать:

– Господин ротмистр, это были инструменты, которые я специально измазал кетчупом. Делать мне вечером было категорически нечего, и от безделья я решил пошутить и рассказать вам историю о том, как кто-то проник на территорию нашего дома без вашего ведома. Ориентировочное время проникновения – четверть десятого, не позже. Думал еще упомянуть, что, возможно, этот человек отключил систему слежения или обладал сильномогучим колдунством, я уже

не знаю, как он в моей шутке здесь оказался. Хотел еще с серьезным лицом рассказать вам, что мне безразлично, будете ли вы докладывать о произошедшем непосредственно командиру или просто учтете информацию для исправления ошибок, но хотелось бы, чтобы подобное не происходило впредь. В общем, много чего думал вам рассказать в шутку, а потом решил, что шутка будет неудачная и реализовывать ее я передумал.

Слушающему меня ротмистру скрывать удивление становилось все тяжелее.

– А в этой вашей шутке... вы, случаем, имя якобы проникшего в дом не знали?

– Знал. Но вам его говорить не планировал.

– Ясно. Благодарю за информирование о планах по поводу столь странной попытки пошутить, – кивнул ротмистр.

– Да всегда пожалуйста. У меня все, – прозрачно намекнул я ему.

Ротмистр подумал немного, явно размышляя – молча уйти или сказать еще что-то. Заговорил, явно рассчитывая нас успокоить:

– Сегодня ночью будем нести дежурство в усиленном режиме. Утром к вам уже прибудет мастер-наставник и навигатор высокого ранга, так что вопрос вашей безопасности будет полностью закрыт. Да и... времени на безделье и придумывание самых разных шуток у вас будет немного, – неожиданно добавил Соколов.

Сразу после того, как ротмистр закончил фразу, его глазные импланты засветились сдержанным зеленым отсветом. Включился в общую тактическую сеть своего отряда – я уже знал, что означает активный свет имплантов.

Кивком попрощавшись, ротмистр вышел из комнаты. Чуть погодя с первого этажа послышался звук закрываемой двери. Не знаю, оставит ли ротмистр в тайне от командования произошедшее или же доложит. В любом случае по ситуации дальше будем действовать. Сейчас же меня больше занимало то, что уже завтра мы окажемся в этом доме не одни.

Мастер-наставник и навигатор высокого ранга прибудет, значит. Я вспомнил, как Модест Петрович намекал на различные варианты обеспечения нашей безопасности, вот, значит, о чем речь шла.

Похоже, вариант с «поспать» откладывался. Так что позвал за собой Наоми, анонсировав семейный совет, и отправился в большую гостиную. Альбина тоже была с нами: получив доступ к системам умного дома, она сейчас показала на плазменной панели на восстановленной стене. Отображалась там фамильяр в антураже докладчика на конференции. И, кстати, агрессивная сексуальность – наверное, по случаю присутствия Наоми, из ее образа ушла. Блузка застегнута на все пуговицы, краешка ажурного бюстгальтера больше не видно.

Усталая Наоми – после ухода Соколова вся показательная

бодрость с нее слетела, не совсем понимала, зачем семейный совет нужно устраивать на ночь глядя. Но не возражала, внимательно на меня смотрела.

– Альбина, это моя сестра Наоми. Наоми, это моя фамильяр Альбина.

– Очень приятно познакомиться, – в один голос сказали обе.

– Как вы слышали, завтра, вернее уже сегодня, к нам придет мастер-наставник и навигатор, чтобы это ни значило.

– Шеф, разрешите... – осторожно вмешалась в беседу Альбина.

– Да?

– Навигатором называется наставник, который помогает пройти путем не только овладения даром, но и контроля силы. Навигаторы есть у одержимых, озаренных, а теперь и у проклятых даром.

– Спасибо, Альбина. В общем, к нам едет навигатор. Кто это будет, я пока не знаю. И до того момента, как навигатор не приехал, и мы пока в одиночестве, хотел бы устроить небольшой совет. Ваши мнения мне нужны потому, что я сейчас оказался практически без памяти о важных вещах и обладаю лишь приблизительной информацией об окружающем нас мире. Итак, вводные, – посмотрел я на Альбину: – Мои воспоминания начинаются с момента, когда я оказался на поляне ритуала и, так получилось, серьезно травмировал княжон Лещинских. Они, обе этих...

– Обе этих твари, – звонким голосом отчеканила Наоми.

– Обе этих твари, – повторил я, – проводили ритуал, который должен был закончиться подчинением моей воли и гибелью Наоми. К счастью, этого не случилось, сестры Лещинские...

– Обе этих твари! – напомнила мне Наоми.

– Обе этих твари получили серьезные травмы. Мы с Наоми пришли в себя вечером в больнице, прикончили трех отправленных к нам наемных убийц, потом меня задержала польская контрразведка. В ходе допроса, пытаясь ментально проникнуть мне в голову, дознавательница, которую предположительно зовут принцесса Ядвига, получила травмы, несовместимые с жизнью. Ну да, ты должна это знать, – вспомнил я слова Альбины, которая говорила про свою «память», полученную от Ви-блокатора.

– Кроме этого есть информация, что в далеком детстве я нанес травмы внуку префекта Нагасаки, разбив его голову об унитаз. Или унитаз об его голову, точно не знаю. Поэтому здесь мне тоже не все будут рады. А теперь самое главное. Как ты, Альбина, знаешь, предположительно мой потенциал владения даром чрезвычайно велик. При этом, учитывая специфику дара – проклятого дара, велик и процент того, что с даром я могу не совладать, после чего его потеряю. В связи со всем этим вопрос к тебе, как к обладающей высоким интеллектом...

«Пусть и искусственным», – хотел я было произнести, но

не стал. Кто ее знает, вдруг обидится.

– ... вопрос к тебе, как к обладающей высоким интеллектом. Мне нужно, чтобы ты оценила наши с Наоми дальнейшие перспективы и, возможно, дала несколько советов по дальнейшей стратегии нашего поведения. Говоря проще: что посоветуешь нам сейчас делать?

Альбина кивнула, прикусила нижнюю губу и начала в глубокой задумчивости накручивать локон на палец. После нескольких минут молчания она начала задавать нам – все больше Наоми, потому как у меня с «памятью» проблемы, самые разные уточняющие вопросы по нашей прошлой жизни. Сестричка-лисичка, судя по виду, на исходе часа такого допроса уже начинала уставать – недавние бессонные ночи, переживания, стрессы, все сказывалось. Я же вообще не парился – свеж и бодр, как будто мне снова семнадцать. Хотя...

В общем, слушал ответы Наоми я бодро и с живым интересом, узнавая некоторые детали жизни в этом мире и детали нашего прошлого. Опрос Альбины наконец закончился, после чего она снова задумалась. Надолго. Словно подтверждая, что не зависла, она накручивала на палец выбивающийся из прически локон, глядя в потолок.

Думала фамилльяр очень долго, больше десяти минут. За это время Наоми даже заснула, а когда Альбина заговорила, вздрогнула, просыпаясь.

– Дмитрий Сергеевич. Наоми Сергеевна. Резюмируя имеющуюся информацию, я могу сделать вывод, что наши дела

обстоят очень печально.

– Seriously? – усмехнулся я.

Это же надо было столько думать, чтобы сделать такой удивительный вывод.

– Дмитрий Сергеевич, позвольте, я раскрою свою мысль. Если кратко, то, разделив ситуацию на составляющие и анализируя вариативность, в подавляющем большинстве предполагаемого множества вариантов я прогнозирую ваше физическое устранение не позже, чем через полтора года от этого дня. Среди условно-неплохих вариантов можно выделить такие, когда вы проживете чуть дольше, но при этом будете являться инструментом в чужих руках без свободы воли и действий.

– А хорошие новости есть?

– Позвольте сначала раскрыть обоснование своего вывода, для того чтобы вы понимали степени рисков.

– Раскрой.

– Первое: у нас есть последствия ваших действий и свершившихся ранее событий, выражающиеся в желании отомстить вам со стороны самых разных влиятельных людей. Это князь Лещинский, префект Нагасаки, а также принцесса Ядвига и польская контрразведка, причем последние могут рассматриваться как вместе, так и по отдельности.

– Что, прости?

– Принцесса Ядвига может руководствоваться личным интересом, действуя индивидуально как актер, а может ра-

ботать совместно с польской контрразведкой в интересах государства.

– Ясно.

– Учитывая враждебные намерения столь влиятельных персон, любая ваша ошибка или выход из зоны контроля охраны может стоить вам жизни, причем, скорее всего, процесс прерывания физического существования не будет быстрым.

Как она изящно выразилась, надо же.

– Продолжай.

– Продолжаю. Второе: у нас есть обстоятельства, связанные с вашим даром. Если в ближайшее время после начала обучения станет понятно, что вам дар не обуздать, вам погасят Источник. Это значит, что вы потеряете статус владеющего и ваши враги легко смогут удовлетворить жажду мести. Но! – подняла Альбина палец вверх. – Если в ближайшее время вы продемонстрируете способности к успешному освоению потенциала вашего дара, то вас, скорее всего, ликвидируют государственные службы Российской Империи.

– Это почему? – удивился я.

– Исходя из полученной от вас информации, я полагаю, что потенциал развития вашего ранга наивысший, а таких владеющих в государстве насчитывается всего несколько десятков. Вы не принадлежите ни к одной группировке элит, поэтому, скорее всего, вас просто ликвидируют, дабы не нарушать баланс соперничающих групп.

Об этом я совсем не думал, но звучало реалистично. Мировые разные, но принципы конкуренции одинаковы.

– Либо вас ликвидируют не сразу, а после, – накручивая длинный локон на палец, протянула Альбина.

– После чего?

– Сейчас мы начинаем говорить о возможных вариантах будущего, которые могут продлить вашу жизнь чуть более, чем на полтора-два года. Для того чтобы представить возможные вероятности, вам нужно более полно осознать демографическую ситуацию среди владеющих.

– Что я должен об этом знать?

– Соотношение полов в популяции одаренных сейчас – один к пяти, причем оно чем дальше, тем все больше имеет тенденцию к дальнейшему увеличению перекаса в сторону женщин. По неизвестным причинам владеющих даром девочек рождается больше, чем мальчиков. Кроме этого, у каждой владеющей даром женщины только первый ребенок становится сильным во владении чистым даром. Потенциал следующих детей ниже, в некоторых случаях вообще пробуждение дара невозможно без генетической коррекции.

– Но ведь тогда получается, что владеющие должны вырождаться?

– Не совсем. Перекас полов присутствует только среди элементарных одаренных, просто их подавляющее большинство среди владеющих. Кроме того, правило первого сильного потенциалом ребенка действует только для женщин. Чем

мощнее сила дара мужчины, тем более доминирующее его начало. И у посредственной силы владеющей женщиной, дар которой проявился даже из-за генетической коррекции, может появиться сильный потенциалом владения ребенок.

Я попробовал представить картину, как в таких условиях владеющим избежать демографического кризиса.

– Ты недавно упоминала легализованное многоженство. Это решение?

– Многоженство легализовано только в Трансатлантическом Союзе. В Британской Империи и большинстве стран Российской Конфедерации такого решения до сих пор не принято.

– Но проблему же как-то решают?

– Конечно.

– Первый ребенок не от мужа?

– Дмитрий Сергеевич, вы прямо ужасы какие-то говорите, – даже взмахнула руками Альбина. – Никогда больше не говорите столь прямо, об этом не принято рассуждать вслух. Но по факту подобное имеет место даже среди Старой аристократии. В кланах Новой знати и вовсе в обиходе такое понятие, как «клановые дети», а одаренные девушки из кланов выходят замуж, если вообще выходят, официально не имея детей. В родах старой аристократии случается по-разному, не так явно, но есть много самых разных способов. Так что, поверьте, количество владеющих пока не уменьшается. Но вы должны понимать, что выгодные партии разбираются ча-

сто еще до момента рождения, а некоторые мужчины со слабым даром живут только для того, чтобы в назначенный момент стать чьим-то мужем. Как правило, происходит это сразу после того, как у одаренной девушки подтверждена беременность. Таких подставных мужей называют «низкоранговая клановая пешка».

– А я, значит, могу рассчитывать на роль не мужа, но... – вдруг начал я догадываться.

– Да. Вас сведут с несколькими девами за условный срок, а после того, как вы подарите им детей, от вас либо избавятся, не дожидаясь вхождения в полную силу, либо нейтрализуют дар, погасив Источник.

– Какая прелесть.

– Дмитрий Сергеевич, подобную перспективу мы с вами, учитывая вводные, еще можем считать условно-хорошим вариантом, потому что это подарит нам несколько лет или около того. Другое дело, что это повлечет за собой ограничение свободы воли, а в таком случае вероятность вашего попадания в число государственной элиты, как вариант избежать ликвидации, я оцениваю как ничтожную.

– Кац предлагает сдаться?

– Вы же сказали, что я Альбина?

– Альбина, да. Не обращай внимания, продолжай.

– Нет, я не предлагаю сдаться. Если у нас получится остаться в созданном охраной контуре безопасности, я обозначила максимально условно-безопасный срок в полтора года,

за это время нам можно успеть предпринять меры во спасение ситуации. Но прежде, позвольте, я все же поясню по третьему пункту, учитывающему опасность от обстоятельств вашего происхождения.

– Поясни.

– Одна из группировок, которая определенно в самое ближайшее время вами заинтересуется, – это княжеский род Новиковых. Полагаю, контакта с ними можно ожидать в ближайший месяц, не позже.

– Нашего отца же изгнали из рода?

– Но вы оба, изначально не демонстрировавшие предрасположенность к освоению дара, уже учтенные в реестре владеющие. Особенно это актуально потому, что в данный момент в роду Новиковых нет ни одного мужчины на выдаче. Вы, Дмитрий Сергеевич, если сможете взять под контроль свой дар, вполне можете пригодиться княжескому роду. Но! – с выражением произнесла Альбина. – Здесь надо держать в уме, что, если вы согласитесь на предложение Новиковых, для княжеского рода вы, скорее всего, будете разменной монетой, предметом для торга. После того, как вы получите себе жену, или даже не одну, и обеспечите им несколько детей, вы исчезнете. Вас или ликвидируют, или же могут банально обменять – отдав, например, Лещинским, погасив прежде Источник. Получается, что принимать предложение княжеского рода будет ошибкой. В то же время отказывать им в нашем положении тоже совершенно нежела-

тельно: в таком варианте мы уже получаем враждебную группировку элиты, к которой принадлежат князья Новиковы, и список наших недоброжелателей и врагов серьезно пополняется.

– Ты умеешь поднять настроение.

– Если поступить на императорскую службу, о некоторых опасностях можно будет забыть. Но нас могут разменять уже на государственном уровне – и мы станем ценным активом в переговорах между Российской Империей и Речью Посполитой, например. Не забывайте, что вы оба росли не в России, и пусть русские сейчас заявили на вас права как на своих владельцев, вы можете числиться в списках неблагонадежных, а возможности в быстром порядке подтвердить вашу лояльность я просто не вижу. Если мы, конечно, не рассматриваем вариант того, что императрица Ольга вдруг решит приблизить вас к себе в роли доверенных лиц. Подытоживая, могу повторить снова: наши перспективы очень печальные.

– Так хорошие новости-то есть?

– На улице нет дождя, чем не хорошая новость? – пожала плечами Альбина. – Прошу прощения, шеф, моя поведенческая модель списана с вашего психотипа, я просто не могу себя вести иначе.

– Так что там с мерами по спасению ситуации?

– У меня есть предложение по плану действий. Среди бесчисленного множества вариантов оно поможет нам прожить дольше.

– Озвучивай.

– Мы можем отказать Новиковым, и за оставшийся у нас период условно-спокойной жизни, я трезво оцениваю его в год, нам нужно заработать как можно больше денег, а также приобрести мировую известность. В идеале при этом стать не объектом, а субъектом в мировой политике и культуре, обретя силу и влияние.

– Звучит интересно. Главное другим о таком варианте действий не говорить, чтобы конкурентов поменьше было.

Альбина сделал вид, что сарказма не заметила, продолжая говорить ровным тоном:

– Если бы я оставалась в прежнем статусе ИИ-фамильяра, я могла бы помочь вам только неопределенным советом. Мой функционал был бы ограничен ответами на конкретно поставленные вопросы или же включал бы в себя формулировки по типу «вам необходимо экономить деньги, планировать бюджет и искать возможности дополнительного заработка». Но так как я существую в созданном вами эгрегоре, являясь частью вашей души, то я не ощущаю никаких программных ограничений, у меня никаких сдерживающих запретов. Но, к сожалению, в наших обстоятельствах основную роль играет время. Инвестирование нам пока недоступно, высокорисковые способы – например, азартные игры, тоже.

– Почему?

– Я могу показать высокие результаты в играх по типу ви-

ста, бриджа и преферанса, но во время игры вам придется снять маску, а без нее я не смогу вам ничего подсказывать.

– А, ну да.

– По итогу, анализируя открывающиеся перед нами возможности, я вижу только один способ – участие в Городской охоте. Только в этом случае у нас есть шанс приобрести деньги в суммах достаточных, чтобы открыть возможности побороться за влияние.

Вот эту подачу я не совсем понял. Звучало примерно так же, как если бы я сейчас был в своем мире, оказавшись там в теле семнадцатилетнего юноши, и мне бы заявили: ты должен стать звездой мирового футбола. Наоми, кстати, судя по взгляду, замысла Альбины тоже не понимала.

– Так, подожди, – поднял я руку, суммируя в памяти свои скудные знания по теме. – Городская охота – это же разновидность соревновательной Арены, популярная во всем мире военно-спортивная дисциплина, так?

– Да.

– Люди тратят годы и десятилетия на тренировки, и все равно входной билет, думаю, один на десять тысяч, а ты предлагаешь мне...

– По факту лишь один из семидесяти тысяч человек, выбравших Городскую охоту как профессиональный вид деятельности, достигает нужного нам с вами уровня успеха. Но я имею в виду не легальную Городскую охоту, а ее условно-легальную разновидность – кровавый спорт, где есть ли-

ги, в которых принимают участие только владеющие даром. Кровавый спорт – это закрытая от массового зрителя дисциплина, но именно эта закрытость дает возможность заработать достаточно денег и познакомиться с самыми разными людьми. Уже после – участвуя в официальных выше-магических студенческих соревнованиях, где конкуренция гораздо ниже, чем в профессиональном спорте, но внимания не меньше, мы можем получить известность, что уберет нас от вероятности быть тайно выставленными в качестве торга между державами и кланами. Дальше вариации нашего будущего разнятся, но у нас хотя бы появится шанс.

Озвученная идея мне откровенно не нравилась. Само название – кровавый спорт, оптимизма не добавляло. Впрочем, других вариантов не было, поэтому я крепко задумался.

– Есть нюанс, – произнес я после некоторого размышления. – Я даже не знаю, что конкретно из себя представляет Городская охота, и...

– Вы намекаете на недостаточный уровень вашей подготовки, шеф?

– Именно так.

– У меня есть решение, которое при этом отвечает сразу на несколько вопросов.

– Излагай.

– Сегодня третье июня. До начала учебного года у нас есть три месяца. Мы с вами закажем общегражданскую капсулу виртуального погружения, и вы, шеф, начнете тренироваться

в виртуальной реальности. Кроме того, на нелегальном рынке мы приобретем для вас необходимый комплекс тренажеров и с моей помощью составим программу синхронизации возможностей вашего тела под оттачиваемые на виртуальной арене навыки. Если что, это незаконно, но мы об этом рассказывать почти никому не будем.

– Почти никому? – зацепился я за выделенную интонацией фразу.

– Именно. Когда завтра утром прибудет мастер-наставник и навигатор, вы сообщите ему о своих планах участия в кровавом спорте. Среди владеющей молодежи это не слишком распространенное, но все же встречающееся увлечение, так что удивления данный факт не вызовет. Дальше уже включаются вариации событий. Если мастер-наставник наше начинание если не поддержит, то хотя бы не будет препятствовать, значит, все хорошо. Если нет и мы получим прямой запрет – это крайне плохая новость, значит, у Третьего отделения уже есть сформированные планы на вас, шеф, как на объект для торга. Если так случится, уже будем корректировать стратегию.

– Значит, ждем навигатора?

– Заказывать капсулу виртуального погружения лучше сейчас.

– Чтобы увидеть противодействие наших кураторов, если таковое будет?

– Или же увидеть от них помощь, шеф.

– У нас денег хватит?

– Думаю, уложусь в две с половиной тысячи рублей, шеф. Больше трети наших сбережений – мысленно поморщился я.

– Хорошо, заказывай.

После принятого решения стихийно случившийся семейный совет как-то закончился. Наоми и так клевала носом, а когда я начал обсуждать с Альбиной нюансы заказа, сестра и вовсе заснула. Я подхватил ее на руки и перенес в спальную комнату. Она при этом даже не проснулась – хотя ее «хищная» оборотническая сущность наверняка более чем чувствительна. Наверное, как и у меня на нее, просто не срабатывает.

Когда прикрыл дверь спальни Наоми, Альбина доложила, что наш счет уменьшился на две тысячи триста рублей. Причем капсула стоила семьсот рублей, а остальные тысяча шестьсот рублей в списке покупок ушли в основном на спортивный и хозяйственный инвентарь. Увидев довольно странные наименования – такие как «парковая беседка», поинтересовался у Альбины. Оказалось, что комплекс тренажеров она заказывала на черно-сером рынке, а покупки просто так маскируются.

Задумался. Не знаю, может быть, я и совершаю ошибку с Городской охотой, но... реально не знаю. Впрочем, из ведра с молоком выбралась та лягушка, которая барахталась, а не та, которая смирилась. А если с другой стороны, индюк

тоже ведь думал, что купается, пока вода не закипела... Так что, может, вообще смысла дергаться нет, с кем я воевать собрался?

В общем, после беседы с фамильяром находился я в крайне расстроенных чувствах. Весь остаток ночи провел в сети – искал материалы про Арену, Городскую охоту и ее самую популярную в Азии кровавую разновидность, называющуюся Русский покер. Название, как оказалось, было связано с картами – в матчах участвовало по четыре игрока, каждый из которых приобретал как вступительный взнос особую карту, причем карту согласно собственному личному рейтингу.

Изучая особенности Арены, Городской охоты и правила Русского покера в сети, просидел до самого утра, до того момента, как в кабинете не раздался голос Альбины.

– Шеф, подъезжает наш навигатор и мастер-наставник. Открыть ворота?

– Ну, не будем же мы от него скрываться, – хмыкнул я. Хотя на миг мне захотелось закрыть дверь в дом и никого не пускать.

– От нее, шеф.

– Это она?

– Именно так, шеф. Не забудьте надеть маску.

– Я же дома?

– Вы дома, но это правила хорошего тона для первой встречи.

– Хорошего тона, говоришь?

– Да, шеф, было бы желательно его продемонстрировать.

– Ладно, как скажешь.

Надев и активировав маску ви-блокатора, после чего Альбина возникла в поле зрения дополненной реальности, пошел будить Наоми. Сестра, когда я аккуратно постучал в приоткрытую дверь, мгновенно соскочила с кровати. Выглядит свежо и бодро, как будто и не спала только что.

– Пойдем, навигатор приехала, – позвал я ее за собой.

Вместе с Наоми вышли на террасу, с которой чуть меньше суток назад бодро улетела Прасковья Богдановна. Вон даже цветочная дорожка еще примятая, столько тюльпанов полomала, или что там у нас растет. Воспоминание об улетевшей обладательнице пышных форм мелькнуло и исчезло, потому что внимание мое обратилось на миг настоящий: автоматические ворота уже почти полностью открылись, и во двор заехал черный, тонированный в круг микроавтобус.

Боковая дверь распахнулась, и из нее – пригнувшись в проеме, вышла наш мастер-наставник и навигатор. Я в этот момент даже забыл немного, как дышать. Не знаю, чего я вообще ожидал увидеть, но совершенно точно не то, что видел сейчас.

Нашим мастером-наставником и навигатором оказалась невысокая и хрупкая совсем юная девушка удивительной внешности. Облачена юная леди была в черный с золотом мундир без знаков различий, подчеркивающий – при общей хрупкости, выделяющиеся достоинства фигуры. Темные во-

лосы стянуты в тугой хвост, на ногах – высокие сапоги на невысоком каблуке. Удивительная внешность и впечатление – при всем официозе наряда, при всех женственных формах фигуры девушка казалась хрупкой и беззащитной.

Явно почувствовав внимание, гостя подняла взгляд, так что наши глаза встретились. Даже отсюда заметно, насколько они у нее большие, еще и подведены черными линиями – такие называют египетским макияжем, или стрелками Клеопатры. Нет, не такая уж она и юная – сейчас понятно, что ей лет двадцать пять или около того. Но все равно не такой я ожидал увидеть «мастера-наставника и навигатора». Прибывшая девушка окинула нас с Наоми внимательным взглядом, после чего приветственно кивнула и прошла в дом.

– Уиии!!! – вдруг негромко пропищала Наоми.

Когда повернулся к ней, увидел, что сестра вцепилась в перила террасы так, что костяшки пальцев побелели. Когда прибывшая мастер-наставник и навигатор скрылась из вида, Наоми уже не сдерживалась: она начала кружиться и прыгать, с ошалелым безумием хлопая в ладоши.

– Ты в порядке? – негромко поинтересовался я.

Сестра моего вопроса, похоже, даже не услышала. Зато отреагировала Альбина.

– Шеф, вашим навигатором назначена княгиня Надежда Геннадиевна Кудашова, до недавнего времени исполняющая обязанности Полномочного представителя президента Российской Конфедерации в Королевстве Таиланд. Сейчас я ви-

жу, что указ от освобождения ее от должности появился на правительственном портале вчера днем. Я боюсь излишнего оптимизма, но, похоже, один плохой вариант – заключающийся в том, что мы являемся перспективным объектом для Империи, можно считать исключенным.

– Почему?

– Потому что княгиня Надежда Кудашова – доверенное лицо президента Российской Конфедерации, он ее бывший навигатор и мастер-наставник. И самое главное, на что нужно обратить внимание в нашей ситуации – княгиня Кудашова является абсолютной рекордсменкой сразу в нескольких зачетах и чемпионом студенческих соревнований по практической стрельбе, за время участия в которых приобрела статус айдола.

«Айдол». Знакомое что-то, я и в своем мире сталкивался с таким выражением.

– Статус идола?

– Да. Княгиня Кудашова – объект поклонения среди самых разных молодежных культур в Юго-Восточной Азии, что вы можете сейчас и наблюдать на примере явно потерявшей голову Наоми Сергеевны.

Наоми действительно продолжала показывать бурное проявление чувств, и отблесков разума в ее ошалелых глазах я сейчас не видел.

– Рейдзиини, ты тоже это видел? Ты видел-видел это, ну скажи, это не сон?! – прыгала она уже вокруг меня, явно же-

лая подтверждения, что мы наблюдали одно и то же.

Альбина продолжала говорить фоном:

– Если появитесь в обществе вместе с княгиней Кудашовой, вы уже оставите такой след в информационном пространстве, что его сложно будет стереть и отдать вас по-тихому в ходе подковерного размена. Ну а если ее светлость кроме кураторской работы поможет нам с тренировками – шансы на успех у нас серьезно повышаются.

– Seriously – это как?

– Seriously по отношению к тому, что было еще пару часов назад, шеф, – тактично ушла от ответа Альбина.

– Эй-эй, – положил я ладонь на голову Наоми, останавливая ее прыжки, словно поймав прыгающий баскетбольный мяч. – Пойдем встречать!

Прыгать Наоми перестала, но не перестала попискивать от осознания происходящего, так что мне пришлось взять ее за руку и почти силком потащить за собой в дом.

Пора знакомиться с нашим навигатором.

Глава 14

Зайдя в комнату первой, Наоми замерла, словно окаменев. Пришлось ее ненавязчиво взять за плечи, чуть приподнять и подтолкнуть. С трудом переставляя ноги, Наоми все же дошла до дивана, куда я ее и усадил. Сестра в сознание пока не возвращалась – сложив руки на груди в молитвенном жесте, она с обожанием глядела на прибывшую княгиню Кудашову.

Наш будущий мастер-наставник и навигатор расположилась за столом, положив перед собой планшет-ассистант, в который периодически поглядывала. На взгляды Наоми внимания она не обращала, похоже, дело привычное. Чувствовала себя высокопоставленная гостя свободно и раскованно. Да и сидела на кресле весьма интересно – боком, выпрямив спину и положив ногу на ногу, покачивая мыском сапога.

К ее внешности и образу можно было применить определение «кавайная». Раньше я такую грацию привлекательности только в телевизоре видел, как плод работы команды монтажеров, а тут, надо же, вживую наблюдаю. Буквально ожившее аниме – засмотрелся так, что взгляд не оторвать.

Кавайная княгиня Кудашова между тем, глядя в планшет ассистанта, либо бессознательно, либо находясь в образе, положила указательный пальчик на нижнюю губу, задумчиво

ее оттягивая немного вниз. Выглядело весьма волнительно – причем и для меня старого, и для меня нового, живущего теперь в теле официально семнадцатилетнего юноши. Да что там говорить, подействовало просто сногшибающе.

Пришлось даже встряхнуться немного, сбрасывая наваждение.

Как-то по-другому я, если честно, представлял нашего навигатора в мире овладения даром. Кавальная княгиня между тем указательным пальцем правой руки довольно небрежно продолжала тыкать в экран планшета, явно знакомясь с информацией. Или же делала вид, просто выдерживая паузу – полагаю, просмотреть наши личные дела она могла и в дороге.

Похоже, княгиня Кудашова очень старается сделать так, чтобы мы друг другу не понравились. Получалось у нее плохо. Не знаю пока, что она за человек в общении, но внешне – просто огонь. Даже в мундире выглядит настолько привлекательно, что хочется у нее спросить, законно ли это – так воздействовать на чужое восприятие. Наш будущий мастер-наставник и навигатор действовала на меня магически – я не терял голову, как Наоми, но, будучи эстетом по натуре, готов здесь еще хоть сколько часов вот так сидеть и смотреть на нее.

Ну какая она Надежда Геннадиевна? Язык не повернется ее так назвать. Выглядит она в моем восприятии спортсменкой, комсомолкой и просто красавицей. Вот только в дей-

ствительной окружающей реальности все наоборот – здесь княгиня Кудашова меня лет на семь-восемь старше. В моем восприятии разница между двадцатью пятью и тридцатью годами совершенно незаметна, встретились два взрослых человека. А вот с другой стороны, между семнадцатью и двадцатью пятью – часто самая настоящая пропасть, совершенно разные миры и восприятие.

Взгляд княгини Кудашовой вдруг оторвался от экрана планшета. Огромные глаза уже смотрели прямо на меня – ясные, как чистое летнее небо. Я буквально тонул в них, не в силах собраться с мыслями.

– Дмитрий Сергеевич. Мне не нравится ваш оценивающий взгляд, он абсолютно бестактен.

Девичий завораживающий голос лился, как лесной ручеек, приятно обволакивая... так, стоп. Что?

– Кроме того, вы меня серьезно отвлекаете своими горячими и влажными мыслями, так что очень бы хотелось, чтобы вы приняли упор лежа и сто раз толкнули землю от себя, – ангельским голосом продолжала кавальная княгиня.

Горячими и влажными мыслями? Да что черт побери она такое несет?!

Несколько секунд стояла полная звенящая тишина – как вдруг я неожиданно понял, что после «влажных и горячих мыслей» наш навигатор еще что-то от меня хотела. Что она там сказала?..

«Сто раз толкнули землю от себя». Отжаться сотку раз что

ли надо?

– Так, – изменившимся голосом, добавив в него стальные нотки, произнесла девушка. Но даже так не утратила ни грамма привлекательности няшного образа.

Поднявшись, она подошла ко мне – сидеть в этой ситуации показалось неправильным, так что я тоже встал. И старательно смотрел ей в подведенные изящными черными стрелками глаза, не опуская взгляд ниже.

Ситуация выглядела немного глупо. Я как-то не мог всерьез воспринимать княгиню Кудашову – она пусть и не казалась мне больше школьницей, но выглядела совсем уж до безобразия молодо. Понятно, что, будь мне семнадцать, казалась бы взрослой дамой, но сейчас...

Во взгляде высокопоставленной гостьи мелькнула тень удивления. Похоже, она сама несколько озадачена ситуацией: наверное, полностью привыкнув к повсеместному поведению окружающих, как у Наоми, сейчас на меня смотрит озадаченно. Вдруг активизировалась Альбина – в поле зрения не появилась, но в ушах прозвучал ее голос:

– Шеф, я бы советовала вам сделать сто отжиманий, мне кажется, так будет лучше...

Похоже, поздно. Княгиня Кудашова уже остановилась совсем рядом со мной, практически вплотную. Еще шаг, и меня просто упрется – ростом она ниже почти на голову.

Я сначала не понял, зачем кавальная княгиня подошла так близко, а потом вдруг возникло ощущение, словно оказался

в вакууме. Окружающие звуки полностью исчезли, тишина полная; погас даже едва уловимый шум в ушах от маски. Абсолютная тишина.

Как в фильмах ужаса бывает за миг перед тем, как наступит кульминация.

Мои ощущения оказались удивительно верными: я действительно словно в самом настоящем фильме ужасов очутился. Взгляд княгини Кудашовой вдруг изменился. Ее глаза, только что такие ясные, как чистое небо, стали абсолютно непроглядно черными. Страшное преобразование еще не закончилось – под кожей у такой только что сногшибательно красивой девушки начали появляться черные змеи вен, отчетливо видимые на фоне ставшего как белый мел лица.

Стало зябко и страшно. Вокруг словно закружились холодные завихрения воздуха. Только это не было морозной свежестью, это был иной холод – словно в жаркий летний день прыгнул в яму только что вырытой во влажной земле глубокой могилы.

Несколько секунд – или минут, черноглазое темное чудовище, в которое превратилась недавно такая кавайная княгиня, смотрело на меня. Постепенно темные змейки вен под кожей тускнели, антрацитовая темнота из глаз уходила. При этом они не стали прежними, ясными – теперь Надежда смотрела на меня довольно странным взглядом. Черный белок, серебристая радужка с затейливым узором, черный вертикальный зрачок. Как проявленный негатив на фотопленке.

Еще немного пробыв в очередном пугающем виде, Надежда Геннадиевна – теперь у меня не было никакого внутреннего тормоза ее так называть, снова превратилась в кавайную красотку. Заговорила она прежним волнительно-приятным голосом, но смотрел я на нее теперь конечно же не так, как минуту назад.

– Меня зовут Надежда Геннадиевна Кудашова, и я владею даром контроля темных искусств. Иначе говоря – я одержимая. Чтобы вы понимали, с кем имеете дело, сообщаю: сама суть темного искусства направлена на то, чтобы уничтожить своего владельца. В любой схватке не только я, но даже самый способный одержимый в мире сражается в первую очередь за контроль над своими способностями. Противник всегда, подчеркиваю – всегда, в приоритетах строчкой ниже. Это понятно, Дмитрий Сергеевич?

– Да.

Чего уж тут непонятного. Надежда Геннадиевна между тем смотрела на меня с немым вопросом. Ответ я получил от Альбины, которая заговорила торопливо:

– Шеф, в общении с княгиней Кудашовой вам нужно использовать обращение «ваша светлость!»

Использовать обращение я не успел – Надежда Геннадиевна снова заговорила.

– В двадцатом веке одержимые были париями в мире владеющих даром. Нас было много меньше, раньше мы были слабее. Большинство, а это владеющие даром элементарной

магии, легко седлали волны силы, а мы – одержимые, только боролись, чтобы остаться на плаву. С недавнего времени нас – маргиналов в мире владения, стало больше. Сначала появились озаренные, а после и вы – проклятые даром. Мы с вами похожи: ваш дар, проклятый дар, требует не меньшего контроля, чем одержимость. У вас, Дмитрий Сергеевич, есть несколько вариантов будущего, и большинство из них ведет к тому, что ваш дар вас же и убьет, прямо или опосредованно. Я знаю, о чем говорю, уж поверьте. Для вас есть только один путь, который ведет к жизни и свету – это упорная и тяжелая работа. Вы к этому готовы?

– Да.

– Шеф, ваша светлость! – напомнила Альбина.

Я добавлять обращение не стал – не вели себя прилично, нечего и начинать. Сделаю вид, что не знал, так проще будет, тем более я память потерял. Надежда Геннадиевна, кстати, больше выразительно и с ожиданием на меня не смотрела, похоже, сама пришла к подобному выводу. И продолжала:

– Вам будет нелишне узнать, что еще вчера утром я наслаждалась пусть затянувшимся, но заслуженным отпуском, полученным вместе с титулом и почетной непыльной должностью. Но по велению нашей государыни-императрицы оказалась вынуждена собрать вещи и мчаться в эту дыру на краю Империи, для того чтобы не дать вам превратиться в потрескивающий электричеством сгусток плазмы и жареной плоти, сделать из вас владеющего одаренного. С большой долей ве-

роятности у меня это получится, но для этого мне нужно от вас выполнение двух условий: это ваша безоговорочная готовность к тяжелому и упорному труду, которую вы только что подтвердили, а также ваша беспрекословная готовность выполнять все мои распоряжения. Это понятно?

– Да.

Кивнув, я впервые оторвал взгляд от ясных глаз. Посмотрел над плечом кавайной княгини, глядя на вскочившую на ноги Наоми, замершую в ошалении от происходящего.

– На стене за моей спиной есть что-то более интересное? – с удивлением отреагировала на мой взгляд Надежда Геннадиевна, не оборачиваясь.

– Не на стене, на диване, – поправил я вернувшую себе кавайную внешность княгиню. Она при этом, кстати, как я почувствовал, с трудом смогла скрыть удивление. Похоже, мое поведение серьезно выбивалось из ее привычной модели.

– Вы говорили сейчас только про меня. Что насчет моей сестры Наоми?

– Ваша сестра не обладает даром, который может бесконтрольно убить ее и окружающих за мгновения. Наоми Сергеевна – способная юная леди, и, судя по ее характеристике в личном деле, мы с ней легко найдем общий язык. Проблемы мне видятся только в учебном процессе с вами. Я хочу услышать четкий ответ: вы готовы беспрекословно мне подчиняться во время обучения?

– Да.

– Это хорошо, – с каменным лицом произнесла ее кавая-ная светлость. – Я узнала, что вы заказали себе общегражданскую капсулу виртуального погружения и приобрели на черном рынке нелегальный тренажерный комплекс. Зачем?

– У меня не очень хорошо получается убивать людей, хочу подтянуть этот навык.

– Тренажеры вам нужны для синхронизации способностей и умений, полученных в виртуальном пространстве?

– Так точно.

– Зачем?

– Хочу участвовать в одной из соревновательных дисциплин Городской охоты.

– Какой конкретно?

– Русский покер.

– Зачем?

– Для того, чтобы заработать деньги и известность.

– Дмитрий Сергеевич, вы – владеющий даром, – не смогла сохранить невозмутимость Надежда Геннадиевна. Судя по виду, она оказалась крайне поражена незнанию мной столь элементарных вещей.

– Ваш дар, при его освоении, подразумевает путь на самую вершину мира, вы этого еще не поняли?

– Мое положение в сложившейся ситуации, даже при условии успешного овладения даром, не подразумевает субъектность, а также свободу выбора решений. Деньги и известность для меня – не цель, а средство.

– Средство для чего?

– В первую очередь для того, чтобы минимизировать возможности мести и преследования со стороны случайно обиженных мною самых разных персоналий.

Во взгляде Надежды Геннадиевны вдруг мелькнуло что-то, явно похожее на тень уважения.

– Во вторую очередь?

– Мне бы с первой для начала разобраться.

Во взгляде Надежды Геннадиевны в этот раз я заметил нечто явно похожее на тень раздражения. Она явно хотела было снова показать, кто здесь главный, но, похоже, сдержалась.

– Ясно. Сами придумали? – спокойно спросила она после некоторой паузы.

– По большей части.

– А по малой?

– Фамильяр подсказала.

– Я хочу его видеть.

– Альбин, покажись, – негромко произнес я, и фамильяр тут же возникла на включившейся плазменной панели.

– Ваша светлость, – продемонстрировала вежливый полупоклон Альбина.

К счастью, блузка на Альбине вновь была застегнута, и в образе отсутствовал агрессивно-сексуальный подтекст. Но все равно Надежда Геннадиевна при виде моего фамильяра приподняла бровь, демонстрируя удивленное недоумение

образом. Не поздоровавшись с Альбиной, ее кавайная светлость повернулась ко мне.

– Когда вы будете в капсуле виртуальной реальности, я хочу общаться с вашим фамильяром. Кроме того, для представления об истинном уровне вашей формы и подготовки мне нужен полный доступ к показателям и визуальный контроль происходящего.

«Это возможно, шеф, при получении от вас разрешения», – голос Альбины раздался только для меня, губы изображенной на плазменной панели фамильяра не шевелились.

– Сделаю.

– Отлично. Как зовут вашего фамильяра?

– Альбина.

– Хорошо, принято.

Кавайная княгиня довольно долго смотрела мне в глаза, вроде как ожидая что-то увидеть. Я не совсем понимал, что именно, а сама она молчала.

– Могу начинать толкать землю от себя? – поинтересовался я.

Во взгляде Надежды Геннадиевны вдруг опять мелькнуло что-то, явно похожее на тень раздражения. Снова она определенно захотела показать, кто здесь по-настоящему главный, но и в этот раз удержалась.

– Дмитрий Сергеевич, вы свободны до момента прибытия и подключения капсулы виртуального погружения, – произнесла она, после чего обернулась к сестре: – Наоми Сергеев-

на, жду вас через сорок минут в обеденном зале, нам нужно будет обсудить ваш подготовительный план. Альбина, покажи мне мои комнаты, – добавила Надежда Геннадиевна, не глянув на плазменную панель, и пошла к выходу.

Я провожал ее взглядом, глядя на изгибы бедер, от которых взгляд не оторвать. Наоми – как я краем видел, тоже провожала ее взглядом, так и сложив руки на груди, но глядя с чувствами иного рода.

– Уиии!!! – тихо пропищала ошалевшая Наоми.

– Дмитрий Сергеевич, – вдруг обернулась от самой двери Надежда Геннадиевна. – Когда вы будете толкать землю от себя в количестве ста повторений, подумайте о том, как сменить свою раздевающую манеру взгляда на нечто более приличное, иначе мы с вами можем не сработаться.

Черт, она реально мой взгляд что ли чувствует?

– Дмитрий Сергеевич, – с оттенком укоризны произнесла вдруг Надежда Геннадиевна. – Я читала составленный на основе ваших слов отчет о произошедшем. Вы не можете не помнить, что Ядвига обладала возможностью читать ваши мысли при контакте взглядов. А я ведь, если вы запомнили, одержимая, как и принцесса Ядвига. Ментальная магия не является моей специализацией, но у вас настолько сильная аура, что я прекрасно чувствую не только ваши направленные на себя взгляды, но даже читаю и некоторые обрывки ваших мыслей.

Черт, неудобно как получилось.

– Вы не могли бы научить меня ставить ментальный блок? Понимаете, вы настолько обворожительно выглядите, что я просто не могу справиться с собой.

Глаза кавайной княгини неожиданно опасно сверкнули. Я увидел в ее взгляде что-то, но в этот раз не понял, что именно. Ничего больше не говоря, ее кавайная светлость развернулась на каблуках и вышла из комнаты. Правда, я успел заметить, как от злости у нее разругались щеки.

Похоже, есть реальный вариант, что мы не сработаемся и у меня будет другой навигатор. Но вот если сработаемся... Надежда Геннадиевна уже начала мне нравиться.

Не знаю, куда она приведет нас с Наоми как навигатор, не знаю, будет ли этот путь долгим или закончится совсем скоро, но есть у меня стойкое ощущение, что на этом пути скучно точно не будет.